

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 4 2020 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

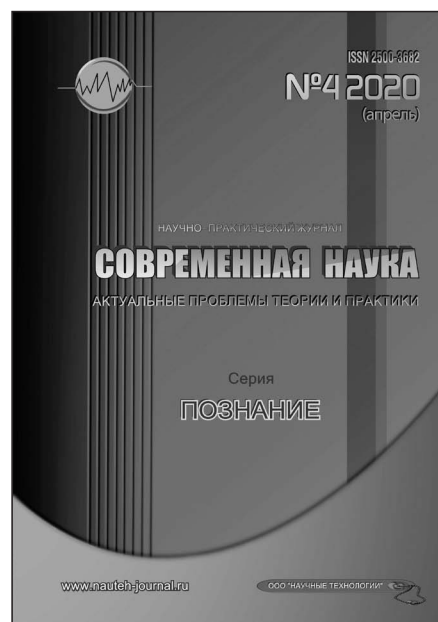
Подписано в печать 25.04.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 4 (апрель) 2020 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Баринов В.И. — Парадоксы техногенной культуры
Barinov V. — Paradoxes of technogenic culture 5

Власов Д.В. — Факторы зрелищности
показательных спортивных выступлений
Vlasov D. — Showing factors of indicative sports
speeches 9

Го Тинтин — Влияние западного культурного
мышления постмодернизма на китайское
традиционное искусство
Guo Tingting — The impact of western cultural
thinking on postmodernism on chinese traditional
art. 12

Доронин В.В. — Природа трагизма фигуры рок-
героя как носителя внутреннего конфликта
Doronin V. — The nature of the tragedy of the figure
of a rock hero as a carrier of internal conflict 17

Ляпкина Т.Ф., Стрекаловская З.А. —
Ревитализация олонхо в современной культуре
сахы
Lyapkina T., Strekalovskaya Z. — Revitalization of
olonkho in modern sakha culture. 22

Родионова Д.Г., Миндлин Ю.Б. — Менеджмент
арт-индустрий: кросс-подход к социокультурной
концепции и прибыльности бизнеса
Rodionova D., Mindlin Yu. — Art management: a cross-
approach to the socio-cultural concept and business
profitability 27

Толок Е.С. — Ценностные ориентации женщины
как субъекта общественного процесса в истории
России
Tolok E. — Value orientations of women as a subject
of social process in the history of Russia. 31

Фидарова Ф.К. — Игнорирование культурно-
исторических и политических понятий в переводе
немецкой поэзии на русский язык
Fidarova F. — Ignoring cultural, historical and political
notions in the translation of german poetry into
russian. 36

Хлупнова Е.В. — Влияние парижской школы на
стилевые направления в творчестве Александры
Повориной-Алерс-Хестерман
Khlyupnova E. — The influence of the school of paris on
the style of Alexandra
Povorina-Ahlers-Hestermann. 42

Психология

Бурькина М.Ю. — Особенности рефлексивности
студентов бакалавриата педагогического профиля
Burykina M. — Peculiarities of reflexivity among
bachelor's degree students of a pedagogical
specialty. 47

Глебова А.В. — Травматическое прошлое России
как источник созависимых отношений в семьях
Glebova A. — Russia's traumatic past as a source of
codependent relationships in families 54

Исагулова Е.Ю., Алёхин А.Н. — Прогностические
факторы попыток самоубийства у подростков с
мыслями о суициде и аутоагрессивном поведении
Isagulova E., Alyohin A. — Prognostic factors of suicide
attempts in adolescents with thoughts of suicide and
self-injurious behavior 61

Латынов В.В. — Влияние психологических
характеристик объекта воздействия на
эффективность воздействия

Latunov V. — Impact of psychological characteristics
of the object of influence on effectiveness of
influnence 69

Лещенко С.Г., Пешкова Н.А. — Вызывание речи у
дошкольников с расстройствами аутистического
спектра посредством приемов сенсомоторного
развития
Leshchenko S., Peshkova N. — The evocation of speech
in preschool children with disorders autistic spectrum
through techniques sensorimotor development . . . 74

Мусханова И.В., Яхьяева А.Х. — Этнокультурные
особенности интеллектуального воспитания детей
Muskhanova I., Yahyaeva A. — Ethnocultural features
of the intellectual education of children 79

Рыбникова С.М., Николаев Е.Л. — Оптимизация психофизиологических конструкторов в структуре программы реабилитации больных инсультом <i>Rybnikova S., Nikolaev E.</i> — Optimization of psychophysiological constructs in the structure of the program of rehabilitation of stroke patients..... 81	Антюшев И.И. — Противоречия между идейными направлениями органицизма в контексте системы органического мировоззрения <i>Antyushev I.</i> — Contradictions between the main approaches of organicism in the context of the organic outlook..... 112
Фёдоров А.Ф. — Формирование культуры профессионального общения у сотрудников уголовно - исполнительной системы <i>Fedorov A.</i> — Formation of culture of professional communication at employees of the criminal executive system..... 86	Блохин Д.Г. — К понятию «Эсхатологическая идейная группа» <i>Blokhin D.</i> — To the concept of “Eschatological ideological group” 117
Харченко Д.В. — Специфика проявления нравственных отношений курсантов в служебной деятельности <i>Kharchenko D.</i> — Specificity of manifestations of moral relations of cursants in official activities. 89	Богомолов А.В. — Проблема небытия в философии Парменида и Гераклита: между негативной теологией и философской апофатикой <i>Bogomolov A.</i> — The problem of non-being in the philosophy of Parmenides and Heraclitus: between negative theology and philosophical apophaticism 123
Чистякова Ю.С., Цапова В.Г. — Мотивация как акмеологическое условие становления родительской идентичности <i>Chistyakova Yu., Tsapova V.</i> — Motivation as the acmeological condition of formation of parental identity..... 92	Васильченко А.В. — Положение женщины в современной культуре России и Китая <i>Vasilchenko A.</i> — The position of women in modern culture in Russia and China..... 128
Шемет И.С. — Творчество как интегративный механизм психики <i>Shemet I.</i> — Creativity as the integration mechanism of psychics..... 96	Меньщиков Д.И. — Семантическое поле Й. Трира с точки зрения философской теории фреймов <i>Menshchikov D.</i> — The semantic field of J. Trier from the viewpoint of the philosophical theory of frames..... 134
Шибяева Л.В., Собакинских О.В. — Психологическая готовность воспитателей к партнерской позиции при создании развивающей образовательной среды в дошкольном учреждении <i>Shibayeva L., Sobakinskikh O.</i> — Psychological readiness of educators for a partner position in creating a developing educational environment in a preschool institution 102	Пугачева Н.П. — Человек. Жизнь. Ответственность (диалог Г. Йонаса, Э. Майра и С. Доннелли) <i>Pugacheva N.</i> — Human. Life. Responsibility (dialogue of H. Jonas, E. Mayra and S. Donnelly) 138
Философия	Информация
Абдуллаева С.Ш. — Русская православная церковь и интернет <i>Abdullayeva S.</i> — Russian orthodox church and internet..... 109	Наши авторы. Our Authors..... 142
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 144

ПАРАДОКСЫ ТЕХНОГЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

PARADOXES OF TECHNOGENIC CULTURE

V. Barinov

Summary: The overview and analytical study of the mosaic thinking concept (network thinking, Internet consciousness, defocusing), the term of the last decades, which describes the fragmentary way of perceiving information, peculiar to a new generation growing in the world of technogenic culture, is presented in the article. The raised issues are analyzed, the research programs and perspective directions for future study in the matter of changes in a person's cognitive style are proposed. The 21st century marked the era of social networks, video blogs and online chats, the algorithm of using information is changing, and a person ceases to delve into information, reading only superficial facts. Many scientists are wondering whether informatization leads to the degradation of society or whether it is just a change in the cognitive style of a person living in the era of the information-oriented society.

Keywords: mosaic thinking, network thinking, Internet consciousness, defocusing, technogenic culture.

Баринов Владимир Иванович,
аспирант, Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина
sedriksakson@gmail.com

Аннотация: Представлено обзорно-аналитическое исследование представления о клиповом мышлении (сетевое мышление, интернет-сознание, дефокусированность) – термине последних десятилетий, который описывает фрагментарный способ восприятия информации, характерный для нового поколения, растущего в мире техногенной культуры. Анализируются выделенные проблемы, предлагаются исследовательские программы и перспективные направления будущих исследований по вопросу изменений когнитивного стиля человека. XXI век ознаменовал эру социальных сетей, видеоблогов и онлайн-чатов, алгоритм использования информации меняется, и человек перестает углубляться в информацию, считывая лишь поверхностные факты. Многие ученые задумываются, приводит ли информатизация к деградации общества или же это всего лишь изменения когнитивного стиля человека, живущего в эпоху информационного общества.

Ключевые слова: клиповое мышление, сетевое мышление, интернет-сознание, дефокусированность, техногенная культура.

Носителем информации в европейской культуре традиционно являлись книги, большое количество из которых обладало некоторой внутренней структурой. Техника печати книги, которую изобрел Иоганн Гутенберг, предоставила возможность опубликовать свои мнения, идеи и взгляды и пропагандировать их в существенно более широком кругу, по сравнению с предыдущими эпохами. В. Ланкин и О. Григорьева считают, что возможность опубликовать свое мнение привела к превращению науки в преимущественный метод познания и преобразования мира [6], который охарактеризован выявлением причинно-следственной связи. В дальнейшем это способствовало реформации науки в фундаментальный метод постижения и преобразования мира. Благодаря вдумчивому чтению, у людей складывался рефлексивный характер восприятия получаемой информации, способствующий созданию осмысленной и организованной картины мира. На данный момент времени большое число исследователей области антропологии и коммуникативистики отмечают, что именно метод прочтения и передачи информации определяют стиль мышления [7,8]

Жизнь в эпоху Просвещения и в Новое время олицетворяла книгу – каждая последующая глава связно продолжалась за предыдущей, оказываясь все более сложной и комплексной. Ребенок развивался и рос, превращаясь в обладающего всеми правами и обязанностями члена социума, неся ответственность за себя и свое

будущее. В настоящее время, в эпоху постмодерна, настолько детерминированной жизнь быть уже не может. Подобно нарезке из клипа или рекламному проспекту, человек регулярно появляется в совершенно разных, крайне мобильных образах, он меняет род деятельности, увлечения, места жительства, друзей и возлюбленных. Повседневную жизненную линейную структуру заменила беспорядочность. И не в последнюю очередь это происходит из-за принципиально иного типа мышления, которое сформировалось в эру техногенной культуры [2, 4].

Результатом научно-технического прогресса можно назвать появление новых средств передачи сообщения. Вербальные средства передачи информации (книги, газеты и журналы) были заменены аудиовизуальными (вначале радио, потом телевидение, а затем и интернет). При этом структура используемой информации представлялась по-разному: во время изучения книг сообщение было текстовым, обладающим четко упорядоченной линейной структурой. В то время телевидение и глобальная всемирная паутина предлагают потребителям мультимедийную информацию, лишь только изредка разбавленную малыми порциями текста [3].

Первые мысли, которые появляются в голове подавляющей части людей при слове «клип», – быстро переменяющийся видеоряд с МТВ или МУЗТВ, зачастую со слабо связанными между собой образами. И данные

мысли не очень далеки, ведь «клип» – происходит от английского «clip», что значит «делать вырезки из газет или фильмов». Удаляя основные моменты и монтируя их в общую историю, монтажер упрощает восприятие зрителю и демонстрирует целую картину, без углубления в предложенную им тему. Клиповое мышление использует все те же методы, что и видеоклипы, то есть человек принимает окружающий его мир как следствие никоим образом не связанных между собой явлений, а не как однородную структуру, подразумевающую под собой взаимосвязь всех элементов.

Людам в настоящее время все труднее рассуждать и мыслить логически, находить новые и неожиданные пути решения, ведь мы проживаем в громадном информационном поле, сформированном техногенной культурой, в котором требуемая информация может быть получена всего одним кликом мышки или же простой голосовой командой. Отсутствие способности проводить анализ информации является следствием того, что ее образ не остается в мыслях надолго и быстро замещается на другой, как при переключении каналов или просмотре новостей.

Крупнейшие киноконцерны, подстраиваясь под современное общество и вкладывая громадные денежные средства в развитие киноиндустрии, все чаще прибегают к простым текстам, которые наполняют короткими фразами с крайне слабыми логическими связями.

Клиповое мышление применяется также в коммерции и рекламе. Рекламодатели при производстве рекламы нацелены прежде всего на эмоции потребителей, а не на ее осознание, именно поэтому чаще прибегают к вызову «низших» чувств людей, что дает уверенность в привлечении потенциальных покупателей.

В 2010 году российский философ и культуролог Константин Григорьевич Фрумкин сформулировал 5 основных источников возникновения клипового мышления [12]:

1. Развитие современных технологий и, соответственно, увеличение информационного потока.
2. Необходимость принимать большой объем информации.
3. Многозадачность.
4. Форсирование ритма жизни и попытка успеть за всем, чтобы быть в центре событий.
5. Продвижение свободы слова и диалогичности на различных уровнях социальной системы.

В последние годы на страницах средств массовой информации можно часто встретить информацию о том, что «клиповость» пагубно влияет на современное общество и является обостренной социальной проблемой. Однако всё не столь однозначно. В клиповом мышлении

различаются и положительные, и негативные стороны.

Клиповое мышление – это полученное качество, которое сформировывается на базе переменяющихся положений существования и ритма жизни. К особенности «клиповости» можно отнести быструю обработку данных, а не умение эти данные оценивать, преобладание визуального восприятия, проблемы с восприятием длительной линейной последовательности и однородной информации. В результате чего заложники «клиповости» в подавляющем большинстве случаев не могут выстроить одну логическую цепочку на основе изученного материала. Это прямо противоположно понятийному мышлению, которое описал Лев Семёнович Выготский, позволяющему человеку найти и выделить конкретные признаки предметов, свободно погрузиться в информацию и осуществить ее аналитический обзор. Тот, кто владеет понятийным типом мышления, детально исследует и проводит анализ информации, однако из-за этого времени на обработку затрачивается гораздо больше.

В современных жизненных условиях человеку просто необходимо быть многозадачным и иметь способность одновременного выполнения нескольких действий. Информация, в мире техногенного общества, поступает хаотично, и у человека зачастую отсутствует достаточное количество времени для глубокого и сосредоточенного анализа.

Как отмечает психолог, автор книги «Мастер жизни: психологическая защита в социуме» С.Ю. Ключников, в данной ситуации клиповое мышление становится своеобразным «фильтром» перед информационными перегрузками [5]. Человек с клиповым мышлением усваивает только краткую информацию. Хотя, по выражению Л.Н. Толстого, «Короткие мысли тем хороши, что они заставляют серьезного читателя думать».

С одной стороны, клиповое мышление позволяет человеку сравнительно быстро запомнить информацию, что, конечно же, помогает ему, например, в изучении иностранных языков или быстром выучивании маленького объема текста. С другой стороны, кандидат психологических наук Татьяна Викторовна Семеновских в своем исследовании акцентирует свое внимание на том, что оно всего лишь способно помочь запомнить некие «маркеры» – термины, слова, но понятия сути дела не дает. Стоит отметить, что при клиповом восприятии серьезно перестраивается методика прочтения текстов. Текст не воспринимается в целом (крайне часто в комментариях всплывают подобные фразы: – «ниаси-лил», «много букаф» и так далее), он не рассчитывает не только на ведущее внимание читателя, но и на хоть сколько-нибудь долгосрочное. При клиповом прочтении текстов выделяются отдельные слова-маячки и фразы-маркеры, что может привести к неточному истолкованию [10]. В

общем итоге порождается «саммари» лишь по диагонали бегло пройденного текста, которое формирует упрощенное понимание ситуации, а также способность молниеносно сделать вывод и принять решение.

Так из-за чего все же стоит переживать? Американский журналист Николас Карр еще в 2008 году опубликовал статью «Мы все тупеем от Google?», в ней он показал большое беспокойство самим собой, когда не осилил чтение книги. Проведя опрос своих близких, он понял, что в данной проблеме он не одинок. По наблюдениям Карра, чем больше человек использует глобальную компьютерную сеть интернет, тем больше усилий ему придется потратить на изучение длинных текстов, требующих размышлений.

Взяв на вооружение эту проблему, Карр обратился к исследованиям поведения пользователей в глобальной сети интернет. Так, ученые Университетского колледжа Лондона доказали, что сосредоточенное, осмысленное чтение уходит, заменяется поверхностным.

Майкл Харрис, американский редактор, написал книгу о том, как он научился читать книги – «Со всеми и ни с кем», в которой также развивает всеобщую тревожную линию, на основе суждений профессора Калифорнийского университета Гэри Смолла говоря о том, что мозг современного человека по причине свойства нейропластичности приобретает чрезмерную способность к освоению виртуальной реальности, в сравнении с которой материальная реальность гораздо проигрывает. Впрочем, всё это уже было сказано и при изобретении книгопечатания.

Так, это означает, что опасность исходит вовсе не от интернета, не от игр, не от цифровых технологий, а от нас самих. Нескончаемый цикл двустороннего воздействия общественного требования и особенности сознания человека создает потребность регулярного поиска баланса между несовместимыми и одновременно совместимыми качествами данного мышления – сосредоточенностью и переключаемостью.

Традиционный конфликт поколений накладывает свой след на ускорившийся ритм изменений и порождает периодически появляющейся всплеск общественной паники из серии «мы не те, что прежде» [8]. Подумайте, только за 20 век и начало 21 вся планета переживала затянувшийся ужас перед телевидением, которое портило наших детей; перед персональным компьютером, портящим наших детей; перед компьютерными видеоиграми, портящими наших детей; перед социальными сетями, портящими наших детей; перед мобильными гаджетами, которые испортили наших детей. Переживания совсем не утихают – стоит чуточку вырасти предыдущему «испорченному» поколению, как тут же возникает новый

объект для фобии, который данное поколение успешно осваивает и уже привыкает к нему. Стоит только подумать: временной отрезок от печатной книги и до печатной газеты насчитывает приблизительно десять столетий (продажу книг запустили в Греции, в пятом веке до нашей эры, а первые газеты, которые печатали с применением ручного труда и при помощи оттисков, возникли в Китае в пятом веке нашей эры); ещё около десяти столетий пришлось ожидать появления станка Гутенберга; и ещё четыре столетия – до радио и телевидения [10]. У человечества было большое количество времени для того, чтобы привыкнуть к изменениям, допустить их в свою повседневную жизнь и посчитать той самой нормой, по которой ещё наши деды росли.

Именно в последнее время создалась уникальная ситуация: подрастает поколение, не заставшее эту планету без глобальной всемирной паутины, мобильных телефонов и состояния «всегда на связи». А получает воспитание это поколение от тех, кто вырос без регулярного доступа к сети интернет с цифровым миром интернет-сервисов и социальных сетей.

Педагогика, проливающая слезы над этим новым человеческим типом, – это наследница средневековой педагогики, которая базировалась на выучивании текстов. Нет никаких сомнений, что как бы этого ни хотели люди предыдущего поколения, подобная педагогика эру техногенной культуры пережить не сможет [11].

Преподаватели, которые ввиду своей профессии и воспитания обладают именно системным мышлением, развитым навыком работы с линейным текстом, накопленной базой знаний, желают предоставить своим подопечным возможность овладеть именно этими, безусловно ценными навыками, но с горестью констатируют безуспешность данных попыток. «Не читает», «не запоминает», «не пересказывает», «в одно ухо влетело, в другое вылетело». Нам это не нравится, кажется неполноценностью, нездоровьем, аномалией. В запущенных случаях так оно и есть. Но направление всеобщего развития мира под влиянием техногенной культуры таково, что способность моментально сориентироваться в громадной массе многогранных и крайне часто противоречивых сведений, применяя максимальное число дополнительных источников, существенно важнее, чем способность вдумчиво провести анализ одного (всего одного!) первоисточника за то же самое количество времени. Найти решение, чтобы работало, чтобы ничего не остановилось, да поскорее, завтра уже будет поздно – вот девиз современного времени. Не до сантиментов.

Нет никакого смысла приходить в ужас, с ностальгией вспоминая старые добрые времена. Саморегуляция возьмёт своё. Но и оставлять без внимания также нельзя: в конце концов, баланс между качествами мышления

– клиповостью и сосредоточенностью – стоит регулярно дозированно корректировать. Суть нашего дела – это предложить альтернативу, но не настаивать. Именно по этой причине учебный процесс должен воплощать не идеальные представления прошлых поколений об окружающем мире, а стимулировать реальность настоящего времени и изменять в соответствии с новой реальностью.

Потребность применять верные инструменты обучения в зависимости от того, какую цель вы преследуете, диктуют реалии современного времени. К подобным формам построения образовательного процесса, совместно с Михаилом Пекаром [9], можно отнести:

- Фрагментарный принцип представления информации (использование презентации), сопоставление информации с графическими образами;
- метод парадоксов – чтобы вынудить обучающегося размышлять, а не просто пропускать через себя информацию, можно дать ему два несовместимых

факта. Недостаток четко определенной законченной мысли, подготовленного вывода от педагога может побудить учащегося подумать и включить логику;

- дискуссия – участие в дискуссиях обучает защищать свою точку зрения и рассматривать противоположную.

Отдельно стоит выделить технологии дистанционного обучения, которые стали возможны благодаря развитию техногенной культуры [2].

Клиповое мышление – это факт, который просто требуется принять. Из этого видно, что для педагогического общества остаются актуальными потребность поиска, разработки и имплементации подходов, учитывающих эту особенность обучающихся. Увеличивающаяся роль техногенной культуры в современном обществе не может не вызывать сомнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баринов, В.И. Качество образования и гаджеты в современной подростковой субкультуре [Текст] // Баринов В.И. Материалы национальной научно-практической конференции с международным участием: IX Рязанские социологические чтения Рязань, 07-08 ноября 2019 г. // под общ. ред. Р.Е. Маркин, А.В. Прозона. – М.:»Изд. Ипполитова». - 2019. - С. 237-241.
2. Баринов, В.И. Эволюция аксиологических оснований современной системы образования в дискурсе техногенной культуры [Текст] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание» - 2019. - №10. - С. 5-7.
3. Градюшко, А. Перспективные стратегии веб-журналистики в глобальном информационном пространстве [Текст] // Материалы III Международной научно-практической конференции, 20.02.2014 г., Минск / под общ. ред. Т.Н. Дасаевой; сост. Б.Л. Залесский. - Минск: Изд. центр БГУ, 2014. - С. 77- 88.
4. Докука, С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества [Текст] // С.В. Докука // Общественные науки и современность. - 2013. - №2. - С. 169-176.
5. Ключников, С.Ю. Мастер Жизни: психологическая защита в социуме [Текст] - М.: Беловодье, 2001. С. 592.
6. Ланкин, В.Г., Григорьева, О.А. Книга как информационно-технологическая основа культуры [Текст] // Социс. - 2009. № 7.
7. Ледовских, Н.П. Проблемы эволюции современной субкультуры детства [Текст] // Гарантии прав ребенка - безопасность детства: Сборник научных трудов. - М.: Московский городской педагогический университет, 2018. - С. 99-103.
8. Отюцкий, Г.П. Информатизационное общество как объект философии информатизации [Текст] // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. - М. - 2005.
9. Пекар, М.Я мыслью клипами. Плохо ли это? [Электронный ресурс] / М. Пекар. - URL: <https://newtonew.com/opinion/howto-deal-with-fragmented-mind> (дата обращения: 12.01.2020).
10. Симакова, С.И. Клиповизация мышления у молодежи как следствие развития визуальных коммуникаций в СМИ [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovizatsiya-myshleniya-u-molodezhikak-sledstvie-razvitiya-vizualnyh-kommunikatsiy-v-smi> (дата обращения: 18.12.2019)
11. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс]. // Топос: литературно-философский ж-л. 2010. №9. - URL:<http://www.topos.ru/article/7371> (дата обращения: 22.12.2019)
12. Фрумкин, К. Откуда исходит угроза книге[Текст] /К. Фрумкин // Знамя. - 2010. - №9

© Баринов Владимир Иванович (sedriksakson@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФАКТОРЫ ЗРЕЛИЩНОСТИ ПОКАЗАТЕЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Власов Денис Владимирович,

аспирант, преподаватель, ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры искусств и туризма»
vlasov93@yahoo.com

SHOWING FACTORS OF INDICATIVE SPORTS SPEECHES

D. Vlasov

Summary: The article discusses the synthesis of art and sport in culture. The author analyzes the possibilities of demonstrative sports performances from the standpoint of their entertainment and the specifics of its role. The relevance of the processes of synthesis of art and sports is emphasized by the massive attention to significant sporting events. The role of the synthesis of art and sport is expressed in the translation through them of the main value orientations of culture: aesthetic, national, artistic and expressive (in terms of the physical capabilities of the human body). The significance of demonstration sports is determined by their humanizing potential. This potential is revealed in the processes of personality integration into the system of cultural and aesthetic relationships created on the basis of the synthesis of art and sport in a common culture. Results: the article reveals the main factors of spectacular sports performances; The main characteristics of factors are determined from the standpoint of enhancing the role of the synthesis of art and sport in culture.

Keywords: indicative sports performances, entertainment, factors, synthesis of art and sports in culture, humanizing potential.

Аннотация: В статье рассматривается проблематика синтеза искусства и спорта в культуре. Автор анализирует возможности показательных спортивных выступлений с позиций их зрелищности и специфики ее роли. Актуальность процессов синтеза искусства и спорта подчеркивается массовым вниманием к показательным спортивным мероприятиям. Роль синтеза искусства и спорта выражается в трансляции через них основных ценностных установок культуры: эстетических, национальных, художественно-выразительных (с точки зрения физических возможностей тела человека). Значимость показательных спортивных выступлений определяется их гуманизирующим потенциалом. Этот потенциал раскрывается в процессах интеграции личности в систему культурно-эстетических взаимоотношений, создаваемых на основе синтеза искусства и спорта в общей культуре. Результаты: в статье выявлены основные факторы зрелищности показательных спортивных выступлений; определены основные характеристики факторов с позиций усиления роли синтеза искусства и спорта в культуре.

Ключевые слова: показательные спортивные выступления, зрелищность, факторы, синтез искусства и спорта в культуре, гуманизирующий потенциал.

Высокий уровень зрелищности спортивных событий в условиях современных социокультурных реалий очевиден. На сегодняшний день уровень и масштаб спортивных мероприятий во многом определяется компонентом зрелищности решений (сценических, декорационных, демонстрационных и пр.) Эти решения характеризуются особой функцией общественных отношений (отношения коммуникации на основе средств культуры, диалог культур) и являются обусловленными выражениями массовой потребности в культуре достижений возможностей человеческого тела и духа [2].

Актуальность разрабатываемой проблематики очевидна. Она связана с видением потенциала спорта в решении глобальных проблем современности. Разработку концепций, которые отражали бы совершенствование социокультурных и ценностно-смысловых ориентаций социума, связывают с возможностями зрелищных показательных выступлений. Недаром даже в ресурсах информационно-справочных систем, используемых в международном формате для систематизации произведений науки, периодики, литературы и т.д., массовые развлечения, спорт и зрелищные искусства имеют единый исходный классификационный код [9].

Значение факторов зрелищности показательных спортивных выступлений является очень высоким. Они выполняют специфическую культурно-обменную (определяющую готовность субъекта к восприятию иной национальной концепции культуры как возможности обогащения собственного культурного опыта, а также передаче своего), а также культурно-коммуникативную (признающую уникальность любого культурного опыта в его проявлении при сохранении собственной культурной самоидентификации) функции. Это позволяет формировать особые духовные ценности, определяющие связи с гуманизирующим потенциалом социума.

В связи с вышесказанным, целью статьи стал анализ основных факторов зрелищности спортивных показательных выступлений.

Задачи:

- обосновать значимость формирования нового феномена массовой культуры на основе синтеза искусства и спорта, реализующегося в показательных спортивных выступлениях;
- обосновать значимость расширения культурных функций спортивных показательных мероприя-

тий, обуславливающих гуманизацию социокультурных отношений в социуме;

- выявить основные факторы зрелищности спортивных показательных выступлений.

Методы: теоретического анализа, историко-описательный метод, обобщения.

Новизна:

- возможности информационной эпохи позволяют сегодня с максимальной выгодой для формирования массового сознания и массовой культуры трансформировать положительный эффект организации и проведения зрелищны спортивных и показательных спортивно-массовых мероприятий, для чего необходим анализ потенциала факторов зрелищности;
- усиление роли спорта в расширении спектра международных отношений обуславливает необходимость изучения значимости факторов зрелищности показательных спортивных выступлений: в качестве функции формирования единого мультикультурного пространства; как объекта влияния глобализационных процессов; как эффективного инструмента противодействия негативным последствиям глобализации.

Расширение культурных функций спортивных показательных зрелищ, в границы которых в последнее десятилетие вошли разнообразные проекты («Звезды на льду», «Танцы со звездами» и мн. др.) опосредовали расширяющуюся культурную многоаспектность взаимодействия с обществом. В рамках многих подобных проектов любой желающий человек оказался способным расширить границы своих возможностей, пройти кастинг и поучаствовать в проекте, поучаствовать в соревнованиях. Например, соревнования для взрослых по фигурному катанию открыты для любых возрастов и любого уровня подготовки (чего раньше не было). В шоу могут принять участие отнюдь не только квалифицированные спортсмены или артисты. Во многом это происходит благодаря тому, что доступность спортивных зрелищных выступлений интегрируется в смысло-жизненный ценностный личностный спектр, обуславливающий более эффективное и продуктивное для самой личности приобщение личности к культуре через спорт [4].

Все это говорит о том, что является вполне закономерным рассматривать спорт в тесной связи с культурой и даже в качестве одного из ее значимых компонентов [5].

Спорт, обозначенный Пьером де Кубертеном как повод для искусства, изначально привлекал внимание общественности с позиций «праздничного» смысла жизни. В концепции знаменитого философа Хосе Ортеги-и-

Гассета он обозначался как жизнь второго порядка, т.е. жизнь, подчиненная культурному смыслу существования – смыслу, наделенному особым сущностным значением.

Данное значение с одной стороны, может быть охарактеризовано как кажущаяся (с практической точки зрения) «бесцельность», а, с другой, «изначальная жизненная активность» и «органичная непринужденность». Так характеризуя спортивное зрелище как основу «культуры и цивилизации», Ортега-и-Гассет называет культуру дочерью «не природы, а спорта» [6; 7; 8].

Творческий характер спортивных зрелищ, красота совершенного действия, раскрывающая суть уникальной природы человеческого ума, тела и их возможностей передаются нам сегодня через спортивные показательные выступления, составляющие своеобразный «абрис» высших форм деятельности.

Нравственно-эстетический облик показательных спортивных мероприятий позволяющий неуклонно расширять представления и знания как о спорте и культуре народов, так и о мире в целом, регулируется императивами красоты, культуросообразного воспитания, информативности и т.п., раскрывающих себя на основе многих факторов, основополагающими из которых являются факторы зрелищности [1; 3].

К факторам, определяющим зрелищность показательных спортивных мероприятий (Ермилова, 2015; Кудашов, 2018) справедливо относят:

- *спортивное мастерство, художественно-эстетический вкус спортсменов и профессионализм актеров*, аккумулирующие художественно-выразительный потенциал спортивного показательного зрелища; данный фактор не только делает показательное спортивное выступление высоко привлекательным в плане выразительных возможностей, но и определяет смысловую глубину выступления, эмоциональную ценность его содержания;
- *композицию показательного спортивного выступления*, определяющую общее впечатление от насыщенности выступления в масштабах охватываемой площадки, территории и т.п.; данный фактор играет важное значение при восприятии структуры показательного номера, степени насыщенности и выраженности экшена в конкретно взятые временные моменты в рамках распределения смысловой структуры показательного действия и заполненности им пространства; при успешности реализации данного фактора у зрителя возникает впечатление, что в каждый момент времени в каждом «уголке» сцены, площадки и т.п. происходит автономное и, вместе с тем, составляющее

общую картину действие, наделенное специфическим смыслом: конкретным, но обуславливающим общий план-замысел;

- *костюмы и используемый реквизит*; роль костюма переоценить достаточно трудно, но, тем не менее, для достижения наивысшего зрелищного эффекта он отвечает определенным требованиям: колористическая решенность, обуславливающая общую гармонию цветового восприятия показательного выступления; использование блестящих, светящихся, переливающихся и пр. элементов, создающих настроение праздника, а также определяющих решение необходимых задач выступления; эстетичность и этичность костюмов, не нарушающая нравственной ценности показательного выступления, а, наоборот, усиливающая данную его сторону; соответствие костюма передаваемой идее выступления и т.д.; функции реквизиты также должны соответствовать достижению общей гармонии и идее показательного номера;
- *музыкальное сопровождение*, позволяющее достигать особого эффекта на основе гармонии музыки, тональности, эффектов обертонов и т.д.; музыкальное сопровождение усиливает эффект зрелищности выступления, делает его более по-

нятым в смысловом восприятии, обеспечивает усиление художественно-эстетической направленности спортивного зрелища;

- *художественное оформление, декорации, световые эффекты и т.п.*

Считаем необходимым отметить, что каждый из факторов не определяет полностью автономность какого-либо одного из показателей зрелищности. Все факторы достаточно тесно взаимосвязаны и способствуют усилению функций каждого из них. Сочетанием, усилением факторов зрелищности достигается наивысший концепт интеграции, который усиливает зрелищность показательного спортивного выступления. В таких условиях решаются задачи как его участников, так и его реципиентов, что позволяет говорить о развитии особого специфического феномена массовой культуры – художественно-эстетическом, вбирающем в себя уникальность возможностей человека, эстетический идеал и целостный художественный образ. Факторы зрелищности показательных спортивных выступлений являются одними из основных концептов развития спортивной дипломатии, которая в условиях современных реалий играет мощную сближающую роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермилова В.В. Особенности зрелищности в спорте и их трансформация в условиях современного общества // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. № 2 (35). С. 100-103.
2. Козлова В.С. Спорт как социально-зрелищная сфера. Минск: ФУАинформ, 2005. 334с.
3. Кудашов В.Ф., Л.Т. Кудашова, Н.Н. Венгерова. Факторы зрелищности показательных спортивных выступлений // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2018. № 1. С. 149-156.
4. Ландарь А.А., Носик О.В., Иванова О.Л. Мотивация к спорту в нашей жизни // Успехи в химии и химической технологии. 2017. № 14 (195). С. 113-115.
5. Мазуров Ю. Спорт как универсальная культура // Наука в олимпийском спорте. 2014. № 5 (5). URL: <http://sportfiction.ru/articles/sport-kak-universalnaya-kultura/>
6. Михайлов В.В. Спорт в мире культуры (по взглядам Х. Ортеги-и-Гассета и Й. Хёйзинга). URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=682>
7. Ортега-и-Гассет Х.О спортивно-праздничном чувстве жизни // Философские науки. 1991. № 12. С. 137-152.
8. Сараф М.Я. Спорт и культура (исторический анализ). URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?>
9. Справочник по УДК. 2015. – URL: <http://teacode.com/online/udc/7/7.html>

© Власов Денис Владимирович (vlasov93@yahoo.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНОГО КУЛЬТУРНОГО МЫШЛЕНИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА НА КИТАЙСКОЕ ТРАДИЦИОННОЕ ИСКУССТВО

Го Тинтин

Аспирант, Государственный университет управления
ting19881229@126.com

THE IMPACT OF WESTERN CULTURAL THINKING ON POSTMODERNISM ON CHINESE TRADITIONAL ART

Guo Tingting

Summary: Globalization is have a form of worldwide cultural integration. National cultures can use it for exchange of experience, innovation and cultural achievements. National cultures face the problem of maintaining their identity. The article discusses how the culture of China interacts with the processes of globalization and analyzes the ongoing processes and future trends.

Keywords: China, art, culture, cultural exchange, globalization, postmodern.

Аннотация: Идущая глобализация проявляется в форме всемирной культурной интеграции. Для национальных культур этот процесс полезен, потому что позволяет обмениваться опытом, инновациями, достижениями. Однако, перед национальными культурами встает проблема сохранения своей идентичности. В статье рассмотрено, как культура Китая взаимодействует с процессами глобализации, анализируются происходящие процессы и выявляются тенденции развития.

Ключевые слова: Китай, искусство, культура, культурный обмен, глобализация, постмодернизм.

Китайская художественная культура имеет долгую историю. Художественные произведения китайского традиционного искусства содержат в себе проявления социальных форм и духовной жизни своих эпох. Произведения китайского традиционного искусства не только знакомят людей с различными формами искусства разных эпох истории Китая, но, также, и демонстрируют людям историю китайской культуры. По мере развития общества, непрерывно видоизменяется культурный и моральный облик людей, и сейчас, китайское традиционное искусство, несет в себе как огромный пласт древнейшей национальной культуры, так и новые веяния западного мышления постмодернизма, представляя собой нечто новое, уникальное и прекрасное.

Но что мы вкладываем в само понятие «мышление постмодернизма»? Определение несколько различается в зависимости от контекста, но если смотреть широко, то постмодернистское мышление представляется как незавершенный и нестабильный набор положений, который возникал постепенно под влиянием разнообразных интеллектуальных и культурных течений: от прагматизма, экзистенциализма и психоанализа до феминизма, герменевтики, постэмпирической философии науки и многого другого. Из совокупности всех этих тенденций и течений сложилось определенное количество принципов, ставших ведущими для термина «мышление постмодернизма». Так, стали цениться гибкость и постоянное изменение действительности и знания, предпочтительным становится конкретный опыт в сравнении с отвлеченными принципами. Появляется убежденность в том, что ни

одна априорная система мысли не должна тяготеть над воззрениями или исследованиями человека. Становится очевидно, что человеко-веческое познание субъективно и определяется множеством различных факторов, что объективная сущность, или вещь должна постоянно переосмысливаться и подвергаться проверке. Именно поэтому, приобретение знаний должно стать бесконечным пересмотром их. Смысл в том, чтобы пробовать все новое, экспериментировать и исследовать - в этом и заключается смысл мышления постмодернизма. Так каким же образом подобное западное мышление повлияло на традиционное китайское искусство?

В первую очередь, под влиянием глобализации появилась тенденция к росту уровня культуры населения, что, в свою очередь, поспособствовало развитию институций искусства. Западное мышление постмодернизма, проникая в Китай, расширило привычные границы творчества, оно начало принимать все более и более разнообразные формы. Под влиянием западного мышления постмодернизма, институции искусства в Китае, как государственные, так и частные, начинают развиваться беспрецедентными темпами.

Так, в Китае, под влиянием западного искусства постмодернизма было в короткие сроки создано несколько публичных художественных галерей, в том числе мемориальный зал «Сюй Бэйхун», Цзянсуский областной художественный выставочный зал и Шанхайский выставочный зал изобразительных искусств. А после принятия правительством Китая политики «реформ и откры-

тости», ситуация с развитием художественных галерей в Китае стала стабильно улучшаться.

Согласно статистике, в 2012 году в реестре Национальной культурной системы Китая было 265 музеев. Даже сегодня во многих провинциях в центральных и западных районах Китая по-прежнему нет провинциальных художественных музеев. Кроме того, не все публичные художественные музеи в Китае имеют условия для выставок именно современного искусства. После середины 80-х годов количество публичных художественных музеев в Китае быстро росло. Но, к сожалению, отечественная коллекция современного искусства все еще находится в развивающемся состоянии.

На данный момент, в Китайском художественном музее собрано более 100 000 произведений искусства разных видов. В коллекции доминируют произведения искусства китайских мастеров самых разных периодов, с конца 19 века до наших дней. Кроме музеев национального уровня, нужно отметить несколько музеев искусств провинциального уровня, считающихся лучшими среди публичных художественных галерей страны. Из них, нужно отметить Гуандунский художественный музей, в коллекции которого находится много работ современного китайского искусства, навеянного западным мышлением постмодернизма и немалое внимание уделено произведениям живущих за рубежом китайцев. Основное внимание уделяется современному искусству китайского побережья и современному искусству Гуандун. Коллекция в основном состоит из картин, скульптур и керамики, кроме того есть коллекция исторических предметов культуры различных категорий искусства и связанных с ними книг и документации эпохи Древнего Китая.

Кроме Музея искусств Гуандуна, нужно отметить Шэньчжэньский художественный музей и Художественный музей Хэсяньнин, которые тоже считаются музеями с богатыми коллекциями современного китайского искусства. В мае 2013 года в Художественном музее Хэсяньнин состоялась «Выставка современного искусства». Эта выставка включала работы Юэ Миньюна и Суй Цзяньго, а так же произведения многих других авторов. Эти авторы, работающие в ключе современного искусства, имеют важное значение для современного китайского искусства. Они не только обогатили коллекцию Художественного музея Хэсяньнин, но и имеют большее практическое значение. По сравнению с этими прибрежными художественными музеями, участвующими в коллекционировании предметов современного искусства, коллекции современного искусства в провинциальных публичных художественных музеях во внутренних районах Китая относительно скудны.

В Шанхайском музее искусств собрано около 10 000

работ. В нем собраны произведения известных художников Шанхая и картины, выполненные в таких техниках, как картины маслом, комиксы и картины в ключе современного искусства. В последние годы Шанхайское муниципальное правительство вносит большой вклад в развитие сотрудничества с художественными галереями в Лувре, Музее изобразительных искусств Орсе и Центре современного искусства Помпиду во Франции. Выставляемые там коллекции демонстрируют историю древнего и современного искусства Китая. Этому способствуют общественные художественные музеи, такие как Шанхайский музей, Китайский дворец искусств и Шанхайский музей современного искусства: Шанхайский музей демонстрирует древнее искусство, Китайский художественный дворец и Шанхайский музей современного искусства демонстрируют произведения в рамках современного искусства постмодернизма. Шанхайский музей современного искусства, - единственный публичный музей современного искусства в Китае, в течение трех лет также провел множество важных выставок современного искусства, например как: «Создание в Китае - тридцать лет современного китайского искусства» и «Обзор Энди Уорхола», а также другие выставки современного искусства. Но поскольку, музей только создается, коллекция еще не очень богата.

Институции искусства важны в областях образования, отдыха и развлечений, что очень важно для людей, и влечет потребность в качественных выставках. И, в то же время, отношения между институциями искусства, креативной индустрией, региональной экономикой и культурным туризмом становятся все более близкими.

После середины 80-х годов, в Китае начался бум создания общественных галерей и музеев искусства. Снова появился интерес к строительству художественных музеев. Культура вступила в очередной этап своего развития. Ситуация создания большого количества новых учреждений и развития художественных академий, помимо компенсации отсутствия местной музейной системы, также требует, чтобы художественные музеи и галереи отказались от своей изначальной роли простой выставки и приблизились к функционалу, характерному для международного художественного музея. Таким образом, в течение 20-30-и лет, были созданы новые места для публичных выставок и образования в сфере культуры.

Культурная активность 1980-х гг. преимущественно представляла собой международный диалог. Постмодернистское искусство в Китае проходило становление, опираясь на западный образец, именно в этот период появились многочисленные сообщества молодых художников, и вскоре в художественной жизни страны были представлены уже почти все направления современного западного искусства постмодернизма. После

окончания проводившейся в 1989 г. «Выставки современного китайского искусства», в современном искусстве Китая наступило время расцвета разнообразных стилей и направлений.

Искусство этого периода оказывало стимулирующее воздействие на процессы раскрепощения сознания, шедшие в Китае под влияние западного мышления постмодернизма. Оно стало связующим звеном с западным искусством и его концепциями, поставив под сомнение и атаковав традиционные культурные устои, складывавшиеся в Китае на протяжении огромного временного периода. Кроме того, оно дало новый язык и концепции для современного искусства, заложило исторический фундамент для его развития.

В период с 1995 по 1997 годы, в провинции Гуандун были созданы Художественный музей Хэ Сянин, Художественный музей Гуаншанью и Музей искусств Гуандуна. Это стало знаменательным событием в преобразовании китайской институции искусства нового периода.

В конце 1990-х годов в Китае был экспериментальный период строительства частных художественных галерей, таких как Музей искусств Шанхэ в Чэнду и Художественный музей Донгю в Шеньяне, но ни один из этих музеев не смог успешно работать. Около 2003 года в Китае было повторно создано множество частных художественных галерей. Но только несколько учреждений, таких как Музей современного искусства «Сегодня в Пекине», Музей современного искусства Шанхая «Зендай» и Центр современного искусства «Шэньчжэнь» успешно работают до нынешнего момента.

1990-1999 гг. представляет собой время взросления современного китайского искусства. В 90-ые продвигаясь по пути реформ и открытости и развития рыночной экономики, условия для развития искусства изменялись в позитивную сторону, что оказало весомое влияние и изменило выразительные средства и формы искусства. Страна была открыта для западной экономики, науки и техники, что повлекло за собой внедрение западных ценностей и концепций, оказавших большое влияние на китайскую культуру. В отличие от существовавшего до этого, продиктованного языком авторитаризма своего рода однообразия, в 90-ые годы 20-ого века в Китае расцветали все направления, стили и техники.

В 90-х годах в Китае, художественные стили национального традиционного искусства, такие как китайская живопись, картины тушью и т.д., и привнесенные жанры китайского изобразительного искусства (живопись маслом, скульптура) постепенно видоизменяются. Появляются новые направления искусства - политическое искусство, цинический реализм, женское искусство, и т.д.

Отличные от традиционных формы искусства, появившиеся исключительно под влиянием западного мышления постмодернизма, стали возможными в эпоху расцвета китайского современного искусства. В Китае, наконец, появились авторы, работающие в таких жанрах, как инсталляция, перформанс, концептуальное искусство, видео-арт и т.д. Большая часть зрительской аудитории Китая зрелого возраста не воспринимает эти авангардные направления в искусстве как способные чем-то обогатить искусство Китая. Их считают просто временным социальным явлением, критикуют, но, тем не менее, они вызывают интерес и становятся частью современного китайского искусства. Среди молодежи же, все эти направления крайне популярны.

В начале 21 века, когда миром стала править экономическая глобализация, а Китай вступил в ВТО, ему в невиданных ранее масштабах пришлось столкнуться с западным мышлением и культурой, что повлекло новые вызовы. Столкновение китайской культуры с культурами других стран в процессе культурного обмена естественным образом порождает определенные противоречия, но культурные различия стран и народов преодолеваются со временем, сливаются в единый культурный поток, составными частями которого будут являться традиционные национальные культуры. Взаимодействие современного китайского искусства и пришедшего в Китай влияния постмодернистского искусства Запада - сложный и противоречивый процесс интеграции, но на данный момент состояние современного китайского искусства прошло через стадии имитации, поглощения и использования трансформирования инноваций, что и поспособствовало его нынешнему разнообразию.

В настоящее время на материке насчитывается более 1000 художественных галерей и музеев. Но только 30 из них действительно соответствуют профессиональным стандартам художественных музеев. Большинство из них сосредоточено в Пекине, Шанхае, Шаньдуне, Цзянсу, Чжэцзяне и других прибрежных районах. Современные музеи должны отражать региональные характеристики и особенности. Художественные музеи и галереи в таких прибрежных районах, как Шаньдун, Цзянсу и Чжэцзян, в основном посвящены каллиграфии и живописи. Художественные галереи и музеи с преобладающей долей современного искусства, таким, как масляная живопись, сосредоточены главным образом в районе Пекина и Шанхая. Кроме того, в регионах акцент делается на местных художников. Подобный подход - тенденция основного направления развития институций китайского искусства, при котором крупные города имеют определенную степень перспективного развития, в то время как региональные города относительно консервативны.

Сейчас Китай входит в «эпоху музейного искусства». Возник всплеск интереса к строительству художествен-

ных музеев по всей стране, и государственные художественные музеи и частные художественные музеи получили хороший импульс для развития. Акцент в политике страны на культуру и искусство, вместе с процветанием арт-рынка и наличием сильных эстетических потребностей народных масс также служит источником дополнительного импульса для развития музеев. Сейчас стало модно посещать выставки и участвовать в мероприятиях в художественных музеях. В настоящее время развитие Китайского художественного музея приближается к уровню международного сообщества. Китайский художественный музей, собравший более 100 000 произведений изобразительного искусства, работает с произведениями искусства периода до и после основания Нового Китая, а также хранит шедевры художников династии Минь, династии Цин и Китайской Республики. Коллекции - это в основном прекрасные произведения современного искусства, репрезентативные произведения известных китайских современных художников, отмеченные наградами произведения крупных художественных выставок и произведения народного творчества. Среди коллекций - работы Рэна Бояна, У Чаншуо, Хуан Биньхона, Ци Байши, Сюй Бэйхун, Цзян Цзаохэ, Си Цяо, Ли Керана, У Цзоорена, Е Цяню, Ло Гунлю, У Гуаньчжун и других авторов. Существует множество коллекций, начиная от традиционной каллиграфии и живописи, вплоть до самых современных видов искусства. Коллекции включают в себя десятки категорий, таких как картины, скульптуры, предметы народного искусства в керамике и т.д. В том числе в этот список включены новогодние картины, резаная бумага, игрушки, предметы искусства тени, художественные изделия из пластика, интерактивные кукольные спектакли и куклы, воздушные змеи, народная живопись, вышивка и другие виды искусства. Людвиг, немецкий коллекционер, пожертвовал 117 произведений европейского и американского международного искусства, в том числе 4 произведения Пикассо для коллекции искусства в музее. Это первая коллекция западных произведений искусства в Китае, но помимо нее есть сотни предметов африканской резьбы по дереву и других зарубежных произведений искусства.

Китайский художественный музей организовал тысячи влиятельных художественных выставок и выставок всемирно известных художников. Наряду с про-

ведением важных национальных выставок наиболее заметными международными выставками являются: «Оригинальный 500-летний шедевр картин Хаммера», «Выставка живописи о сельской местности Франции 19 века», «Оригинальная выставка живописи Пикассо», «Выставка экспрессионизма и импрессионизма Германии», «Художественная выставка Родана», «Художественная выставка Шагала», «Мировая выставка духовного искусства мира», «Выставка коллекций австралийских национальных музеев», «Выставка африканского искусства», «Дали», «Французская выставка импрессионистических картин и сокровищ», «Летняя Франция - Пекин», «300 лет русского искусства - Государственная Третьяковская галерея» (одна из крупнейших выставок «Года русской культуры в Китае» в 2006 году), «Триста лет американского искусства: адаптация и инновации», «Итальянское искусство и итальянская жизнь» (одна из крупнейших выставок «Года Италии в Китае» в 2006 году), Художественная выставка «Коллекции с собрания Тициана до Гойи», (Одна из главных выставок «Года испанской культуры» в 2007 году»).

Постепенно в область искусства приходят значительные инвестиции, что способствует появлению новых художественных музеев, кроме того, на территорию материкового Китая приходят музеи зарубежного искусства. Музеи позволяют рынку китайского искусства стать частью международного, профессионального и стандартизированного рынка искусства. Все это стало возможным благодаря проникновению в Китай западного мышления постмодернизма, новых веяний, новых тенденций. Но в то же время, как видно из вышесказанного, большое внимание уделяется и сохранению древней национальной культуры Китая.

Китайское национальное искусство невероятно аутентично и представляет огромную ценность для нации. Оно базируется на традиционной национальной культуре, отражает жизнь народа Китая и проблемы китайского общества. Традиционному искусству Китая не страшны никакие новые веяния, они только привнесут хорошее и сделают традиционное искусство свободнее и разнообразнее, сохранив при этом национальную суть и древние традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Е.Ю. Постмодернизм - искусство второй половины XX - начала XXI века / Е.Ю. Андреева. - Санкт-Петербург: ИВ Ивана Лимбаха, 2007г. - 867 с.
2. Минлу Гао. История китайского современного изобразительного искусства / Гао Минлу. - Шанхай, 1991г. - 662 с.
3. Минлу Гао. Китайское авангарное искусство / Гао Минлу. - Нанкин, 1997 г. - 432 с. Вихрова А.Ю., Юймэн В. Сотрудничество в сфере образования как форма культурного обмена между Китаем и Россией // Проблемы науки. - 2016. - № 9 (10). - С. 45-58.
4. Сяньтин Ли. История современного изобразительного искусства 1985-1989 / Ли Сяньтин. - Чанша, 1991 г. - 328 с.
5. Пэн Люй. История китайского искусства 20 века / Люй Пэн. - Пекин, 2007 г. - 957 с.

6. Хун Лу. Китайское современное искусство: 1979-1999 концептуальное искусство / Лу Хун. - Ухань, 2001г. - 464 с.
7. Цзы Дао. Системы искусства постмодернизма / Дао Цзы. - Чунцин, 2001г. - 644 с.
8. Шоучжи Ван. История мирового современного искусства / Ван Шоучжи. - Пекин: Веяние искусства, 2005г. - 368 с.
9. Юйлинь Цао. Изменение облика современной китайской живописи / Цао Юйлинь. - Шанхай, 2006г. - 218 с.
10. Юецзинь Цзоу. Другой взгляд западизм в современном искусстве / Цзоу Юецзинь. - Пекин, 1996г. - 264 с.
11. Юецзинь Цзоу. История изобразительного искусства Нового Китая 1949-2000 / Цзоу Юецзинь. - Чанша, 2002г. - 398 с.

© Го Тинтин (ting19881229@126.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИРОДА ТРАГИЗМА ФИГУРЫ РОК-ГЕРОЯ КАК НОСИТЕЛЯ ВНУТРЕННЕГО КОНФЛИКТА

Доронин Владимир Викторович

К.ф.н., доцент,

Тюменский государственный университет

sibe1@rambler.ru

THE NATURE OF THE TRAGEDY OF THE FIGURE OF A ROCK HERO AS A CARRIER OF INTERNAL CONFLICT

V. Doronin

Summary: The article is devoted to the tragic side of nature of the figure of a rock hero, who is the subject of rock culture. Objectivity in this matter requires an analysis of both its positive and negative qualities. It is precisely on their marking and accentuation that its degree depends and without them its image will remain incomplete and undeveloped, to some extent losing its integrity and depth. This tragedy is not accidental and is due to several very specific and definite determinative foundations, which have their own nuances. Quite often, the conflicting side of his figure lies at the heart of the tragic and fatal character of the image of a rock hero. Therefore, the rock hero can be called a carrier of internal conflict. From which paradigms this conflict develops, which leads to this tragedy and this work is devoted to.

Keywords: rock culture; rock; rock hero; figure of a rock hero; fate; conflict; metaphysical rebellion; existence.

Аннотация: Статья посвящена трагичной стороне природы фигуры рок-героя, который является субъектом рок-культуры. Объективность в данном вопросе требует анализа как его положительных, так и отрицательных качеств. Именно от их маркирования и акцентуации зависит ее степень и без них его образ останется незавершенным и непроработанным, в какой-то степени потеряв свою целостность и глубину. Этот трагизм не случаен и обусловлен несколькими вполне конкретными и определенными детерминирующими основаниями, имеющими свои нюансы. Довольно часто в основе трагичного и фатального характера образа рок-героя лежит конфликтная сторона его фигуры. Поэтому рок-героя можно назвать носителем внутреннего конфликта. Из каких парадигм складывается эта конфликтность, что приводит к этому трагизму и посвящена данная работа.

Ключевые слова: рок-культура; рок; рок-герой; фигура рок-героя; судьба; конфликт; метафизический бунт; экзистенция.

Одним из стереотипов, связанных с рок-культурой, является понимание ее как субкультуры в основе которой лежит протестно-конфликтное основание. В этом утверждении есть доля истины, но она в полной мере не отражает всю глубину явления. Во-первых, весьма спорным является взгляд на рок-культуру с позиции субкультуры, так как при этом происходит искажения понятия субъект / объект. Рок-культура давно вышла за рамки субкультуры, став самостоятельным феноменом, который является частью мировой культуры, и сама включает в себя в качестве составных частей множество субкультур, оказывая заметное влияние на состояние культуры в целом. Это доказано различными исследователями, в том числе и автором данной работы в кандидатской диссертации и одноименной монографии: «Рок-культура как современное воплощение традиции героев» [1].

Рок-культуру можно рассматривать в различных категориях, в том числе с позиции конфликтологии и протестной стороны. А. Троицкий писал, что: «посыл любого рока – это раскрепощение, сбрасывание всех и всяческих пут, не дающих молодому человеку существовать так, как ему хочется, и чувствовать себя хорошо... Конфликт религия – секс – мотор всего западного рока... Если эстетический стержень западного рока, его основной инструмент – это ритм (как своего рода звуковой эквивалент сексуальной раскачки), то у нас таковым ста-

ло слово. Потому что здесь было важнее – да и опаснее – выговориться... А рок всегда предрасположен к опасности». [3; С. 7] Но это всего один из немногих аспектов представляющий рок с протестной стороны. Автор же данной работы выстраивает категориальный аппарат и методологию с позиции философии, а в ней нет категории протеста. И протестную парадигму в рок-культуре с точки зрения философии нужно рассматривать через категорию бунта, в первую очередь метафизического и экзистенциального. Как писал А. Камю цель такого бунта – преобразование. «Метафизический бунт – это восстание человека против своего удела и против всего мира, ...метафизический бунтарь протестует против удела, уготованного ему как представителю рода человеческого. Восставший раб утверждает, что в его душе есть нечто, не смиряющееся с тем, как обращается с ним господин; метафизический бунтарь заявляет, что он обделен и обделен самим мирозданием. Для обоих речь идет не только о простом отрицании. И действительно, и в том, и другом случаях мы сталкиваемся с суждением о ценности, во имя которой мятежник отказывается принять собственную участь». [2; С. 80] Другими словами, рок-герой через экзистенциальный страх, ужас, трепет и выведение из состояния комфорта, через психологическую неустойчивость приходит к недовольству своей судьбой, к несогласию и бунту против удела уготованного ему, следствием чего является потребность в ее

изменении и стремление к внутреннему преображению.

Рассматривая причины конфликтной стороны природы рок-героя стоит упомянуть М. Фуко и его теорию конфликта «властных структур», которая является демонстрацией власти через подавления и доминирования. Он писал следующее: «...там, где есть власть, есть и сопротивление, и все же, или скорее: именно поэтому сопротивление никогда не находится во внешнем положении по отношению к власти». [4; С. 195 – 196] В данном контексте рок-культура и является творчеством, которое может быть, вне социальных норм и табу, а разрушая эти рамки, может вступать в конфликт с институтом власти, становясь таким образом опасной для как отдельного индивида, для консервативной части общества, так и для власти в целом.

Что касается рок-героя, то он является целостной, многогранной сложносоставной фигурой, поэтому и его конфликтную сторону представляют различные аспекты. Одним из проявлений его сущностной природы является реализация его «роковой» судьбы, которая становится его экзистенцией и нередко являющейся осуществлением некой трагичной программы, вызванной рядом как закономерных, так и неподдающихся логике внутренних и внешних факторов и противоречий. Эта предрасположенность к фатализму, является одним из негативных качеств его природы, но при этом и одной из составных частей детерминирующего его основания. Отсюда происходит еще одна сторона конфликтности рок-героя – рассмотрение его фигуры как носителя внутреннего конфликта. В связи с этим мы одновременно будем рассуждать об экзистенции смерти или фатального стремления рок-героя к ней, предчувствии ее как неминуемой судьбы, но и при этом и о стремлении к противостоянию роковой судьбе и фатальной природы, которая заложена в нем. Это противоречие и становится одной из главных причин, делающими рок-героя носителем внутреннего конфликта. В разрез здравому смыслу, роковая судьба может являться положительным фактом в формировании фигуры рок-героя, так и в плане творчества. В этом и заключается один из парадоксов его фигуры, что чем ближе он подходит к этой трагичной черте, чем в нем больше фатального рокового, а не витального начала, тем чаще в нем раскрывается глубина его творческого потенциала. Перед лицом смерти, через фигуральный диалог с ней, с вечностью, с самим собой, с миром, с гипотетическим или конкретным слушателем, вообще через желание высказаться, рок-герой может прийти до осознания глубины природы вещей, его творчество может выйти на другой качественный уровень, в нем может появиться новый всеобъемлюще емкий, точный и весомый посыл, отражающий точную суть событий и явлений. Смерть в таком случае может трактоваться как освобождение от ограничений, способ разрешения внутреннего конфликта, снятие противоречий, а суицидаль-

ное поведение при этом может является своеобразным триггером, провоцирующим творческое вдохновение и озарения, являться своеобразным способом трансцендирования рок-героя. Таким образом, он своим поведением, действиями, творчеством, утверждает, что заслуживает должного другого отношения по отношению к себе, что хочет большего, чем уготовано судьбой, поэтому старается ее изменить и преодолеть, даже ценой собственной жизни. Он становится «метафизическим бунтарем» реализующим свою героическую программу и в основе его внутреннего конфликта и лежит бунт метафизический. Альбер Камю полагал, что для человеческого духа вообще доступны только два универсума – священный универсум благодати и универсум бунта. «Бунт порождается осознанием увиденной бессмысленности, осознанием непонятого и несправедливого удела человека. Цель бунта – преображение». [2; С. 69] Бунт рокера – это и есть стремление к благодати, стремление к свободе, которая не доступна. Через попытку приблизиться к чему-то высшему, пусть даже вначале через его низвержение, он получает самоуважение, развивается и преобразуется.

Так же в основе конфликтной стороны и трагизма рок-героя еще зачастую лежит конфликт с внешним миром и связанным с ним усиливающимся внутренним одиночеством рок-героя. Этому могут сопутствовать различные факторы – непониманием окружающих его взглядов, действий, поступков, целей, жизненных принципов, отсутствие признания творчества, собственной неудовлетворенностью им и поиском его совершенства, нереализованным потенциалом, перфекционизмом т.д., а как итог неудовлетворенность в целом сложившимся положением дел. Рок-герой – это, в принципе, герой одиночка. Можно сказать, что он одинок изначально по своей природе и весь его Путь это именно череда испытаний, в том числе одиночеством, с которым он так же борется. Поэтому его одиночество это вследствие Агапе – безответной любви в глубоком духовном, философском и многих других смыслах.

Нужно отметить особо, что рок-герой по своему духу является героем новой формации. Именно современность, новые условия, в которых он оказывается, делают его таким. Причем, как раз одновременно «благодаря» и «вопреки» обстоятельствам рок-герой развивается и становится тем, кем должен стать. При всех своих положительных качествах, он часто непоследователен и нелогичен в своих действиях, нередко его поступки неоднозначны, необъяснимы, противоречивы и многим непонятны, не поддаются привычной логики и здравому смыслу. Для него нет авторитетов, он поступает против всех правил, выступает против всего и непохож на большинство других людей, пугая этим консервативную часть общества. Его отрицательная оценка всему – нигилизм в чистейшем виде. Как в песне у Егора Летова: «Я всегда

буду против!» или «При любом Госстрое – я партизан». В этих коротких поэтических формулировках заложено очень много, что объясняет мотивы рок-героя в целом: его «Нет» – это и жизненное кредо, цель, установка и руководство к действию. Эти действия часто действительно выглядят, как борьба Дон Кихота с ветренными мельницами. Рок-герой, как и его печальный предшественник, так же возмущен пороками общества и несовершенством окружающей его действительности, так же не вписывается в окружающий мир, неприспособлен к нему, чужд ему и инороден. Но это не показатель его слабости и бессилия, а, наоборот, в этом возможно главное его оружие. Он в принципе не умеет и не желает приспособливаться и подстраиваться не под кого. Он не хочет мириться с не устраивающими его обстоятельствами жизни и принимать чужие правила игры. В его героической программе, в его послы, экзистенции отсутствует приспособленчество и самосохранение. Эта функция, данная человеку от рождения, им сознательно «отключается», устраняется в процессе реализации его плана. Он настолько категоричен, что его категоричность, доведенная до радикализма, воспринимается окружающими как безумие. В обществе вообще всегда было принято объявлять безумным, ненормальным, то, что не понятно и проявлять агрессию по отношению к этому. Агрессия часто вызвана страхом непонимания. Под эти категории и попадает рок-герой. Его странность и непохожесть, вызывают непонимание, затем рождают страх и как следствие – агрессию по отношению к нему. Таким образом, картина мира, взгляды и логика рок-героя трактуются неправильно и попадают еще и под разряд безумия. Вследствие чего он отвергнут миром, а в свою очередь его ответной реакцией становится отвержение уже героем всего окружающего и как сопутствующий побочный результат – удвоенное одиночество и конфликт с окружающей реальностью. Помимо отвержения и отчуждения в нем рождается – обида и в свою очередь ответная агрессия. И она вполне объяснима из выше сказанного. Рок-герой, несмотря на свою видимую внешнюю грозность, зачастую, как не странно, беззащитен перед окружающим миром. Его агрессия – ответная защитная реакцией, которая может проявляться и в эпатажном и шокирующем поведении различной степени. «Степень эпатажа» – термин, который постоянно употребляют, но обозначает он нечто гораздо более сложное: в основном это субъективная реакция с точки зрения потребителя. Подумайте о тех видах искусства, которые «шокировали». Человеческие реакции, положительные или отрицательные, не имеют для творца непосредственного значения. Тем не менее, принятие решений в процессе представления может быть направлено на создание определенного эффекта... Музыка создается потому, что я в нее верю, люблю ее и хочу слушать; она выражает мои интересы и все то, что имеет для меня значение... дух полностью свободной воли наполняет все аспекты моей работы». [5; С. 66] От-

сюда агрессия и эпатаж и т.д. – своеобразный панцирь, буфер между ранимым тонким духовным внутренним миром героя и равнодушным, жестоким, беспристрастным внешним миром окружающим. Рок-герой не просто неудобен для социума, он воспринимается как нарушитель спокойствие в обществе, саботирующим его четкую, отлаженную работу. И хотя на самом деле это далеко не всегда так, рок-герой видится для него источником опасности, которую нужно устранить и от которой нужно избавиться любыми способами. На лицо опять же «конфликт властных структур» по Фуко. Общество воспринимает рок-героя изгоем, маргиналом или он по собственному желанию выбирает этот удел и становится им. Так или иначе, напрямую или косвенно окружающий мир, несмотря на то, что поступает несправедливо по отношению к рок-герою «принимая радикальные меры», избавляется или уничтожает его или доводит до состояния самоуничтожения. Рок-герой же в свою очередь считает, что заслуживает другого к себе отношения, что он всегда хотел большего, чем уготовано судьбой, поэтому он старается ее изменить и преодолеть. Доведенный до крайности, он совершает отчаянные поступки, зная, что рассчитывать придется только на самого себя и собственные силы. Агрессия, таким образом, становится во многом положительной, как и его осознанная неприспособленность к окружающему миру – это не его слабость, а его сила, его плюс. Итогом этого конфликта является бунт как физический, так и метафизический, о котором и писал Альберт Камю. Пытаясь добиться поставленных целей, рок-герой вступает в конфликт как с самим собой, с окружающими, с обществом, с целым миром и мало того даже с Богом, при этом, полностью забывая о самом себе, и вполне очевидно, чем закончится для него это неравное противостояние. Пропасть между окружающим миром и героем увеличивается. Переступив через свое чувство самосохранения, он продолжает двигаться вперед «на зло и поперек», конфликт не разрешим, продолжает усугубляться и вследствие – неутешительный трагичный итог. Но, не смотря на это, рок-герой при этом не только теряет, но как не странно, он и многое обретает, пусть не в физическом смысле. Он остается самим собой и в высоком духовном смысле перерождается. Трагичный финал рок-героя – это его лебединая песня, жертва, искупление и одновременно утешение. Рок-герой подобен герою стихотворения Бродского:

«Может, лучшей и нету калитки в Ничто.

Человек мостовой, ты сказал бы, что лучшей не надо,
Вниз по темной реке уплывая в бесцветном пальто,
Чьи застежки одни и спасали тебя от распада».

Трагизм, одиночество, агрессия героя – это и есть его внутренние скрепы, которые помогают сохранить и не растерять себя, но при этом дают возможность выйти за пределы ограничений.

«Ты не дашь мне себя растерять, не дашь опуститься
И прежде чем растворюсь в черной Дее могилы,
Что бы я смог как феникс вновь возродиться,
На ухо шепнешь: «Ничего не бойся,
Я буду с тобой до конца, милый!»
(Группа «СИстема БЕзопасности»)

Так мы приходим еще к одной стороне в образе рок-героя. Он непросто трагичен, он сознательно трагичен и иррационален, что в глазах окружающих приравнивается к безумию. Но его деструктивность по отношению к себе и к окружающему – не следствие природной мизантропии, так происходит в силу обостренного чувства справедливости и несовершенства окружающего мира. Он для него враждебен, его ценности не приемлемы, и вся внутренняя природа рок-героя протестует против этого. Он пытается уничтожить мир чуждых ценностей, как во внешних проявлениях, так и в себе. В виду неразрешимости этого противоречия, нередко выходом становится саморазрушение. Поэтому, как не печально рок-герою уготован яркий, но трагический финал. Его ждет, возможно красивый, но закономерный роковой, фатальный итог. В этом его судьба, его крест, одновременно победа и поражение, сила и слабость и в каком-то смысле это и есть его подвиг. Как в песне «Ванюша» Александра Башлачева: «Гулял Ванюша, да весь вышел».

Хотелось бы отметить, что трагичный образ фигуры рок-героя всегда связан с дуальностью. Этот двойной смысл заключается как в его природе, так и в его творчестве, только подтверждая его многоуровневый, сложный характер. Жизнь – Смерть, Любовь – Ненависть, Рай – Ад и т.д. Рок-герой всегда выбирает только крайности, он не приемлет середины, категоричен, бескомпромиссен радикален и пограничен, он всегда трикстер. Опять же, как в другой песне у Егора Летова:

«Но мне придется выбирать –
Свет или Больше,
Рай или Больше,
Смерть или Больше...».

Поэтому, через конфликт, через усугубление, обострение ситуации, через пограничность как физического, так и внутреннего психического и эмоционального состояния, происходит выход за пределы и ограничения. Происходит понимание и осознание героем окружающего мира, самого себя, своего предназначения на новом более высоком уровне и результате чего осуществляется реализация его героического потенциала. В возможности выбора между этими полярностями для рок-героя состоит еще один способ получения свободы, а в доведении всего до крайности, видится раздвижение границ его мира внутреннего, ойкуменальности бытия, возведение всего в новую качественную степень. Поэтому даже смерть для него имеет тоже двоякий смысл, так

как, отдавая жизнь, рок-герой при этом борется против своей конечной смертной природы. Его гибель является платой за его ненасытность свободой, творческую жажду и голод, платой за талант, а жизнь героя становится страшной ценой, которую рано или поздно все равно надо, придется заплатить. В этом и состоит трагизм образа рок-героя. Он одинок, неудобен, проблемен, «ненормален» и «безумен» в глазах общества и окружающих. И они уничтожают таких одиночек. Как в песне Ника Рок-н-ролла:

«В традициях мира убивать святых,
В традициях мира убивать поэтов.
В традициях мира покоится Мень,
В традициях мира покоится жизнь».

Настоящие герои никогда не вписываются в рамки и стереотипы, они не подходят ни под какие стандарты и общепринятые схемы, каждый такой герой – индивидуальность. Противоречие между героем и внешним миром вряд ли будет когда-то разрешимо. Этим во многом объясняется и столь часто суицидальное поведение в рок-культуре. В этом контексте гибель героя воспринимается им самим, хоть, как и печальный, закономерный, но в чем-то, как не страшно это звучит, положительный факт и итог. Это и некий катарсис, и плата, и искупление. В гибели рок-героя, то же есть некое прочувствование, дыхание вечности. Для высоко организованного разума, как бы страшно бы это не звучало, «смерть – это очередное приключение». Это последняя, отчаянная, страшная попытка, возможность заглянуть за занавес, выти за флажки, раздвинуть границы, рамки и ограничения, узнать, что же находится за ними. Цена этого знания – жизнь. В этом смысле, самоубийство так же не всегда может трактоваться как проявление слабости и бессилия, а как радикальный способ трансцендирования героя. Поэтому трагизм и конфликтная сторона фигуры рок-героя – это законы жанра, через которые раскрываются его внутренние сущностные качества. Рок-герой доказывая свою правоту, требуя справедливости и изменения мира, жертвует подобно Прометею своей собственной жизнью. И эта жертва в принципе практически бескорыстна. Несмотря на это, в обществе существует весьма искаженный стереотип рок-музыканта. Конфликтную сторону и трагизм фигуры рок-героя, по субъективному и весьма далекому от истины мнению противников рока, усиливают пресловутые секс, алкоголь и наркотики, как якобы его «неотъемлемые» попутчики. Это далеко не так, для него они являются не самоцелью, а часто необходимостью, средством, «трамплином» для возведения всего в новую степень, выходом за границы и способом поиска новых творческих пространств и в тоже время еще один способ, метод заполнения страшной внутренней пустоты и одиночества и познания пограничных сторон бытия. Это нелегальный, запретный, табуированный и опасный метод достижения трансцендентного опыта. Мы несколько не хотим оправдать их, но все эти «из-

лишества» – несомненно, страшные, не самые лучшие, но тем не менее своеобразные и радикальные способы трансцендирования рок-героя – опыт темных антологический, так же необходимый, для последующего его преобразования и возможно без которого тоже нельзя, потому что как любая другая культура – рок-культура является совокупностью положительных и отрицательных составляющих ее качеств и элементов. Являясь одними из болезней современного общества, они, к сожалению, не миновала и рок-культуру. Константин Кинчев из группы «Алиса» спел: «Все это рок-н-ролл...». Как бы не печально и цинично не звучало, все выше изложенное и трагизм, в том числе – издержки «производства», законы жанра, чтоб рок-герой состоялся в полной мере, этого требует и ждет публика. Об этом знает и он сам, осознавая свое предназначение и на рок-герое лежит большая ответственность, в том числе и за талант, как дар свыше, который делает его особенным и уникальным. Это все требует от героя больших физических и внутренних духовных затрат. Не всем суждено пройти все испытания и только единицы достигают признания, не потеряв себя и оставшись живыми, приходят к внешнему и духовному преобразению. В целом это все в очередной раз только подчеркивает архетипичность и вневременной характер фигуры рок-героя.

У Виктора Цоя есть в одной из песен следующие строчки:

«И мы знаем, что так было всегда,
Кто судьбою больше любим,
Кто живет по законам другим
И кому умирать молодым.
Он не знает ни чинов, не имен.
И способен дотянуться до звезд,
Не считая, что это сон.
И упасть, опаленным звездой по имени Солнце».

В заключении статьи резюмируем следующее. Рок-герой – это современный герой нашего времени, фигура, которого, несомненно, сложна, как и его путь. Она несет в себе трагичные черты, но вместе с этим этот харизматичный образ бескорыстен, романтичен, ярок и альтруистичен, этим он привлекателен и вызывает интерес. В классической литературе таких неоднозначных героев называли – носителями внутреннего конфликта, который в свою очередь является одним из детерминирующих его оснований. Иногда этот конфликт и противоречия становятся не разрешимы и приводят к трагическому итогу. Несмотря на отдельные негативные качества, в целом этот герой положительный. Нередко забывая о самосохранении, через сопротивление трудностям и обстоятельствам, через преодоление пограничных состояний, через преодоление ограничений внутренних и внешних, происходит становление, развитие личности и преобразование рок-героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доронин В.В. Рок-культура как современное воплощение традиции героев: монография / В. В. Доронин. – Тюмень: Издательство Тюменского университета, 2017. – 268 с.
2. Камю А. Бунтующий человек: сочинения в 5 т.: т 3 / А. Камю. – Харьков: Фолио, 1998. – 574 с.
3. Троицкий А. Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е ... / А. Троицкий. – М.: Искусство, 1991. – 206 с.
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.- М.: Касталь, 1996. – 448 с.
5. Keenan D.A secret History of the Esoteric Underground. Strange Attractor Press. BM SAP, London, WCIN 3XX, UK, 2016. – 446 p.

© Доронин Владимир Викторович (sibe1@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ОЛОНХО В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ САХА

Ляпкина Татьяна Федоровна

*Д.культурологии, профессор, ФГБОУ ВО Арктический
государственный институт культуры и искусств,
г. Якутск
teffil@mail.ru*

Стрекаловская Зоя Андреевна,

*доцент, ФГБОУ ВО Арктический государственный
институт культуры и искусств, г. Якутск
betta.85@mail.ru*

REVITALIZATION OF OLOKHON IN MODERN SAKHA CULTURE

**T. Lyapkina
Z. Strekalovskaya**

Summary: The aim of the article is to conceptualize contemporary cultural practices of olonkho revitalization. Olonkho, the leading epic tradition, is presented as a system of Sakha values. To reveal the topic, the authors used a typological method, which helped to systematize different types of cultural practices in the structure of modern culture. The work focuses on modern cultural practices: scientific, educational, exhibitions of Yakut artists, masters and the festival movement. The authors come to the conclusion that due to the process of revitalization, olonkho is now a living source of cultural practices in modern Sakha culture.

Keywords: olonkho, revitalization, cultural practice, institutionalization, visual culture, festival.

Аннотация: Цель статьи концептуализировать современные культурные практики ревitalизации олонхо. Олонхо - ведущая эпическая традиция представлена как система ценностей саха. Для раскрытия темы авторы использовали типологический метод, который помог выявить систематизировать различные типы культурных практик в структуре современной культуры. В работе особое внимание уделено современным культурным практикам: научным, просветительским, выставкам якутских художников, мастеров и фестивальному движению. Авторы приходят к выводу, что благодаря процессу ревitalизации олонхо является сегодня живым источником культурных практик в современной культуре саха.

Ключевые слова: олонхо, ревitalизация, культурная практика, институционализация, визуальная культура, фестиваль.

Традиционный эпос всегда привлекал внимание ученых, специалистов в различных отраслях науки. Такой активный интерес к олонхо определяется, прежде всего, возможностями сохранения в культурной памяти саха и возрождения нематериального культурного наследия. Современная ситуация обострится процессом ухода из жизни людей старшего поколения – олонхосутов, носителей и знатоков эпоса. Нарушение механизма культурной и образовательной преемственности грозит исчезновением эпоса олонхо. Основная идея данной статьи заключается в возможности осмысления процесса ревitalизации олонхо в современной культуре саха.

Ревitalизация в буквальном смысле обозначает: re – возобновление, и vita – жизнь, дословно возвращение жизни. Это понятие, которое используется в научной практической деятельности и характеризует процессы восстановления, оживления, воссоздания [14]. При изучении данного вопроса мы выяснили, что наиболее интересными для нашего исследования являются две интерпретации ревitalизации – лингвистов и урбанистов, поскольку в центре внимания ученых культурные феномены – язык и архитектура.

Мы рассмотрели позиции нескольких ученых-лингвистов: У. Бахтикиреевой, О. Валиковой, К. Замятина, О.

Иванищевой А. Пасанен, Я. Саарикиви [3;8;9]. Все они в разной степени занимаются вопросами ревitalизации умирающих языков. В книге «Как и зачем сохранять языки народов России?» авторы рассматривали современную ситуацию языков народов России, где отметили, что существует угроза исчезновения для многих языков мира. Также исследователи уделили важное внимание как можно в современных условиях сохранить язык. Итак, под ревitalизацией языка понимают процесс, когда люди начинают сознательно возрождать исчезающие языки, например, путем повышения их статуса в обществе и увеличения количества носителей и сфер употребления. Ревitalизацию языка также можно начинать с детей, которых учат языку их народа, хотя родители этого языка и не знают. На уровне общества ревitalизация языка проявляется в том, что языки меньшинств начинают использоваться в таких общественных сферах, где ранее безраздельно царил язык большинства [8].

Лингвисты У.М. Бахтикиреева и О.А. Валикова в статье «Транслингвизм и ревitalизация культуры» пишут, что если язык, трансляция которого из одного поколения в другое прекращена, в силу определенных обстоятельств, то язык может прийти к ситуации угасания, тогда в культуре можно найти способ своего семиотического опосредования через другой язык [3]. Репрезентовать культуру способны лишь формы ее языка, следовательно

но, культура производит «отбор» жизнеспособных языковых элементов и транспортирует их в новую языковую реальность, подспудно «выстраивая» эту реальность под себя. Зачастую «господствующий» язык предоставляет «притесненной» культуре намного более широкие коммуникативные возможности, чем «свой». В результате она (культура) становится объектом познания большего количества людей и превращается в часть их когнитивного фонда, участвует в процессе новой, более сложной, концептуализации мира. Таким образом, культура не только сохраняется другим языком, но и обновляет собственный жизненный потенциал, то есть ревитализируется [3, с.60].

Филолог О.Н. Иванищева, изучив вопросы соотношения понятий «язык» и «культура» на примере саамского языка и культуры, установила, что чтобы ревитализировать язык, необходимо его знать и передавать от поколения к поколению, а это значит, перейти из стадии знания в стадию понимания [9]. Таким образом, ревитализация языка – это процесс сознательного оживления и сохранения языка, который находится под угрозой исчезновения или который теряет своих носителей и сферу своего использования.

Олонхо является духовным наследием саха, тексты которого обладают многими уникальными характеристиками: красочностью и богатством образов, а также, речевыми оборотами и выражениями, вышедшими из употребления и забытыми. В олонхо соблюдаются все каноны эпического стиля: эпический размах, повествование, многообразная эпитетика, параллелизмы и формульность языка. К сожалению, на сегодняшний день, как наиболее значимый элемент фольклора, якутский эпический язык утратил свое значение. Современные исполнители и слушатели олонхо, в особенности представители молодежи, не всегда способны уловить и осознать понятие того или иного языкового выражения, встречающегося в текстах олонхо. Именно для этого необходимо популяризировать олонхо среди молодежи. Картина мира современного носителя якутского языка включает в себя олонхо, как один из аксиологических ориентиров общества, поэтому сегодня ревитализация олонхо – это, прежде всего, способ его трансформации, в результате которого мы получим новый виток развития якутского языка и в целом культуры.

Идеи ревитализации в урбанистике, появились в Англии в XIX веке. Процессы индустриализации и урбанизации создали более тесные, в смысле плотности населения, и антисанитарные условия жизни в городах. Поэтому ревитализация стала использоваться как комплексный подход к городской среде для сохранения её самобытности, аутентичности, идентичности и историчности [11].

Изучив современные приемы ревитализации, исследов

ователь А.Ю. Анохин отмечает, что в процессе ревитализации используется комплексный подход с целью сохранения самобытности, аутентичности, идентичности и исторических ресурсов городской среды. Задачей ревитализации архитектуры является не только социализация пространства, но и разработка элементов инфраструктуры упорядочивающих туризм и научную деятельность, развитие промышленности, забота об экологии и как следствие – привлечение инвестиций [2, с.12].

Подобного мнения придерживается А.А. Райкин, где в своем исследовании он пишет, что ревитализация в более широком смысле подразумевает возрождение моральное и духовное, которое является следствием целенаправленной социальной и градостроительной политики. Ревитализация является высшим смыслом, сверхзадачей конверсии и имеет отношение не только к конкретным объектам, но и к городскому пространству в целом, к среде, в которой существует человек. Главным процессом ревитализации архитекторы считают возрождение к жизни промышленного объекта и наделение его совершенно новыми функциональными смыслами [12, с.9].

Итак, по мнению урбанистов под ревитализацией элементов культуры понимается возрождение к жизни промышленного объекта и наделение его совершенно новыми функциональными смыслами. Также, ревитализация направлена на обновление и оживление городского пространства, на привлечение туристического потока, на сохранение или подчеркивание того или иного города, региона.

Использование основных положений выше изложенных теоретических разработок о «ревитализации», имеют значение для понимания процессов ревитализации олонхо в культурных практиках современной культуре саха. Обратим внимание на то, что в современной культуре большое значение приобретают культурные практики, в которых и происходит реализация, воплощение реальной культуры. Интересным в этом отношении является позиция культуролога В.П. Большакова. В своей статье «Культурные практики в процессах становления культуры» он рассматривает современные представления о культурных практиках, становление которых происходило на протяжении всей истории человечества. Ученый определяет, что культурные практики – это и есть реализация культуры в ее непосредственной действительности [4, с.17].

Как мы уже отметили, культурные практики в условиях региона имеют большое значение. Культурными практиками можно назвать меры, направленные на сохранение, возрождение сказительского мастерства и эпоса олонхо в целом, предпринятые правительством Республики Саха (Якутия) [6;7;13;15;16;17]. Это дало толчок, для

«всплеска» массовой трансляции эпоса олонхо, который охватывает буквально все культурное пространство Якутии. Но, исследователи говорят о том, что современное общество уже не сможет вернуться к настоящим истокам эпического наследия, но, вне зависимости от этого сегодня эпическая традиция является важной составляющей для единения духовных сил народа.

С эпической культуры начинается образование саха и сохранение его самобытной культуры. В связи с этим, современные ученые, энтузиасты, идеологи предлагают находить возможные варианты присутствия и репрезентаций эпоса олонхо в контексте современной культуры саха. Все это проходит через ревитализацию разнообразных культурных практик, с тематикой олонхо.

Современные культурные практики имеют вполне демократический, доступный характер, что позволяет транслировать эпос и делать его известным и популярным. К современным культурным практикам мы относим, деятельность научных институтов и общественных организаций, которые обеспечивают и поддерживают преемственность и передачу эпической культуры. Их мы рассматриваем с точки зрения институционализации – переноса из пространства традиционных практик, когда олонхосут ходил по домам и исполнял олонхо, в пространство современной культуры, где главными трансляторами текстов олонхо могут выступать студенты вузов Якутска и молодежь, имеющая опыт сказывания олонхо.

Итак, институционализация – это процесс, когда некая общественная потребность начинает осознаваться как общесоциальная, а не частная, и для ее реализации в обществе устанавливаются особые нормы поведения, готовятся кадры, выделяют ресурсы [1]. Так, например, культуролог Т.Г. Бортникова под институционализацией этнического, понимает становление, поддержание, изменение и приведение конкретных культурных форм и норм жизнедеятельности этнической группы в современную культуру [5, с.9].

Теперь немного об истории формирования культурных практик в республике. Известно, что в 1935 году в Якутии был образован первый научно-исследовательский институт языка и культуры при Совнаркомом ЯАССР. Именно там началась актуализация вопросов изучения языка, литературы, фольклора, истории. Научно-исследовательский институт языка и культуры стал первым социальным институтом культуры по сбору и сохранению текстов эпоса олонхо. Благодаря институту регулировалась деятельность культурных и образовательных учреждений республики, популяризировался эпос олонхо в обществе. Все это стало основой научного фундамента исследования эпоса олонхо. Сегодня институт также занимается фундаментальными, поисковыми и прикладными научными исследованиями по сохране-

нию и изучению культурного наследия Северо-Востока России, а исследование эпоса также находятся в центре внимания сотрудников отдела фольклора и литературы.

В 2008 году был организован Республиканский Центр Олонхо при Республиканском центре культуры им. А.Е. Кулаковского. Центр Олонхо был и является активным организатором и соорганизатором республиканских и международных мероприятий, посвященных распространению и развитию якутского эпоса. Сотрудниками центра велась и ведется работа по сохранению исчезающих образцов устной традиции, декоративно-прикладного творчества и ремесел народов республики.

В 2010 году при Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова был создан научно-исследовательский институт олонхо. Целью института стало осуществление научно-исследовательской работы по комплексному научному исследованию проблем якутского героического эпоса олонхо в контексте жанровой системы якутского народного творчества и сопоставление с эпическим наследием народов мира. Сегодня основными направлениями деятельности института стали организация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований эпического наследия якутского народа, создание теоретических основ сохранения и распространения эпического наследия якутского народа, укрепление международного статуса его научных исследований в области эпосоведения, лингвистики и фольклористики, также развитию международного сотрудничества и совместных научных проектов.

Активной деятельностью по популяризации и изучению олонхо стал научно-исследовательский институт национальных школ Республики Саха (Якутия). Основная поддержка, которую он осуществлял это поддержка «педагогике олонхо». Педагогика олонхо стала частью системы этнокультурного образования в Республике Саха (Якутия), которая призвана приобщать детей и молодежь к культурному наследию и выявлять традиционные духовно-нравственные ценности народа.

Таким образом, научно-исследовательская работа в изучении, систематизации текстов олонхо стала началом проявления публичного интереса к традиционным текстам в этническом сообществе, а их актуализация повлияла на разнообразие форм культурных практик олонхо. Но эти практики не были связаны только с научно-исследовательской работой. Олонхо заинтересовались и деятели художественной культуры.

Так, в 2008 году был образован театр олонхо. Цель театра – создание новой сценической формы эпоса олонхо. Сегодня Театр олонхо – своеобразная форма бытования эпического текста в современной культуре. Такая форма стала одной из эффективных культурных практик эпоса в наше время. Постановки Театра олонхо наиболее

адаптированы для современной публики. Теперь олонхо звучит со сцены театра, а художественные образы становятся узнаваемыми.

Интересными культурными практиками сохранения олонхо является творчество якутских художников, мастеров, которые обращались к древнему эпосу олонхо, откуда черпали идеи и образы. Благодаря их творчеству, сегодня эпос является неотъемлемой частью визуальной культуры. Через визуальную культуру повествование эпоса, изображение его сюжетов и иные формы передачи содержания, современный человек может формировать более точное визуальное представление об эпосе.

Художественные образы и сюжеты олонхо всегда интересовали художников. И.В. Попов, М.М. Носов, Э.С. Сивцев, В.С. Карамзин, Т.А. Степанов в своем творчестве проявляли неподдельный интерес к личности олонхосудов. Их интересовали художественные образы и сюжеты олонхо, которые понимались как комплекс традиций.

Многие изделия косторезов А.В. Федорова, Т.В. Аммосова, С.Н. Петрова, Н.Д. Амыдаева, Р.Н. Петрова, Ф.И. Маркова, Р.М. Пинигина навеяны мотивами олонхо и другими жанрами устного народного творчества. Примечательны в косторезной пластике устоявшиеся фольклорные темы и образы, например, сцены традиционного кумысного праздника ысыах, танцующие или летящие стерхи – белые журавли, круговой танец осуохай, алгысчыты, шаманы, мастера – носители традиций и духовной памяти народа, образ богатыря, воплощающий в себе героическое начало в человеке, отдельные персонажи олонхо – Нюргун Боотур, Сорук Боллур.

Таким образом, в художественной жизни Республики Саха (Якутия) с первых шагов всегда присутствовал глубокий интерес художников к личности сказителя, эпическим сказаниям, понимая последние как систему традиций, которые могут быть восприняты и продолжены. Опора на традиции, поиски стилистики, проблема идеала – таковы стимулы активного отношения в художественных практиках творцов с героическим эпосом. Визуализация эпического наследия значительно обогащает внутреннюю образную сущность искусства, она является не только формообразующим и стилиобразующим фактором, но и способом художественного мышления, путем трансформации традиционных образов в современные, понятные современному молодому человеку. Визуальная культура актуализирует этнические ценности, способствует обмену эстетическими и этическими идеалами. Она позволяет сохранить оригинальность и самобытность национального искусства в бурный век интенсивной интеграции культур и цивилизаций.

Организация разных видов выставок посвященных эпосу олонхо, является мощным инструментом для

пробуждения интереса широкой публики к олонхо. Национальный художественный музей Республики Саха (Якутия) с 2006 года, и по настоящее время, реализует долгосрочный выставочный проект «Олонхо и мировые эпосы» с музеями, художниками, национальными общинами, диаспорами России и зарубежья. Проект направлен на знакомство, с культурным наследием народов мира на основе эпических памятников.

В 2019 году впервые в Якутии состоялась аудиовизуальная выставка художника Т.А. Степанова «Ожившие легенды эпоса олонхо», с использованием новых технологий в формате 3D Mapping. На 16 экранах транслировались 15 картин, где герои, образы олонхо двигаются, закрывают глаза, на девушке сверкают якутские украшения, волосы развеваются на ветру. Экспозиция сочеталась с атмосферной электронной музыкальной композицией Olonkho от электронного проекта «URAAN» [10].

В век компьютерных технологий, когда дети увлечены компьютером, через игровые технологии знакомство с миром олонхо стало увлекательной и наиболее эффективной формой передачи визуальных образов. В 2003 году братья Афанасий и Алексей Ушницкие разработали первую компьютерную игру в стиле экшн по мотивам героического эпоса олонхо. Сюжет игры был прост. Он заключался в том, что якутский богатырь, преодолевая множество препятствий, спасает свою невесту. Таким образом, разработчики, посредством игры, получили возможность познакомить детей с основной сюжетной линией эпоса олонхо.

Также, следует выделить полнометражную пятидесятиминутную мультипликационную картину под названием «Нюргун Боотур Стремительный», снятую по мотивам народного эпоса олонхо. Картина выпущена на якутском языке и переведена на русский, английский, немецкий, китайский, японский и корейский. Сняли мультфильм по инициативе музея музыки и фольклора Якутии.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что популяризация эпоса олонхо в работах художников, современных средствах массовых коммуникаций (мультфильм, компьютерная игра) является частью визуальной культуры современного общества Якутии.

Обратим внимание и на роль культурных практик общественных организаций, которые также популяризируют и сохраняют олонхо. На сегодняшний день в Республике Саха (Якутия) существуют три официальных общественных организаций: Республиканская общественная организация «Ассоциация Олонхо», Национальный комитет по организации и проведению второго десятилетия (2016-2025) олонхо в республике, Якутская общественная организация по сохранению эпоса олонхо – это «Молодые олонхосуды». Все организации работают во благо сохранения и возрождения эпоса олонхо.

Анализируя опыт различных институтов и организаций, занимающихся сохранением и популяризацией эпического наследия олонхо, мы видим, что в Якутии ведутся планомерные работы по популяризации и поддержке эпоса олонхо.

Самыми яркими культурными практиками являются фестивали исполнителей эпоса. Организация и проведение фестивалей позволяет не только пропагандировать и популяризировать олонхо, но и в какой-то степени поддерживать культурную память саха об эпической аутентичной традиции, поскольку эпос является ее лучшим образцом.

С 1997 года в республике проводятся три основных разновозрастных ежегодных республиканских фестиваля по сохранению и возрождению исполнительского искусства олонхо, охватывающих все возрастные категории граждан, начиная от дошкольного возраста до старшего поколения. Фестивали являются единственным местом встречи талантливых юных исследователей и исполнителей олонхо с наставниками, учителями-мастерами, исследователями и олонхосутами-исполнителями из

всех улусов республики. Здесь, в искусственно созданной локальной среде эпического мира, возникающей во время этих мероприятий, происходит естественное усвоение юным поколением устной эпической традиции и знаний олонхо, передаваемых им старшими поколениями носителей фольклора. Происходит обмен накопленными знаниями и навыками обучения исполнительскому мастерству между мастерами-педагогами под наблюдением носителей-олонхосутов, специалистов-эпосоведов. Все это обуславливает необходимость дальнейшего развития и пристального внимания к олонхо со стороны Правительства, в целях сохранения национального традиционного наследия саха и введения форм традиционной культуры в современную социокультурную среду.

Таким образом, анализ эпического наследия саха в современной культуре показывает жизнеспособность и устойчивость героического эпоса олонхо в разных культурных практиках и текстах. Благодаря процессу ревитализации, олонхо является сегодня живым источником, который укрепляет культурную самобытность и формирует культурную идентичность саха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрияш В.И. Институционализация: понятие и содержание [Электронный ресурс] // URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/11/39534> (Дата обращения: 18.07.2019).
2. Анохин А.Ю. Современные технологии ревитализации и реновации объектов историко-культурного наследия // Материалы III Международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы, опыт и перспективы развития туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом». Чита. 2016 – С. 8-21.
3. Бахтириева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник РУДН. Серия, Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т.8. № 1. С.57-63.
4. Большаков В.П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник СПбГУКИ № 2 (27) июнь 2016. – С. 16-22.
5. Бортникова Т.Г. Институционализация этнического: культурологический анализ: автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. культурологии / Т.Г. Бортникова: Тамбовский гос. универ. им. Г.Р. Державина. – Москва, 2004. – 33 с.
6. Закон РС (Я) от 6 ноября 2006г. № 485 «О Государственной целевой программе по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса Олонхо на 2007-2015 годы»
7. Закон Президента РС (Я) от 19.02.2009 г. «О защите и сохранении эпического наследия коренных народов Республики Саха (Якутия)».
8. Замятин К., Пасанек А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки. Vammalan Kirjapaino Oy. 2012. – 179с.
9. Иванищева О.Н. Сохранение и ревитализация: к вопросу о соотношении понятий «язык» и «культура» (на примере саамского языка и культуры // Гуманитарный вектор. 2011. №4. С. 82-85.
10. Ожившие легенды эпоса олонхо: 3D выставка Тимофея Степанова [Электронный ресурс] // URL: <https://sakhalife.ru/ozhivshie-legendy-eposa-olonho-3d-vystavka-timofeya-stepanova/> (Дата обращения: 07.03.2020).
11. Османизация Парижа [Электронный ресурс] // URL: http://www.historicus.ru/osmanizatsiya_Parija/ Дата обращения 27.03.2020)
12. Райкин А.А. Архитектурно-художественные особенности ревитализации промышленных объектов – Автореферат дисс. кандидата искусствоведения. Москва. – 2016. - 43 с.
13. Распоряжение Президента РС (Я) от 9.04. 2001 г. №511-р «О мерах по обеспечению сохранности эпоса олонхо»
14. Словарь музейных слов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?131> (Дата обращения 27.03.2020).
15. Указ Президента РС (Я) от 29.12.2005 г. №2491 «Десятилетие олонхо на 2006-2015 годы»
16. Указ Президента РС (Я) от 26.12.2009 г. № 1776 «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса Олонхо»
17. Указ Президента РС (Я) от 19.06.2014 г. № 2719 «Об объявлении второго десятилетия олонхо в Республике Саха (Якутия)».

© Ляпкина Татьяна Федоровна (teffil@mail.ru), Стрекаловская Зоя Андреевна (beta.85@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕНЕДЖМЕНТ АРТ-ИНДУСТРИЙ: КРОСС-ПОДХОД К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ И ПРИБЫЛЬНОСТИ БИЗНЕСА

Родионова Дарья Геннадьевна

Кандидат культурологии, Российская академия музыки
имени Гнесиных
sunshila@yandex.ru

Миндлин Юрий Борисович

К.э.н., доцент, Московская государственная академия
ветеринарной медицины и биотехнологии
имени им. К.И. Скрябина,
mindliny@mail.ru

ART MANAGEMENT: A CROSS-APPROACH TO THE SOCIO-CULTURAL CONCEPT AND BUSINESS PROFITABILITY

**D. Rodionova
Yu. Mindlin**

Summary: The article analyzes the features of management functioning in the sphere of culture and art. The specifics enable cross-approach between theory and practice of management (from the standpoint of the commercialization of art projects) and modern art (development of sense of beauty and education high feelings among fans). The author pays special attention to the analysis of the entrepreneurial aspect (a successful promotion can make even a very mediocre phenomenon an event, and Vice versa). The author justifies the need for specialists in the art sphere to use deep knowledge not only in the field of Economics and project management, but also in the field of the history of domestic and foreign culture, as well as a General high level of erudition and culture. Aesthetic education, extensive knowledge and appropriate education allow you to take into account not only financial, but also social results of your professional activities.

Keywords: art, art management, commercialization of art, socio-cultural space, social function of art.

Аннотация: В статье выполнен анализ особенностей функционирования менеджмента в сфере культуры и искусства. Рассмотрена специфика обеспечения кросс-подхода между теорией и практикой менеджмента (с позиции коммерциализации арт-проектов) и современным искусством (развитие чувства прекрасного и воспитание возвышенных чувств у читателей). Особое внимание уделяется анализу предпринимательского аспекта (удачная промоакция позволяет сделать событием даже весьма посредственное явление и наоборот). Авторы обосновывают необходимость в деятельности специалистов арт-сферы использования глубоких знаний не только в области экономики и управления проектами, но и в области истории отечественной и зарубежной культуры, а также общего высокого уровня эрудиции и культуры. Эстетическое воспитание, обширные знания и соответствующее образование позволяют учитывать не только финансовые, но и социальные результаты своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: искусство, арт-менеджмент, коммерциализация искусства, социокультурное пространство, социальная функция искусства.

Анализируя проблематику менеджмента искусства, следует принимать во внимание и понимать его отличительные особенности: непростой процесс адаптации теории традиционного, классического менеджмента к задачам, которые стоят перед художниками или художественно-культурными институциями. Трудно не согласиться с выводом известных исследователей Ф. Колбера и И. Эвра: «По нашему мнению, арт-менеджмент находится между теоретической структурой (менеджмент) и социальным сектором (искусство), поэтому о нем можно говорить как о субдисциплине, которая значительно отличается от общего менеджмента» [6].

В частности, фундаментальный конфликт заключается уже в самом определении эффективности работы менеджера. Если в любой другой отрасли основным показателем качества работы управленца является полученная им прибыль, то в искусстве все не является столь однозначным. Ведь для многих художников вопрос денежного вознаграждения не являются существенными и определяющими их творчества. Мотивация их деятельности может заключаться в совсем другой плоскости: это и моменты

самореализации, желание изменить мир (талантливые художники способны не только исследовать концептуальное пространство, но и трансформировать его), и стремление славы, иногда даже толчком для творчества становятся разнообразные предельные состояния и уставшие психосоматические травмы.

Конфликт имеет также и еще один аспект: далеко не всегда высокое, действительно высококачественное искусство находит своего зрителя, и наоборот, массовая культура в современном обществе, ориентированном, прежде всего, на потребление, довольно часто является лишь довольно низкопробным китчем, имеющим к искусству очень опосредованное отношение - превращает его в сугубо развлечение. Поэтому, главной проблемой функционирования менеджмента в сфере искусства, современные исследователи считают обеспечение единства между теорией и практикой менеджмента и современным искусством [12].

Кардинальные изменения в цивилизационных процессах, информационно-технологическая революция,

мировые процессы глобализации и, как следствие, глубокие межкультурные изменения делают проблематику исследования менеджмента искусства чрезвычайно актуальной.

Несмотря на то, что проблематику менеджмента исследовало немало ученых: Ф. Хук [13], В. Стадник и М. Йохна [11], Е. Командышко [7] и др., вопрос определяющих особенностей функционирования менеджмента искусства требуют более детального освещения.

Заметим, что как невозможно точно назвать имя первого менеджера (ведь еще в самом начале исторического развития человечества управленцы давности реализовывали чрезвычайно смелые и масштабные креативные, организационные проекты), так и невозможно определить точную дату возникновения конфликта между созданием образцов высокого искусства и получением сугубо коммерческой прибыли от продажи массового продукта. Несомненно, уже первые менеджеры древних цивилизаций пытались решить для себя эту проблему. В частности, как отметили авторы книги «Реклама в памяти культур. Креатив древних цивилизаций»: «Египетская цивилизация была достаточно прагматичной и экономной, однако на осуществление масштабных градостроительных и художественных проектов она собирала и щедро тратила значительные материальные ресурсы» [10]. Итак, древние египтяне творили вечные памятники, можно сказать «создавали будущее», даже если в краткосрочной перспективе масштабные культурные проекты не только не обещали никаких прибылей, но и заставляли всю страну работать с полной отдачей, на грани экономического истощения. Впрочем, давние времена оставили также другие образцы художественного менеджмента. К примеру, в Древнем Риме художественные нормативные ценности были сформулированы предельно четко и однозначно: «хлеба и зрелищ». Соответственно, культурный продукт был превращен в инструмент политического влияния — подчинение и манипулирование массами.

XX век стал периодом революционных изменений не только в области научно-технических революций, но и во взглядах на искусство. Так, если ранее критериями искусства были качество (красота) работы и мастерство (талант) мастера времена Возрождения добавили к этой классической формулы еще и право на субъективную интерпретацию представления о мире автора работы, то в современном мире, по меткому выражению Энди Уорхола, «каждый имеет право на 15 минут славы».

Разнообразные несложные вариации на темы обычных бытовых предметов, не только получили право быть провозглашенными высоким искусством, но и принести их создателям немалый доход. Соответственно, чрезвычайно возросла роль удачного менеджмента. Можно даже сказать, что именно благодаря продуманной рекламе потребитель воспринимает культурный продукт.

Например, можно вспомнить как в 1970-е годы Малькольму Макларену с помощью удачного менеджмента удалось не только создать жизнеспособный музыкальный коллектив из людей без всякой профессиональной образования или опыта, но и вызвать настоящую панк-революцию и появление нового музыкального стиля.

Заметим, что сам Макларен в своей жизни перепробовал немало различных профессий, но так и не удосужился получить какое-либо системное образование. Однако, все его попытки, как в бизнесе, так и в искусстве заканчивались разгромными неудачами. Возможно, мир никогда и не узнал бы о существовании менеджера-самоучки, но «каждый имеет право на 15 минут славы».

Макларен стал спонсором, менеджером и главным идеологом не только группы Sex Pistols, но и всего нового рок-направления. Ведь все другие панк-группы, которые в огромном количестве создавались (и создаются под влиянием творчества Sex Pistols, лишь копировали их стиль, который мгновенно стал каноническим. Основой имиджа группы Макларен сделал сознательную провокацию, максимальный эпатаж, общественный вызов, что гарантировало широкий резонанс, острую полемику, а вместе с тем и бесплатную, но чрезвычайно действенную рекламу. К примеру, в год двадцатилетия вступления английской королевы на престол Sex Pistols записали песню «God Save the Queen» откровенно провокационного, даже оскорбительного для содержания королевы. 7 июня (в день празднования юбилея) Малькольм Макларен снял лодку, курсировавшую Темзой вблизи королевского дворца. На нем музыканты дали открытый концерт. С помощью мощной аппаратуры звук громко разносился по городу [2].

Уже за полчаса и Макларен, и музыканты были арестованы полицией. Альбомы с записями «Пистолетов» мгновенно стали дефицитом, каждый англичанин жаждал услышать скандальную песню. По количеству продаж сингл «God Save the Queen» занял первое место в Англии: всего за несколько недель продано более 150 тыс. пластинок. Если на первые концерты группы приходило только 35-40 зрителей, то уже через несколько месяцев желающих послушать, а главное увидеть творчество «Пистолетов» были тысячи.

Псевдомузыканты, которые не знали даже основ нотной грамоты, легко получали контракты на безумные как на то время суммы. Фирма EMI в 1976 году предложила группе контракт на сумму 40 тыс. фунтов, в следующем году фирма A&M уже 150 тыс. фунтов [5]. В 2006 году группа была включена в американский Зал славы рок-н-ролла. Так, новаторский подход, смелый поиск новых форм, определенная революционность и сознательная провокационность творчества, на фоне общего анализа общественно-политического и экономического контекста, вкупе с определенной уникальностью и харизматичностью художников стали примером удачного менеджмента, за-

логом долгой и успешной карьеры.

Впрочем, заметим, что не всем музыкантам нравилась сознательная и активная коммерциализация группы. Участники Sex Pistols стали «рабами провокаций», общество ожидало от них только постоянного скандала, Макларен действовал по принципу «чем хуже, тем лучше». Музыканты, не согласные с позицией своего менеджера, покидали группу, которая, согласно своей рекламной концепции, и не имела шансов превратиться в долговременный проект. Ярко вспыхнув, пережив череду громких скандалов, драк, арестов, самоубийство бас-гитариста Сиды Вишеза, группа распалась.

Заметим, что в отличие от стран Запада, художники в СССР долгое время находились на обочине цивилизационных процессов. В стране царствовал соцреализм. Культурная жизнь была чрезвычайно развитой, но под абсолютным контролем государства. Новые формы могли развиваться лишь полуподпольно, постоянно балансируя на грани или запрета, или уголовного преследования. Менеджмент художника, ориентированный на финансовый успех, не имел права на существование, ведь легко трактовался как уголовное преступление — «спекуляция».

В конце 1980-х годов в СССР в период гласности и либерализации, радикально изменились представления о творце, зрителя, творчество и коммерцию. Неофициальные художники, непризнанные художники получили возможность не только свободно выставляться как в СССР, так и за рубежом, но и поняли, что искусство тоже может быть достаточно прибыльным. Творческие личности осознали, что создание культурного продукта может стать полем больших возможностей, а не только тотальных ограничений и рисков.

Столкновение с рынком требовало от художников коренным образом новых подходов к оценке своего творчества. Новые времена требовали переосмысления сущности искусства. Классическая формула менеджмента искусства, которая была сформулирована директором одного из немецких театров: «Мы делаем это ради удовольствия, а не денег (но для утешения мы нуждаемся в деньгах!» [3] стала актуальной и для жителей СССР. Можно сказать, что они наконец столкнулись с проблемой, которую менеджеры демократического мира решали на протяжении многих лет: сочетания коммерции и творчества.

Однако, времена принципиальных бунтарей, которые работали исключительно ради высокой идеи, демонстративно противопоставляя себя миру коммерции, отходили в прошлое. Искать любой смысл, двойных глубокий смысл, или какие-то зашифрованные послания, к примеру, в перформансах 1990-х годов, в массе своей было бесполезно. Акции были направлены, прежде всего, на максимальную эпатажность, что в свою очередь гарантировало широкую огласку, и, соответственно, широкую рекламу. Фактиче-

ски, искусство сознательно приносили в жертву коммерческому успеху.

В частности, подобным образом построил свою карьеру художник-акционист Олег Кулик. Безусловно, московская публика в 1990-х годах уже не находилась в том информационном вакууме, который был характерным для эпохи застоя или сталинизма. Именно в связи с тем, что шокировать тогдашнее общество уже не было столь легкой задачей, акционистам приходилось выбирать максимально провокационные, даже иногда непристойные формы. Именно так родился перформенс – человек-собака Олега Кулика. Смысл акции (впервые в ноябре 1994 года), в отличие от перформансов времен СССР, состоял не в критике господствующей идеологии, борьбе за права человека или привлечении внимания к каким-то общественно-политическим проблемам, а исключительно в самом шоу. Заметим, что «шоу» было довольно несложным: абсолютно голый мужчина на центральных улицах Москвы себя агрессивную собаку. Кулик громко лаял, бросался на людей, пытался покусать прохожих, искал на себе паразитов и тому подобное — демонстрировал максимально «собачью» поведение. Несмотря на тот факт, что «шоу» длилось всего около тридцати минут, общественный резонанс был бешеным – родилась новая «звезда». Мир узнал о существовании Олега Кулика.

Ради закрепления эффекта Кулик еще несколько раз организовывал аналогичные перформансы, каждый из которых получал активное освещение в прессе и на телевидении. Про Кулика снимали документальные фильмы и писали статьи. Приобретая себе скандальную славу, Кулик позиционирует себя как художника. Фотографии перформансов, картины «человека-собаки», экспозиционные проекты (которые эксплуатировали, прежде всего, темы обнаженного тела в сочетании со сценами насилия, с широким использованием животной тематики) были выставлены на десятках разнообразных выставок.

Присутствие скандального акциониста гарантировало широкую рекламу. Если же объемы продаж шли на спад, «человек-собака» вновь появлялась на публике. Был создан бренд максимально «модного» художника [5].

О. Кулик делал попытки выйти и на международный уровень, шокируя жителей различных европейских столиц. Впрочем, европейская терпимость и толерантность всегда имели свои четко определенные законодательством пределы. Так, когда «человек-собака» попытался выставить свои работы в Париже на выставке современного искусства FIAC, то ему было немедленно предъявлено обвинение сразу по нескольким статьям уголовного кодекса: порнография, пропаганда насилия, зоофилия и тому подобное. Впрочем, по искренним признаниям самого художника «этот скандал стал очень выгодным для меня. Часть работ была продана, даже находясь закрытой в сейфах выставки» [4].

Заметим, что фактически подобное «искусство» снова возвращает потребителей культурного продукта к Древнему Риму с его канонической формуле «хлеба и зрелищ». Однако, и в наше время немало мастеров в деле популяризации своего творчества идут путем наименьшего сопротивления, делая ставку на эпатажность и скандальность, часто на грани законности.

В связи с чем, бесспорно, нельзя не согласиться с выводом В. Алексеевского по чрезвычайно высокой ответственности менеджеров искусства: «Арт-менеджмент на современном этапе можно трактовать как своеобразную культуру руководства, присуща развитой гуманистической цивилизации, стремящейся глобализировать усилия человечества как ноосферное явление» [1]. Ведь именно менеджеры искусства в значительной степени ответственны за формирование вкусов и идеалов социума. Впрочем, как откровенно отметили в своей работе «Менеджмент» известные исследователи С. Робинс и М. Коултер: «добрые менеджеры могут превратить солому в золото» [9]. Именно поэтому менеджерам искусства стоит быть чрезвычайно осторожными, некритично применяя в своей практике законы и принципы «классического» менеджмента. Превращение «соломы в золото», когда нормы морали сознательно приносятся в жертву прибыльности того или иного проекта, может вызвать деградацию не только художественных норм, но и самого общества.

В учебном пособии «Технологии арт-менеджмента» то и дело неумолимо подчеркивается то, что одной из задач профессионального арт-менеджера является создание «звезды» (хорошо, что хоть беря это слово в кавычки) [8]. Заметим, что, действительно, качественная стратегия может сделать «звезду» практически из любого продукта,

но если из всего спектра составляющих успеха выбирать только скандальную славу, провокацию, максимальный эпатаж, что должно приносить огласку и быстрые финансовые дивиденды, то на выходе получим коммерчески привлекательные, но сомнительные проекты, ведь вряд ли кто-то осмелится назвать перформансы Кулика «ноосферным явлением».

Именно поэтому на завершающем этапе художественного проекта необходимым условием является проведение экспертизы и анализа творческих, педагогических и финансовых результатов [8]. Ориентирование исключительно на факторе финансового успеха сужает использование всего спектра технологий художественного менеджмента, сводя все к примитивным манипуляциям общественного мнения.

Итак, менеджмент искусства имеет свои особенности, отличающие его от классического менеджмента. В частности деятельность специалистов данной сферы требует глубоких знаний не только в области экономической науки, но и наличия достаточной базы в истории отечественной и зарубежной культуры, а также общего высокого уровня эрудиции и культуры. Эстетическое воспитание, основательные знания и соответствующее образование позволяют учитывать не только финансовые, но и социальные результаты своей профессиональной деятельности. Ведь в современном мире искусство уже никак не может выступать сугубо развлекательным элементом (уровень «хлеба и зрелищ» более присущ рабовладельческому обществу), зато воспитательная функция искусства выступает мощным фактором, что обеспечивает развитие человечества в соответствии с принципами гуманистической цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеевский В.С. Социокультурная концепция общей теории менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. — 2004. — № 2. — С. 21–36.
2. Грачев В.И. Коммуникативные культурфеномены и парадоксы современного российского арт-менеджмента // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2006. — № 1. — С. 81–86.
3. Добрякова Е. Олег Кулик: «Я могу вызывать омерзение» // Невское время. — Режим доступа: <https://nvspb.ru/2008/12/10/olegkulyamoguvizivat-39480>
4. Дрекс-Силла Г. Телесные опыты человека-собаки: «Собака Павлова» Олега Кулика // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: Сб. статей. / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. — М.: Новое издательство, 2006. — С. 269–280.
5. Кокарев А. Панк-рок от А до Я. — М.: Музыка, 1992. — 80 с.
6. Колбер Ф. Арт-менеджмент — наука третьего тысячелетия / Ф. Колбер, И. Эврар // Арт-менеджмент. — 2002. — № 3. — С. 3–10.
7. Командышко Е.Ф. Арт-менеджмент в вопросах и ответах: учебно-методич. пособие. — М.: Военный университет, 2012.
8. Новикова Г.Н. Технологии арт-менеджмента: учебное пособие / Г. Н. Новикова. — М.: Изд. дом МГУКИ, 2006. — 178 с.
9. Роббинс С.П. Менеджмент / С.П. Роббинс, М.; [пер. с англ. и ред. О. В. Медведь]. — 8-е изд. — Москва: Вильямс, 2007. — 1044 с.
10. Романова А. Появятся арт-менеджеры - заработает рынок // Художественный Совет. — 2009. — № 4. — С. 10–12.
11. Стадник В.В. Менеджмент / В.В. Стадник, М.А. Йохна. — К.: Академвидав, 2017. — 471 с.
12. Тульчинский Г.Л. Менеджмент в сфере культуры: учеб. пособие / Г. Л. Тульчинский, Е.Л. Шекова. — [2 изд., исправл. и доп.]. — СПб.: Лань, 2013. — 528 с.
13. Хук Ф. Завтрак у Sotheby's. Мир искусства от А до Я. — СПб.: Азбука, 2015. — 416 с.

© Родионова Дарья Геннадьевна (sunshila@yandex.ru), Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЖЕНЩИНЫ КАК СУБЪЕКТА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОЦЕССА В ИСТОРИИ РОССИИ

VALUE ORIENTATIONS OF WOMEN AS A SUBJECT OF SOCIAL PROCESS IN THE HISTORY OF RUSSIA

E. Tolok

Summary: The article provides a comprehensive analysis of the history of the formation and development of women's value orientations. It is noted that in a certain period of time different value orientations prevailed, but some of them are traditional and, as a result, unchanged. In particular, such values as family, children, marriage, and spirituality are considered by the example of highlighting the image of a woman in printed publications. At the same time, the phenomenon of stereotyped thinking of society is revealed, in which the new value orientations of modern women are not recognized. It is indicated that women who focus on professional activities, personal development, and political careers are perceived quite negatively, and therefore, ways to overcome the situation are suggested. In particular, the author formulates and justifies the conclusion that today there is a need to create a new system of values, which is supported, including by women. The author encourages women to Express their opinions openly and to break down stereotypical relationships. It is noted that the rejection of template thinking is favorable for the entire society as a whole.

Keywords: value orientations, history, social community, value system, women, gender

Толок Екатерина Сергеевна

*Ассистент, Балаковский инженерно-технологический институт – филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
tolokks@mail.ru*

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ истории становления и развития ценностных ориентаций женщин. Отмечается, что в определённый период времени преобладали разные ценностные ориентации, однако некоторые из них являются традиционными и, как следствие, неизменными. В частности, на примере освещения образа женщины в печатных изданиях рассматриваются такие ценности, как семья, дети, брак и духовность. Одновременно с этим, выявляется феномен шаблонного мышления общества, в рамках которого не признаются новые ценностные ориентации современных женщин. Указывается, что достаточно негативно воспринимаются женщины, акцентирующие внимание на профессиональной деятельности, личном развитии и политической карьере, в связи с чем, предлагаются пути преодоления возникшей ситуации. В частности, формулируется и обосновывается вывод о том, что сегодня имеет место необходимость в создании новой системы ценностей, поддержка которой осуществляется, в том числе, со стороны женщин. Автор призывает женщин открыто выражать свое мнение и разрушать шаблонные связи. Отмечается, что отказ от шаблонного мышления благоприятен для всего общества в целом.

Ключевые слова: ценностные ориентации, история, социальная общность, система ценностей, женщины, гендер.

Как и все существующие явления объективной действительности, ценностные ориентации женщин, образующих социальную общность, детерминированы широкой совокупностью объективных и субъективных факторов.

В данном аспекте, под объективными факторами целесообразно понимать политические, правовые и иные фактические отношения, которые сформировались в обществе на том или ином этапе развития. Кроме того, сюда целесообразно отнести общественно-экономическую систему и общественно-политический строй, в рамках которого действует и живёт социальная общность, так как именно в данных условиях будут формироваться ценностные ориентации. Стоит учитывать, что под воздействием ряда объективных факторов в обществе неизбежно формируется определённая система ценностей, оказывающая влияние на становление ценностных ориентаций конкретной социальной общности, которая имеет место в данном обществе.

Одновременно с этим, система ценностей будет включать в себя оценку со стороны общественного мнения, а также самооценку фактических ценностных ориентаций общности в обществе или группы. В указанной ситуации, преобладают особенности индивидуально-личностной психологии женщин и психологии пола, оказывающие влияние на мотивы поведения личности, а также на формирование её ценностных ориентаций, что целесообразно рассматривать с точки зрения субъективного фактора.

Представляется вполне естественным, что положение и роль женщины, а также её ценностные ориентации меняются с течением времени. Основываясь на различных научных исследованиях по заявленной проблеме можно констатировать наличие ценностей, которые будут основными для женщин в любой период времени. Так, к данным ценностям относятся семья, образование, работа, карьера, здоровье, дети и духовность.

Особенности общности женщин видятся в том, что

обладая общими социальными признаками, они выполняют такую уникальную и социально-необходимую роль, как роль матери. Представляется, что именно данная функция предопределяет роль женщины в современном социуме. Более того, выполняя данную функцию, женщина несёт в обществе определённую нагрузку идеологического характера. Можно заключить, что в обыденной общественной жизни модель идеальной материнской позиции имеет образ разумной и любящей матери.

В результате анализа работ многочисленных отечественных философов, писателей и историков можно констатировать, что женщины играют особую роль в оптимизации духовности и нравственности общества. Так, в своей книге «Условия абсолютного добра» Н.О. Лосский приводил многочисленные примеры данного факта. Рассматривая историю Натальи Долгорукой, которая последовала вслед за мужем в ссылку в Сибирь, автор анализирует записки графини, которая указывала: «войдите в рассуждение, какое мне это утешение и честна ли эта совесть – когда он был велик, так я с радостью за него шла, когда он стал несчастен, отказать ему? Я не имею такой привычки, чтобы сегодня любить одного, завтра другого» [1, с. 294].

В результате анализа подобных исторических примеров можно заключить, что русская женщина в дореволюционной России придерживалась таких канонов, как вера в бога, служение семье, верность, сохранение семейных традиций. Собираательным образом женщины в данном аспекте будут являться женщина, являющаяся хранительницей домашнего очага, женщина-мать [2, с. 88].

В начале XX века происходят достаточно существенные изменения в духовных и морально-нравственных ориентациях женщин нашей страны. В связи с этим, планомерно сформировалась принципиально новая социокультурная ситуация. Так, в советское время наблюдались изменения в системе установок и ценностей женщин, так как семья и дети начинают преобладать над ценностями духовного порядка. Одновременно с этим формируются и некоторые иные ценности, например, получение образования и работа как источник заработка. Полагаем, что данная ситуация во многом была обусловлена тем, что в данное время на территории страны происходила массовая ликвидация безграмотности, а также планомерное развитие культуры и образования. Ярким примером является лозунг, опубликованный в журнале «Крестьянка», датированный 1925 годом. Так, в издании было указано; «женщина, учись грамоте, - это завет Ильича» [3, с. 40].

В результате сравнительного анализа изданий журнала «Крестьянка» прошлых лет можно проследить трансформацию образа женщины, а также изменение

её стиля и ценностей. Так, в первой половине 20 века тематика журналов находилась под влиянием идеологии, а женщина предстаёт перед нами в образе сильной и мужественной гражданки, к которой едва ли можно применить фразу «слабый пол». Однако уже в 50-60-х годах прошлого века тематика журнала постепенно меняется, а женщины в нём изображаются в костюмах и платьях, а не в рабочей форме как ранее. Прорывными стали 70-е годы прошлого столетия, так как на страницах печатных изданий впервые начинают поднимать сексуальные темы. Кроме того, впервые публикуются фотографии женщин в купальниках, что целесообразно рассматривать через призму сексуальной революции на территории нашей страны.

В 80-е гг. тематика журнала меняется ещё больше. Несмотря на то, что журнал ещё достаточно пронизан идеологией, женщина всё чаще предстаёт не только в роли заботливой жены и матери, но и в роли настоящей женщины, которая любит и заботится о себе. В связи с этим, в журнале появляются многочисленные статьи, посвященные отношениям полов, красоте и моде.

Особенная экономическая и политическая обстановка на территории нашей страны, которая имела место после распада СССР, породила неизбежные перемены в иерархической цепи установок и ценностей российской женщины. Так, на первый план в анализируемый период выходят работа, карьера и деньги, а также профессиональный и личный успех.

В 90-е гг. XX века на страницах журнала «Крестьянка» появляется многочисленная реклама, которая, так или иначе, формирует образ современной женщины. Так, рекламная продукция, представленная в журнале, позиционируется в качестве истинного символа женщины в связи с чем, обладание той или иной вещью позволит женщине быть ещё красивее и успешнее. Очевидно, что реклама подобного рода была рассчитана преимущественно на обеспеченных женщин, в связи с чем, многие женщины среднего достатка стремились к обладанию определённой вещью для поддержания образа красивой и успешной дамы.

Стоит отметить, что в нашей стране в рамках анализируемого периода прошли многочисленные структурные экономические трансформации, которые значительно изменили характер трудовой деятельности женщины и оказали влияние на формирование профессионально ориентированных стратегий. В связи с этим женщины оказались в новой рабочей среде, столкнувшись не только с определёнными возможностями, но и трудностями, что представляется вполне естественным. Более того, перемены социально-экономического характера породили дифференциацию и расслоение внутри женской социальной группы, изменили традиционное отноше-

ние к семье и, как следствие, вызвали спад рождаемости в России. Новая социальная среда формируется в России и сегодня, так как на современном этапе развития к женщине выдвигаются новые требования, трансформируется содержание и диапазон социальных ролей, изменяется место женщины в социальной структуре общества. Например, сегодня меняются не сами ценности женщины, а иерархия данных ценностей, так как некоторые из них выходят на передний план, а некоторые, наоборот, уходят на задний план. Так, сегодня профессиональная деятельность женщины рассматривается не только как средство получения денежных средств, но и как основа личной самореализации и профессионального роста, что не было так ярко выражено в иные периоды.

В современных изданиях журнала «Крестьянка», который проходит нитью через настоящее исследование, женщина выполняет сразу несколько ролей, которые, подчас, откровенно навязаны средствами массовой информации. Так, сегодня идеализируется образ «женщины-звезды» и женщины, обладающей ухоженностью и красотой. Отдельный сегмент статей представлен публикациями о карьерном росте женщин и повышении её квалификации. Нельзя не отметить некое смещение социальных и профессиональных ролей, так как планомерно возрастает количество случаев, когда женщины работают на «истинно мужских» профессиях. Также активно развивается образ женщины, которая счастлива в браке несмотря на кризисные явления в институте семьи. В связи с этим, публикуются статьи под названием «как улучшить брак», «как вернуть любовь мужа» и так далее. Нельзя не отметить увеличение количества статей, посвящённых сексуальным вопросам, а также статей, обобщающих опыт других семейных пар в тех или иных ситуациях. Одновременно с этим, имеет место минимизация статей, идеализирующих образ женщины-матери, что является достаточно негативной тенденцией. Активно пропагандируется секс до брака, что ранее было запрещенной, если не сказать, одиозной темой [3, с. 44].

Стоит отметить, что в современном российском обществе преобладает формационный подход к пониманию сути женщины, а также её предназначения. В соответствии с данным подходом, женщина является полноценным работником, работающая наравне с мужчиной, которая выпадает из профессиональной деятельности только в период отпуска по уходу за ребенком. Одновременно с этим, женщина рассматривается как физически более слабый субъект трудовых правоотношений, в связи с чем, формируется перечень работ и должностей, которые женщина не может занимать. Можно констатировать, что формационная система ценностей изначально позиционирует женщину как не совсем выгодный и конкурентоспособный субъект трудовых и некоторых иных правоотношений.

Современная социально-экономическая ситуация на территории нашей страны такова, что профессиональная деятельность женщин во многом предопределена объективной необходимостью профессионального роста, а не получением материальных благ, что также имеет определённое значение. Так, женщины всё реже стремятся играть роль домохозяйки и хранительницы очага, желая реализовываться в профессиональном плане наравне с мужчинами. Усматривается прямая корреляция между женщиной, имеющей высшее образование и женщиной, которая стремится достичь определённых профессиональных и карьерных высот.

Рассматривая роль женщин в политической сфере, стоит отметить, что женщины в политике встречаются не так часто и такая тенденция является для нашей страны типичной. Полагаем, что во многом это обусловлено тем, что политика нередко рассматривалась через призму «грязного дела» в связи с чем, участие в ней женщин является не обязательным. На пути женщины к лидерству серьёзную роль играют препятствия, связанные с социализацией полов. Социализация женщин во многих странах мира, в том числе и в России, происходила и происходит таким образом, что у большинства из них не возникает особых амбиций по поводу карьерных и политических устремлений. Большинство людей не видят в низком политическом статусе женщин социальной несправедливости. С детства мужчин настраивают на то, что они будут работать, как минимум чтобы прокормить семью, а женщин – что их кто-то прокормит. И мужчина, не сделавший профессиональную карьеру до 30 лет, как и женщина, не сумевшая создать семью до 30 лет, могут считаться в обществе аутсайдерами.

Также в данном аспекте нельзя не отметить тот факт, что социальная судьба женщины на территории нашей страны предопределяется рядом так называемых «природных моментов». По существу их социальная значимость сводится к семейным ролям, а они, в свою очередь, редуцируются к обслуживающим функциям. Если главное для женщины – семья, а работа для неё на втором месте, то и на работе она тоже оказывается на втором месте, выполняя подсобные, вспомогательные роли. При этом подразумевается, что работа может быть для женщины только «занятостью», но не профессией, а тем более карьерой. Ориентация женщин на профессиональную деятельность оценивается многими как неженственная или даже антисемейная.

Также в условиях нашей страны сформировалось устойчивое мнение, что женщины не так сильно ориентированы на карьеру и профессиональную деятельность как мужчины, ибо потребность в карьере ими не осознаётся и не является для них характерной. Однако согласиться с данной точкой зрения весьма затруднительно даже несмотря на то, что в практической деятельности

карьерных высот ждут преимущественно от представителей мужского населения. В связи с этим, если женщина добивается определённых профессиональных успехов, нередко говорят о том, что женщине банально повезло и с её умениями или навыками это никоим образом не связано. Как следствие, успешность женщины измеряют её способностями завести и сохранить семью, а также родить и воспитать определенное количество детей. На этом фоне женщин нередко обвиняют в том, что они забывают своё истинное предназначение и утрачивают женственность тем, что стремятся к карьерным высотам. Полагаем, что указанное стереотипное мышление вызывает недоверие к руководящим способностям женщин, а также порождает комплексы у представительниц прекрасного пола. Можно заключить, что сравнительно небольшое количество женщин на руководящих постах обусловлено тем, что соответствующая ролевая модель в обществе до сих пор не сформирована, а стереотип о том, что карьера и женственность не совместимы, является достаточно распространённым. Одновременно с этим, некоторые женщины находят в себе силы и возможности для преодоления стереотипов подобного рода.

Представляется, что для модернизации роли и места женщины в рамках современного общества, объективной необходимостью является разработка системы ценностных ориентиров, которая направлена на формирование установок на высшие ценности. Суть данной системы состоит в том, что женщина, в первую очередь, должна рассматриваться как человек и только затем как женщина в своем первоначальном виде. Полагаем, что указанная система ценностных ориентаций способна снизить напряжение в социуме посредством практики социального творчества, которая реализуется в определённых социальных инициативах женщин.

Более того, женщинам рекомендуется открыто выражать сомнения в том, что женщина имеет изначальное предназначение, не связанное с реализацией карьерных амбиций. Представляется, что отказ от стереотипов подобного рода благоприятно повлияет на всё общество в целом, так как избавит от шаблонности мышления и навязывания ярлыков.

Каждая женщина должна иметь возможность индивидуального выбора самореализации и в профессиональной сфере деятельности, и в семейно-бытовой сфере в форме параллельного или последовательного сочетания профессиональной деятельности и материнства. Свобода выбора, предоставляемая женщине обществом, ведёт к гармонизации всех общественных отношений. Гарантируя свободу выбора, мы сумеем в полной мере использовать те возможности созидания, которыми обладает «женский резерв».

Резюмируя всё вышеизложенное, хотелось бы отметить, что женская социально-демографическая общность имеет значительный социальный потенциал, практически не используемый в процессе становления цивилизованного общества в России. Значительную роль в формировании женской социально-демографической общности как субъекта общественного развития могут сыграть новые ценностные ориентации, способствующие становлению социогендерной идентичности женщин и снимающие социальное напряжение в социуме через практику социального творчества, реализуемого в социальных инициативах.

Женские социальные инициативы не разрушают устои общества, а предлагают их пересмотреть, исходя из парадигмы, в соответствии с которой представители обоих полов будут находиться в равных условиях. Равная с мужчинами степень свободы необходима женщинам не только просто для поддержания чувства собственного достоинства и возможности самовыражения во всех сферах жизни, она составляет основу формирующегося гражданского общества новой демократической России.

Обобщая всё вышеизложенное, мы делаем вывод о том, что ценности западной цивилизации под видом общечеловеческих навязываются российскому массовому сознанию. Следуя примеру западной культуры, российская культура превращается в общество комфорта, которое характеризуется стремлением к удобству в физической и экономических сферах, к легкости социальных отношений, к порядку в политике. Но при этом позитивное по смыслу, общество комфорта ориентирует человека на совокупность преувеличенных естественных человеческих потребностей, противостоящих его духовной природе. Преувеличение ценности данных потребностей подавляет человека, лишает его возможности выбора, лишает независимости. При этом все средства общества комфорта как по лекалу переносятся на российскую культуру с западной.

В целом западноевропейская традиция сформировала культуру, в которой предпочитают, любят сильных, удачливых, умеющих вовремя адаптироваться к изменяющейся ситуации. Такая культура – результат преимущественно мужской, новоевропейской традиции, когда человек стал надеяться больше на себя, чем на Бога, коллектив, Другого.

Сегодня обществом экономически и политически продолжают руководить мужчины, прибегающие к силе везде, где им кажется это необходимым, а женщины остаются в основном на вторых политических ролях. При этом ситуацию чаще всего реально не меняют эпизодические вхождения женщин во власть в разных социокультурных традициях, поскольку окружение и

ценностно-мировоззренческий климат, пропитанный «духом мужчин», остаётся. Для существенных культурных сдвигов необходимы действительные радикальные изменения установок общества, иное отношение к женщине, признание женщины как изначальной ценности,

проистекающее из её природы носителя эмоционально-духовного начала. Чтобы обеспечить решение глобальных проблем, мужчины должны сами поставить вопрос о новой, более гармоничной модели цивилизации, учитывающей реальное положение женщин в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М., 1991. – 372 с.
2. Силласте Г.Г. Эволюция духовных ценностей россиян в новой социокультурной ситуации / Г.Г. Силласте // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 88-95.
3. Петров М.С. Эволюция образа женщины в отечественной журналистике (на примере контент-анализа журнала «Крестьянка») / М.С. Петров // Вопросы культурологии. – 2010. – № 7. – С. 40-44.
4. Чиченкова С.Н. Ценностные ориентации женщин России в различные исторические периоды / С.Н. Чиченкова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2010. – №2. – С. 44-48.
5. Овчинникова Е.А. Гендерная идентификация в российском культурном дискурсе: от средневековья к просвещению / Е.А. Овчинникова, С.А. Троицкий // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 4. – С. 100-112.
6. Гунченкова Е.А. Ценностные ориентации женщин в контексте преодоления трудных жизненных ситуаций / Е.А. Гунченкова, Е.П. Кораблина // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2015. – №3 (62). – С. 63-68.
7. Силласте Г.Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа- М., 2016. – 640 с.
8. Шишлова Е.Э. Гендер как инновационный научный и философский дискурс / Е.Э. Шишлова // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 1 (28). – С. 148-152.
9. Бондаренко Л.Ю. Роль женщины: от прошлого к настоящему / Л.Ю. Бондаренко // Общественные науки с современность. – 1996. – № 6. – С. 163-170.
10. Боровкова И.В. Изменение социальных ролей мужчин и женщин, как феномен в современной культуре / И.В. Боровкова // Молодой ученый. – 2012. – №4. – С. 512-514.
11. Кажаяева А.А. Смысл жизни глазами женщины: материалы XIII Международных гендерных чтений «Гендерные трансформации в современном мире» (Ростов-на-Дону, 25 марта 2016 г.) / под науч. ред. д-ра филос. наук Л.А. Савченко. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 63 – 67.

© Толок Екатерина Сергеевна (tolokks@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

ИГНОРИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В ПЕРЕВОДЕ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Фидарова Фатима Казантемировна

*К. культурологии, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
fidarova@inbox.ru*

IGNORING CULTURAL, HISTORICAL AND POLITICAL NOTIONS IN THE TRANSLATION OF GERMAN POETRY INTO RUSSIAN

F. Fidarova

Summary: This article is dedicated to the analysis of ignoring cultural, historical and political German notions "nobel", "das neue Reich" and "Völkisch" during translation into the Russian language.

Being a major component of culture, poetry will help us understand that the notions "nobel", "das neue Reich" and "Völkisch" had been conditioned by that time and had determined a complex and fateful period in the culture and history of Germany. If one translates German poetry into Russian, but ignores these notions, they exclude a most important stratum of German history and culture. The stratum had orientated itself towards the cultural and national identity of Germans. These notions had actually prepared a twist in Germany's political culture, which is, as it is known, a part of the common culture.

As supporters of the patriotic movement, Goethe, Schiller and Stefan George determined the value of the aforementioned notions for the creation of a personality in the cultural and political space. Its basis had been set by the very history of Germany. The topicality of the theme consists in the fact that the analysis of the aforementioned notions reveals us the "slip" of the culture into the political sphere in Germany. We have established the types of poetically ignoring the said notions on the basis of Goethe, Schiller and George's texts.

Keywords: nobel, das neue Reich, Völkisch, morality, component of culture.

Аннотация: Статья посвящена анализу игнорирования культурно-исторических и политических немецких понятий „благородный“, „Новый рейх“, „фёлькиш“ при переводе на русский язык.

Поэзия, как основной компонент культуры, поможет нам понять, что понятия „благородный“, „Новый рейх“, „фёлькиш“ обусловлены временем и определяют сложный и судьбоносный период в культуре и истории Германии. Игнорирование этих понятий при переводе немецкой поэзии на русский язык исключает важнейший пласт немецкой истории и культуры, который был ориентирован на культурную и национальную идентичность немцев. Эти понятия, по сути, подготовили поворот в политической культуре Германии, что является, как известно, частью общей культуры.

Гёте, Шиллер и Стефан Георге как сторонники патриотического движения определяют ценность указанных понятий для созидания личности в культурном и политическом пространстве, основание которого было заложено самой историей Германии. Актуальность данной темы заключается в том, что анализ указанных понятий раскрывает нам „соскальзывание“ культуры в сферу политического в Германии. Типы поэтического игнорирования указанных понятий мы устанавливаем с опорой на тексты Гёте, Шиллера, Георге.

Ключевые слова: благородный, Новый рейх, фёлькиш, нравственность, компонент культуры.

Способность переводчика понять различные социальные и культурные подсистемы текста обеспечивается не симбиозом явлений, а требует ясно осознанного проникновения в культурную жизнь личности и ее политические приоритеты времени.

В этом контексте решающее значение имеет тот факт, что культурное и политическое явления связаны с исторической проблематикой.

По этой причине каждая теоретическая проблема должна быть ориентирована исторически при раскрытии и анализе культурного явления. Историческая точка зрения должна все время учитываться, она должна служить тем фоном, на котором мы воспринимаем разбира-

емое нами явление культуры и политики.

Разумеется, слово, родное и иностранное поможет нам понять личность определенной эпохи и проникнуть в ее разнообразные роли.

Попробуем рассмотреть это на конкретном материале – в основном компоненте культуры, в поэзии. Стихотворение Шиллера «Начало нового века» (Der Antritt des neuen Jahrhunderts, 1801) является выражением культурно-исторической ситуации Германии, но также парадигмой ее игнорирования при переводе на русский язык:

Edler Freund! Wo öffnet sich dem Frieden,
Wo der Freiheit sich ein Zufluchtsort?

Das Jahrhundert ist im Sturm geschieden,
Und das neue öffnet sich mit Mord [Schiller, B. 2, 1904:
155-156].

В переводе оригиналу этого стихотворения соответствуют строки:

Где приют для мира уготован?
Где найдет свободу человек?
Старый век грозою ознаменован,
И в крови родился новый век [Шиллер, т. 1, 2012: 282].

Часть первой строки – **Благородный друг!** выпадает из поля зрения переводчика.

В русском переводе, как было сказано, **edler Freund**, „**благородный друг**“ отсутствует. Однако именно он, **edler Freund** – друг, человек понимающий, разумный, наделенный добрыми помыслами, согласно Шиллеру, может осознать культурно-политическое положение своего отечества и сделать что-то необходимое, т. е. благородное и как патриот ускорить выход своего отечества из кризиса. На него, на **edler Freund** Шиллер возлагает свои надежды, именно *благородный человек* может стать опорой своего отечества.

Почему переводчик так легко опускает половину строки **edler Freund**, *благородный друг*? Главная причина заключается в следующем понимании этой проблемы.

В немецком языке необходимо четко различать понятие „благородный“ в старом значении принадлежности к „благородному роду“ (**von edler Geburt**) и его новое значение с XVIII века – **духовные достоинства, душа и нравственность индивида**. Однако духовные достоинства, душу и нравственность индивида, т. е. благородство в том значении, которое начинает утверждаться в бюргерской культуре XVIII века, можно осознать через метафору «благородство души и помыслов» [Grimm, 1984: 55].

Эволюцию значения слова „**edel**“ всеобъемлюще исследовали Аделунг и Гримм. Однако, согласно Гримму, понятие «благородный с XVII-XVIII вв. становится выражением нравственного и эстетического потенциала внутреннего мира личности», т. е. оно неотделимо от внутренней культуры личности, от культурного кода, который заложен в человеке [Grimm, 1984: 55-62].

Культурологический анализ культурно-исторического контекста стихотворения Шиллера поможет нам осознать, декодировать символическое значение понятия „*благородный*“.

Культурно-историческую ситуацию, в условиях которой Шиллер писал свое стихотворение «Начало нового века» (**Der Antritt des neuen Jahrhunderts, 1801**) он затрагивает конкретно и характеризует очень выразительно:

старый век грозою ознаменован,

и в крови родился новый век.

Исторический аспект этого периода для немецкой нации был судьбоносным. Как известно, в 1801 г. был заключен Люневильский мир, согласно которому французам был отдан левый берег Рейна. Однако уже до этого, 30 декабря 1797 года, Майнц был передан Франции. Таким образом, неприкосновенность империи была нарушена. Также многие немецкие князья в прирейнских областях сами открыто стремились к присоединению левого берега Рейна к Франции, поскольку «идея создания французской республики вызывала здесь огромную симпатию» [Scherr, 1856: 467].

Разумеется, Шиллер в своем стихотворении глубоко переживает за катастрофическое политическое положение старого Германского рейха, за свое отечество. Шиллер обращается к „благородному другу“ – **edler Freund**, который также понимает опасность потери политической независимости, что, как известно, неминуемо ведет к потере культурной идентичности.

Но почему именно к благородному другу, человеку обращается Шиллер? Для понимания специфики этой проблемы необходим анализ этого понятия в культурном пространстве Германии.

Утверждение понятия «благородство» (нем. **edel, der Edelmut**) в бюргерской культуре XVIII века в Германии происходит вместе с утверждением метафоры «благородства души и помыслов» [Grimm, 1984: 62].

В культурно-коммуникативном пространстве человека века появляется новая категория понятия „благородный“ «как что-то нейтральное о том, для чего характерно нравственное величие» [Grimm, 1984: 62].

На этот новый культурный смысл понятия *благородный* у Гёте в драме «Торквато Тассо» Гримм и указывает: **das Edle zu erkennen, ist Gewinst / der nimmer uns entrisen werden kann** [Grimm, 1984: 62].

В русском переводе **das Edle** соответствует слово „прекрасное“:

Прекрасное познала ты душой,
Твой выигрыш навеки неотъемлем [Гёте, Т. 5:111].

Однако перевод **das Edle** как „прекрасное“ исключает из нашего восприятия новый компонент этого понятия – „нравственное величие“, о котором говорит Гримм.

В старом значении понятие „благородный“ в драме «Торквато Тассо» многократно употребляется и оно понятно как социальное поведение с определенным куль-

турным кодом.

Социальное требование вести образ жизни, соответствующий своему сословию:

Коль хочешь знать о том, что подобает,
То спрашивай у благородных женщин [Гёте, Т. 5:238].

Игнорирование понятия „благородный“ **edel** мы находим также и в переводе стихотворения Гёте «Божественное» (Das Göttliche, 1785) на русский язык.

Главное требование к личности Гёте определяет в стихотворении «Божественное» и призывает искать его в человеческом сознании:

Edel sei der Mensch,
Hilfreich und gut!
Denn das allein
Unterscheidet ihn
Von allen Wesen
Die wir kennen [Gedichte, 2010: 185-187].

В переводе оригиналу этого стихотворения соответствуют строки:

Прав будь человек,
Милостив и добр:
Тем лишь одним
Отличаем он
От всех существ,
Нам известных [Гёте, Т. 1: 169-171].

Как видно, „**edel**“, благородный в русском переводе заменен словом „**прав**“.

Мы думаем, однако, что для понимания смысла слов Гёте необходимо обратить внимание на последние строки этого стихотворения. Они также указывают, что „**edel**“ употребляется в новом культурно-эстетическом значении, о котором говорит Гримм, а не в старом значении принадлежности к благородному роду:

Der edle Mensch
Sei hilfreich und gut!
Unermüdet schaff er
Das Nützliche, Rechte,
Sei uns ein Vorbild
Jener geahneten Wesen!

Гёте призывает быть нам примером не доброго человека, мало быть добрым человеком, а личности, которая в душе с этим новым компонентом культуры, а это личность разумная, осознающая культурно-исторические вызовы времени во благо своего отечества.

Гёте также ясно осознает значение **edel** для патриотического и культурного созидания личности без революционных потрясений, поскольку он сам был против всяких смут. Следует вспомнить в этом контексте его

крылатое выражение из «Фауста» - мудрец не любит смут.

Слово *edel* у Гёте и Шиллера – это новая характеристика культурной роли понятия „благородный“, которую оно сыграло в развитии нового культурного и исторического поворота Германии.

Литературовед, филолог и теоретик культуры М. Бахтин указывает на сложность культурно-исторического познания чужого слова:

«Для художника-прозаика мир полон чужих слов, среди которых он ориентируется, к восприятию специфических особенностей которых у него должно быть чуткое ухо. Он должен ввести их в плоскость своего слова, притом так, чтобы эта плоскость не была бы разрушена» [Бахтин, 1994: 101].

Таким образом, у Гёте и Шиллера понятие „благородный“ выступает в аналогичной функции, когда оно относится ко второму смысловому пониманию – к исторической эпохе, в основе которой функционирует новое культурное наполнение и осмысление. Понятие „благородный“ стало для немцев культурным словом. «Культурное слово – преломленное сквозь авторитетный отстоявшийся *medium* слово» [Бахтин, 1994: 102].

Наряду с указанным понятием „благородный“ в немецком языке существует и другие понятия, русский перевод которых легко вводит в заблуждение, по сути, лишает нас осознания и понимания важнейшего периода в историческом, культурном и политическом пространстве Германии – причины прихода национал-социалистов к власти.

С особой ясностью мы видим это в стихотворении первого немецкого поэта-символиста Стефана Георге (Stefan George 1868-1933).

Заголовок, к которому прежде всего и относится наш комментарий, в русском переводе звучит так: «Новое царство» [История, 1968: 365].

В оригинале ему соответствует:

Das neue Reich
Der sprengt die Ketten, fegt auf Trümmerstätten
Die Ordnung, geißelt die Verlaufenen heim
Ins ewige Recht wo Großes wiederum groß ist,
Herr wiederum Herr. Zucht wiederum Zucht; .er heftet
Das wahre Sinnbild an das **völkische** Banner
Er führt durch Sturm und grausige Signale
Des Frührots seiner Treuen Schar zum Werk
Des wachen Tags und pflanzt das **neue Reich** [Linden. 1944: 339].

Георге написал свое стихотворение в 1928 году. Если

оставаться на уровне образности, то перевод названия можно принять за выражение крайнего благополучия личности, не имеющей в своем недавнем прошлом проигранной Первой мировой войны и „позорного“ Версальского договора. Однако необходимо осознать, что личность, которая до начала Великой войны была „двигателем и носителем более высокой культуры“, утратила опору на свой любимый тысячелетний рейх [Gartenlaube, 1914:13].

Цель Георге – дать нам объясняющий образ своего видения *Нового рейха* и это для него как постижимое, поскольку он указывает нам, кто и как может осуществить эту всеми желанную идею.

Так у немцев исторически сложилось, что именно слово **рейх**, для политиков – термин, в сочетании **Новый** после проигранной войны станет для них новым политическим, культурным и экономическим ориентиром. **Новый** рейх означает, по сути, **Третий** рейх, поскольку рейх Бисмарка – это для немцев Второй рейх, но он перестал существовать. Веймарская республика приняла на себя все тяготы, которые обрушились на немцев и Германию после Версальского договора. Однако «Рейх во все времена был государством немецкого народа и для создания нового, обновленного рейх Бисмарка – прекрасный образец» [Gartenlaube, 1931:3/1].

Также для понимания смысла названия стихотворения как *рейх*, а не *царство* следует принять во внимание тот факт, что немцы уже в 1923 году имели модель этого *Нового рейха* благодаря книге Меллера ван ден Брука «Третий рейх». Брук и ввел термин Третий рейх, который «окрылил национал-социалистов» [Gartenlaube, 1931:3/1].

В пятой строфе, к которой относится следующий комментарий, звучит в русском переводе так:

Он крепит верный символ на народное знамя [Цит. по Крейг, 1999: 73].

Das **völkische** Banner - фэлькиш знамя переведено как *народное*. В таком переводе мы утратили понимание мысли Георге о **völkisch**, однако без понимания истоков и смысла этого понятия мы теряем основное содержание текста, его культурно-политический посыл.

Обновление и возрождение Германии в качестве прежней великой державы должно было произойти путем объединения трех главных понятий: хозяин – фюрер с фэлькиш знаменами во главе „Нового рейха“, т. е. Третьего рейха. Георге создает цепь из трех понятий, они синхронно взаимодействуют и образуют контекстуальную рамку для определения культурно-исторической и политической ситуации. Понятие фэлькиш в русском

восприятии определяется как невыразимое и необъяснимое, поэтому его перевод как „народный“ представляет собой понятный образ. Такой перевод избавляет от внутренней противоречивости описываемого термина, но исключает его диахронию. Термин фэлькиш содержал в себе три главных требования: расовую теорию, название государства Третий рейх и возврат утраченных колоний. «Слово *völkisch*», благодаря «сочетанию таких разных значений, проделало для национал-социалистов огромную предварительную работу» [Broszat, 1958: 51-68].

Эта тенденция соответствовала и националистическому движению фэлькиш. Эти три указанных термина являлись составляющим компонентом политических и националистических тенденций Германии после Первой мировой войны. Рейх и только „любимый рейх“ мог изменить для немцев катастрофическое положение отечества. Термин *Новый* или Третий рейх давал немцам надежду на возрождение своей политической культуры как составной части общей культуры. В этой связи мы не должны упускать из виду, «что важная роль в культуре всегда придается памяти» [Лисович, 2013:103, 109].

Рейх и его смысловое отягощенное содержание после нацизма в современном мире понятно. Однако культурно-историческая и политическая рамка этого термина гораздо шире, чем его простое восприятие через призму нацистского прошлого.

Его посредническая функция, состоящая в его способности „стоять“ между государством и немецким народом для изображения кризисной действительности и как великий и верный шанс для возрождения народа без военного столкновения с другими нациями, остается, как правило, в тени.

Понятия *Новый рейх-Третий рейх, фюрер, фэлькиш* стали основными терминами национал-социалистов. «Нацистский режим давно рухнул, но отголоски языка Третьего рейха все еще ощущаются в современном немецком языке. Они находят свое проявление в разных жанрах коммуникации, на всех уровнях языка, где наблюдается взаимодействие различных символов» [Едличко, 2015: 90-91].

Таким образом, наш анализ показывает, что мы в переводе сталкиваемся с чужим словом, которое представляет собой символическое пространство культуры и пространство истории и политики, они не разделяют наши понятия на два этапа, напротив, они синхронно взаимодействуют.

«Проблема ориентации речи на чужое слово имеет первостепенное социологическое значение. Слово по природе социально. Слово не вещь, а вечно подвижная,

вечно изменчивая среда социального общения. Оно никогда не довлеет одному сознанию, одному голосу. Жизнь слова – в переходе из уст в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению» [Бахтин, 1994: 101-102].

Слово *völkisch*, как мы видели, представляет проблему для переводчика, поскольку его перевод в словарях дается как „народный“ (в шовинистическом значении). Однако в немецком языке есть и другое слово со значением „народный“ – *volkhaft*. Выбор эквивалента зависит в данном случае от исторического знания переводчика. Эта историческая проблема, как было сказано выше, изначально возникла на культурно-политическом уровне. В аналогичной функции выступает и понятие „рейх“, поскольку в словарях оно представлено как *государство, империя, рейх, царство, сфера, область*. Слово „рейх“ несет в себе многочисленные коннотации, отсылающие нас и к нацистскому словоупотреблению, но поэты и писатели Германии пользовались им до прихода национал-социалистов в значении исторического названия своего государства.

На уровне текстов, создававшихся немецкими авторами после Первой мировой войны, смысловой потенциал понятий *völkisch*, „рейх“ получает значительное развитие, вектор которого был направлен в мирное будущее.

Вместе с тем из приведенных понятий явствует, что «сам язык ставит определенные границы возможностям правильного понимания чужого, которое от этого уклоняется. Языковые средства выражения во многих отношениях ограничены. Всегда существует недостаточность эквивалентности, которая не позволяет передать с абсолютной точностью какое-либо понятие или слово одним понятием и одним словом на другом языке. Примечательно, что такие речевые непреодолимости затрагивают как раз наиболее фундаментальные и, очевидно, универсально необходимые понятия» [Хейзинга, 2010: 329].

Наряду с игнорированием переводчика при переводе, следует указать на наше собственное, „вынужденное игнорирование“, в основе которого коренится наше собственное незнание культурно-исторического и политического прошлого немцев.

Ярким примером в этом понимании вопроса являются политические стихотворения Фаллерслебена «Германия, Германия превыше всего» (*Deutschland, Deutschland über alles*, 1841) и Фридриха фон Штольберга «Мое отечество».

Если мы в политическом стихотворении Фаллерсле-

бена «Германия, Германия превыше всего» (*Deutschland, Deutschland über alles*) **будем опираться на наше историческое незнание** или сознательное игнорирование смысла этих слов, то мы получим идеальный вариант для возбуждения крайнего национализма. С этой песней немцев так именно и происходило в политическом пространстве самой Германии и в других странах. Однако главная цель этих строк – создать единое централизованное государство с названием «Германия», *Deutschland*, которое отсутствовало в официальном названии страны после нашествия Наполеона.

Название страны *Bund*, Союз после победы над Наполеоном лишало немцев символа единого отечества, который являлся основой патриотического движения страны. Сила старого слова Германия, *Deutschland* должна была дать немцам чувство национальной и культурной идентичности

Еще один пример из немецкого культурного пространства, для которого необходимо историческое знание. Стихотворение Фридриха фон Штольберга «Мое отечество», написанное в 1774 году:

Да, немец я!
Лейтесь потоком радости слезы,
ведь немец я! [Цит. по Данн, 2003:49].

Как воспринимать эти строки: только чувство или пафос? Однако и эти строки для поэтов-патриотов являлись тогда призывом создать единую нацию „немцы“ вместо племенных названий баварцы, саксонцы, алеманы и т. д. [Данн, 2003: 35-45].

Как видно из приведенных источников, историческое незнание, в основе которого проблема политической культуры, легко вводит в заблуждение и таит в себе опасность, ослаблять культурно-коммуникативную функцию между народами. В основной компонент культуры, в поэзию вплетаются основные требования политической культуры немцев. «Политическая культура, культура общественно-политического общения, – это составная часть общей интегрированной культуры. Она сопрягается с другими составными частями этой культуры и отражает, как правило, некоторые основополагающие ценности той или культуры» [Юдина, 2001: 35].

Анализ содержания приведенных выше поэтических строк показывает, что для понимания смысла указанных понятий, которые ускользают от нашего определения и рассудочного постижения, мы должны обладать конкретным историческим знанием. Однако модель необъяснимости этих понятий изначально зародилась в культурно-политическом пространстве Германии. Понятийное осмысление концептов „*благородный*“, „*Новый рейх*“, „*фёлькиш*“ в поэзии говорит о том, что поэзия воздействует поверх всех понятий. Именно на эту особен-

ность поэзии и указывает Гёте. «Поэзии, - заметил Гёте, - бесспорно присуще демоническое начало, и прежде всего поэзии бессознательной, на которую недостает ни разума, ни рассудка, отчего она так и завораживает нас» [Эккерман, 1999: 418].

Однако очевидно и то, что поэзия как основной компонент культуры освящает и сферу политического в Германии. Великий культуролог 20 века Хёйзинга считает подобную тенденцию как данность нашей эпохи. «С конца Первой мировой войны в мире, со всей очевидностью, протекает процесс, который я бы назвал соскальзыванием культуры в сферу политического, при том что культуру изначально и вполне сознательно оценивали по сравнению с политическим как наивысшее» [Хёйзинга, 2010: 325].

Однако это „соскальзывание“ культуры в сферу политического в Германии началось уже после победы над Наполеоном, когда немецкий народ в 1815 году вместо обещанной конституции и единого государства получил союзный договор и любимый немцами Рейх получил название Bund, Союз. Политические поэты Фаллерслебен и

Зимрок призывали вернуть стране название „Германия“, а Штольберг мечтал о единой нации „немцы“.

Патриотическая цель этих поэтов – через великое слово поэзии привести свою страну к политическому и культурному объединению.

Эта тенденция соответствовала политическому движению 18 века «немецкая культурная нация» [Данн, 2003: 48-49].

Таким образом, анализ наших понятий „*благородный*“, „*Новый рейх*“, „*фёлькиш*“ в немецкой поэзии показывает диахронию – как компонент немецкой культуры их культурно-символическое пространство дополняется и раскрывается пространством истории и политики. Они содержат в себе теоретическую проблему.

Теоретическая проблема, которую необходимо перевести на другой язык, должна быть ориентирована исторически. Историческая точка зрения необходима нам для понимания культуры и политики конкретного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества поэтики Достоевского. Киев, 1994.
2. Гёте В. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1, т.5. М., 1977.
3. Данн О. Нации и национализм в Германии 1770-1990. СПб, Наука, 2003.
4. Едличко А.И. Язык Третьего рейха и тенденции его проявления в современном протестном дискурсе. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015 №4.
5. История немецкой литературы. Т. 4. М., 1968.
6. Крейг Г. Немцы. М., Ладомир, 1999.
7. Лисович И.И. Трансформация культурной памяти и научное знание в Европе раннего Нового времени (научная статья)/ Знание. Понимание. Умение. 2013. №4.
8. Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. Спб., 2010.
9. Юдина Т.В. Теория общественно-политической речи. М., Московский университет, 2001.
10. Шиллер Ф. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М., 2012.
11. Эккерман И.П. Разговоры о Гёте. Калининград, Янтарный сказ, 1999.
12. Broszat M. Die völkische Ideologie und der Nationalsozialismus. In: Deutsche Rundschau, 84, Heft 1. Januar 1958, S. 53-68.
13. Die schönsten deutschen Gedichte. Herausgegeben von Lukas Moritz. Köln, 2010.
14. Gartenlaube. Leipzig, 1914, 1931.
15. Grimm J, Grimm W. Deutsches Wörterbuch. B. 7. Leipzig, 1984.
16. Linden W. Deutsche Dichtung am Rhein. Ratingen, 1944.
17. Scherr J. Deutsche Kultur und Sitten Geschichte. Leipzig, 1858.
18. Schillers sämtliche Werke in 16 Bänden. B. 2. Stuttgart-Berlin, 1904.

© Фидарова Фатима Казантемировна (fidarova@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ПАРИЖСКОЙ ШКОЛЫ НА СТИЛЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРЫ ПОВОРИНОЙ-АЛЕРС-ХЕСТЕРМАН

Хлупнова Елена Валентиновна

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Российской академии художеств,
elena.khlup@hotmail.de

THE INFLUENCE OF THE SCHOOL OF PARIS ON THE STYLE OF ALEXANDRA POVORINA-AHLERS-HESTERMANN

E. Khlupnova

Summary: In this work, the author considers the work of a German artist of Russian origin Alexandra Povorina-Ahlers-Hesterman (1885-1963), who left a mark on the cultural heritage of Germany. Born in the Russian Empire, having absorbed the culture of the Slavic spirit, she acquired the fundamental artistic skills in St. Petersburg. The relevance of the work is due to the need to study the cultural heritage of little-known artists of Russian origin, who, for one or another reason, left their homeland.

The author analyzed the scientific and fiction literature dedicated to representatives of not only the Paris School but also the New Group of Hamburg artists – “Hamburg Secession.”

The work of Alexandra Povorina-Alers-Hesterman developed in the cycle of modernist influences of the early twentieth century in art schools and associations of Europe. The Paris school had a significant impact on the style preferences and the artist’s graphic style.

Keywords: school of Paris, cultural heritage, painting, art, Hamburg, abstract art, surrealism.

Аннотация: В настоящей работе автором рассматривается творчество немецкого художника русского происхождения Александры Повориной-Алерс-Хестерман (1885-1963), оставившей след в культурном наследии Германии. Родившаяся в Российской империи, впитавшая культуру славянского духа, она приобрела первые художественные навыки в Санкт-Петербурге. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения культурного наследия малоизвестных художников русского происхождения, которые по тем или иным причинам покинули Родину.

Автор проанализировал научную и художественную литературу, посвященную представителям не только Парижской школы, но и Новой группы гамбургских художников — «Гамбургского Сецессиона».

Творчество Александры Повориной-Алерс-Хестерман развивалось в круговороте модернистских влияний начала XX века в художественных школах и объединениях Европы. Парижская школа оказала большое влияние на стилевые предпочтения и живописную манеру художницы.

Ключевые слова: Парижская школа, культурное наследие, живопись, искусство, Гамбург, абстракционизм, сюрреализм.

Разнообразие и широта феномена «Парижская школа» существенно затрудняет возможность описать его целиком, даже с указанием на наиболее характерные имена, которые определили бы облик и осветили хотя бы одну из граней данного уникального феномена. Тем не менее об этом явлении и его влияниях лучше всего свидетельствуют конкретные человеческие судьбы, придавая ему более яркий окрас. В данном контексте жизнь и творчество Александры Андреевны Повориной-Алерс-Хестерман (до замужества — Повориной), женщины-живописца, рассматривается впервые, и ее имя не ассоциируются с понятием «Парижская школа», однако именно данное явление изменило взгляд художника на дальнейшее творчество.

Обучение и становление во французском мегаполисе является неотъемлемой частью подавляющего большинства биографий русских художников начала XX века. Для этого существует множество причин: нигде больше не было европейской истории искусства и современного развития искусства столь же близкого русским, как в Париже. Кроме того, в 1910-х гг. женщины-живописцы

прочно утвердились на художественной сцене, и, разумеется, атмосфера свобододобивой «столицы мира» давала возможность не только беспрепятственно получать обучение, а также участвовать во всех мероприятиях художественных объединений и салонов.

Что же касается ориентации европейских женщин-живописцев на Париж, то вопрос о возможностях обучения и участия в выставках более не играл решающей роли в указанный период, как это было в конце XIX века. Именно флёр новых идей в искусстве, богемная среда и совершенствование влекли соискательниц.

Будучи ядром современности, Париж предлагал широкий спектр для развития: вместе с «Академией Матисса» многие известные и малоизвестные художники давали частные уроки для художников из России, что было предпочтительным, т. к. русская колония Парижа становилась с каждым годом все обширнее. Будучи русскими, они очень скоро могли почувствовать там себя «как дома»: десятки тысяч проживали в Париже до Первой мировой войны; многие из них эмигрировали из-за

политической эскалации и не предвидели скорого возвращения в родную страну [1, 2].

Художник-график Поворина-Алерс-Хестерман принадлежит к первой волне русской эмиграции и является представителем абстрактного направления в искусстве [3]. Огромное влияние на творчество Повориной-Алерс-Хестерман оказала Парижская школа и теоретики французского абстракционизма. Долгое время она невольно проецировала в своих работах симпатию к творчеству Матисса и Сезанна.

В русских источниках информации практически отсутствуют сведения о творчестве графика [4, 5, 6]. Европа и Германия более подробно изучают наследие художников Парижской школы и наряду с известными, маститыми мастерами открывают новые имена забытых и недооцененных художников. Доктор искусствоведения Анке Мюнстер в своем обширном монографическом исследовании, посвященном жизни и полному описанию работ Повориной-Алерс-Хестерман, пытается разобраться в переплетении судеб, творчества и искусства богемного Парижа, холодного Гамбурга и демократично отстраненного Берлина.

Основы образования Александры Повориной

Биография Александры Повориной должна начинаться с ее «русской души». Понятие «русской души» романтично и немного превратно, так как «единой» русской души, конечно, не существует. Однако многие идеи художник черпала в интеллектуальных течениях России конца XIX века, которые возвращались и передавались в родительском доме среднего класса, принадлежащем русской «интеллигенции» [7, 8].

Александра Андреевна Поворина, родившаяся в Санкт-Петербурге 26 февраля 1885 года, находилась в России не более четверти своей жизни. Долгое время она проживала в Германии, но абсолютное понятие «Дом» она ощутила в Париже и Берлине. При этом ее концепция искусства и жизни неоднократно указывает на ее русские корни. Так, она считала героев Ф.М. Достоевского «великими духовными предками».

Свободное развитие и образование — ключевые слова, наиболее полно описывающие идеалы, царившие в доме родителей Александры Повориной. Использование новых методов обучения характеризует семью с тонкой интеллектуальной настройкой, ориентированную на все новаторское — либеральное. Фактически во второй половине XIX века образование стало для России центральной социальной проблемой, «вопросом жизни» [9, 10].

Фундаментальные гуманистические принципы об-

суждались на примере воспитания детей, что ставило под сомнение прежнее «распределение власти» в семье. Это также показывает, что в то же время были подняты голоса против строгого патриархального воспитания, угнетения женщин и крепостного права. Примечательно, что в общественной дискуссии о философско-практическом понятии действительно не было педагогов. Писатели, врачи и ученые с различных факультетов разрабатывали различные и многогранные подходы. Нельзя утверждать, что родители Повориной следовали за конкретным автором, когда получали образование. Благодаря хорошему знанию русской литературы мать Повориной была знакома с радикальными педагогическими идеями Л. Толстого. Она немедленно отменила воспитание через угнетение и старалась позволить детям взростать только через образование.

Такое амбициозное отношение к воспитанию детей было возможно только в том случае, если семья принадлежала к высшему русскому сословию. Образование в России было привилегией богатых сословий, как и в других европейских странах. Тем не менее есть важное отличие российского образования от образования западных стран Европы. В царской, весьма консервативной России в конце XIX века все больше и больше девушек имели возможность получить образование. В поколении матери Повориной женщины, родившиеся около 1860-го г., имели возможность стать исключением и получить интеллектуальное или профессиональное образование для обретения уверенности и поднятия своего социального статуса. В данном контексте было вполне очевидно, что дочери двадцать лет спустя получают профессиональную подготовку. Кроме того, образование для русских женщин стало намного качественнее, и в последствии они могли свободно трудоустроиться, в особенности — в гуманитарной сфере. В западной Европе этот вопрос имел малозначительный характер: там образовательные программы для женщин считались поверхностными.

Гамбургский Сецессион

Александра Поворина сегодня более известна в Гамбурге как участник Гамбургского отделения сецессиона и союза Гедок. Это ирония судьбы, поскольку она не любила Гамбург, не любила жить в этом городе и не имела ничего общего с членами этих групп, за исключением Фридриха Алерс-Хестермана. В Париже, Кельне и Берлине она была практически забыта, но именно здесь она пережила важнейшие моменты становления и развития своего творчества.

Александра Андреевна была инициатором и организатором создания союза художников «Imagisten». Выбор названия «Воображаемая» не случаен. С одной стороны, нет общепринятого понятия той абстрактной манеры, что повлияла на художницу в 1930-е гг. С другой

стороны, она была крайне заинтересована в создании союза, способствовавшего продвижению стилевого направления и возможности организации выставок, в котором название указывало на стратегию и позиционирование объединения.

Художественное творчество А.А. Повориной характеризует ее работы за пределами различных техник, образных и абстрактных представлений. Особое значение имеют обработка изобразительного пространства, соотношение площади и линии, а также взаимодействие расстояния и близости. Тематическая концентрация и конструктивная работа на ее полотнах делает труды Александры Повориной актуальными для изучения в наше время. В целом ее наследие насчитывает 850 сохранившихся работ, включая более 180-и картин. Смысл жизни и творчества может быть в настоящее время изучен и рассмотрен досконально.

«Искусство — игра и глубокое погружение». Вероятно, по мотивам коллажей Поворина отыскала данное определение собственного творчества незадолго до своей смерти. Эта цитата может обозначать все ее творчество, если поставить «игру» в качестве синонима использования ею творческих средств. В указанном контексте короткое предложение раскрывает диалектику всех ее произведений, неуверенное колебание между независимостью выбора художественных средств и ориентацией на «идеальную» живопись в традиции символизма [3].

За относительно короткий пятилетний период Поворина произвела экстремальные изменения в выборе изображаемых предметов, а также в плане степени абстракции и изобразительного пространства. В связи с этим можно определенно назвать период с 1926-го по 1931-й г. «фазой переориентации». Рассматривая данное развитие с точки зрения мотивов, иконографической композиции и концепции изобразительного пространства, становится ясно, что, несмотря на этот разрыв, в ее работах есть константы. Но, прежде всего, художница нашла для себя ответ на главный художественный вопрос: если в ранних ее работах (пейзажах, портретах и натюрмортах) можно наблюдать художественное пространство, тонко скрытое за мотивом, то теперь ее внимание сосредоточено на увлечении живописным наполнением, не ориентированным на центральную перспективу. Поворина на короткое время отказалась от эскизного наброска и писала «с нуля». Такая система помогла художнику прояснить свой собственный путь. Когда она обнаружила это, написала: «Самое главное — делать и позволять писать так, как трактует судьба. Как в современной жизни, так и в произведении искусства — спонтанность» [11].

Переходная фаза отлично демонстрирует, что даже

в эти годы Поворина не ориентировалась на художественную моду — новую абстракцию, которая уже зарождалась в центре Парижа. Александра Андреевна преобразовала технику и стиль живописи своеобразным способом. Конечно, это не значит, что Поворина экспериментировала в закрытом пространстве. Для нее воплощением художественной модели рисунка был Редон, а в некоторых отвлеченных натюрмортах и трактовке линий можно увидеть конфронтацию с Браком. Она интересовалась его натюрмортами с конца 1920-х гг. Художника впечатляла работа по пространственному расположению, а также прорисовка круглых поверхностей, которые ощущаются как натянутые с квадратных границ картины.

Пикассо к концу 1920-х гг. также уже имеет похожие графические композиции. Поразительно, что другие художники из более поздних участников «Imaginistin» и выставки «Zeit und Zeichen» имеют очень похожую ориентацию в живописи: и Фриц Винтер, и Отто Ритчль интересовались обозначенным нами периодом для синтетического кубизма и таким образом укрепили в своих натюрмортах разные уровни абстракции. Во всех случаях эти понятия укрепились за короткий промежуток времени, что, очевидно, имело важное значение в позиционировании приемов необъективной живописи. Несомненно, натюрморты Повориной сыграли ключевую роль в ее поисках нового художественного пути.

Многие художники из плеяды «создателей абстракционизма» проявляли интерес к явлениям природы и «повторному открытию мира средствами абстрактной живописи». Необычным является конкретное гендерное понимание «воплощения» в таких образах, как «зачатие» или «оплодотворение». Например, у Франтишека Купки (1871-1957; чешский художник, абстракционист) есть некоторые мотивы, отражающие данную тему, но они присутствуют в космическом контексте. Интерес Купки и Повориной к религиям, а также глубокое восхищение эстетическими теориями Гете можно рассматривать как связующий элемент. Художница редко указывала в названии конкретное содержание работы, например: «Из цикла создания». По большей части она ссылалась на элементы дизайна в атрибуции.

Вместе с Отто Ритчль (1885-1976; один из главных представителей абстрактной живописи Германии) в союзе художников, кроме Повориной, состояли еще несколько художников-абстракционистов, которые делали акцент на конкретном именовании содержания работы. Именно Ритчль наиболее точно затронул темы Повориной: «Такие названия, как «Становление», «Человек в мире» и другие показывают, что мышление художника было о его истоках, особенно в тридцатые годы. Все — вокруг происхождения макрокосма и кругов микрокосма» [12]. Но из-за значительной утраты работ во время

войны точные сравнение стали невозможны.

Картины рассматриваемого художника почти диаметрально противоположны сюрреализму, однако не стоит отрицать, что живопись Александры Андреевны имеет точки соприкосновения с данным стилевым направлением. От Макса Эрнста (1891-1976; немецкий и французский авангардист) и Ханса Беллмера (1902-1975; немецкий график, скульптор, иллюстратор, писатель) до французских художников круга Андре Бретона (1896-1966; французский писатель, поэт, основоположник сюрреализма) художники-сюрреалисты явно исключали аспект возникновения жизни в их исследовании всего сексуального. Можно предположить, что в собственном искусстве они отражали мечты, похоть и навязчивые идеи, по мнению фрейдистов, связанные с психосоматикой.

Поворина преследовала цель: «остановить» зрителя чем-то узнаваемым. Для этого она использовала эмбриональные формы, но в совершенно ином контексте: ее интересовало не происхождение жизни и отношения между родителем и ребенком, а прежде всего — «анатомия вещей, анатомии человека и растений, которые переплетаются» [13].

В этом контексте картины Повориной на тему плодovitости, рождения и смерти, а также метаморфозов бытия можно соотнести с работами Пауля Клее начала 1920-х годов. В дни швейцарского изгнания названия его работ указывают на усиление конфронтации с темами рождения и материнства. Для Клее, однако, эта человеческая концентрация может быть замечена в его работе «Мифический цветок», создании его собственных мифов в романтической традиции. К сожалению, непонятно, знакома ли была Поворина с данной работой, которую высоко ценил сам Клее [14].

Выводы

В заключение следует отметить крепкий союз двух художников — Александры Андреевны Повориной и Фридриха Алерс-Хестермана (1882-1973; немецкий художник, историк искусства; муж Александры Повориной), поддерживавших друг друга на протяжении всей жизни. Их творческие амбиции и фатальные события XX века не сломили индивидуальности художников, не разобщили

их воззрения на развитие искусства. Их дочь, художница и дизайнер Татьяна Алерс-Хестерман (1919-2000; немецкий художник декоративно-прикладного искусства), стала собирателем живописи родителей и архива семьи.

Каталог работ основан на собрании Татьяны Алерс-Хестерман, в котором в подавляющем большинстве представлены картины, находящиеся в ее распоряжении, а также в распоряжении ее друзей и коллекционеров. Кроме того, впервые были всесторонне задокументированы графические работы графика, а также коллажи и изделия ручной работы.

Александра Андреевна Поворина-Алерс-Хестерман оставила обширное творческое наследие как немецкий деятель искусства и живописец-график, однако на протяжении всей жизни она всегда идентифицировалась как славянский художник. Начиная с 1914 года, в котором основанием для обвинений в «русскости» значилось русское происхождение, по 1930-е годы А. Повориной-Алерс-Хестерман приходилось противостоять обвинениям в «коммунистических» мотивах «необъективной» живописи посредством преподавания основ академического рисунка. Неоднократно Поворина выступала пропагандистом русского Высокого стиля, несмотря на поиски новых стиливых средств выражения в живописи.

Поиск себя в искусстве проходил по классическому пути образования. Первые художественные навыки Поворина получила в Санкт-Петербурге. Большое влияние на дальнейшее развитие художника оказала школа Шимона Холлоши (1857-1918; венгерский художник армянского происхождения, педагог). Согласно его учению: «...создание любого произведения искусства (графического или живописного) начинается с построения конструктивной основы изображения, вплоть до обозначения невидимых наблюдателю сторон модели.

Рассматривая влияние школ, стилей и направлений на становление творческой личности, можно отметить, что именно Парижская школа оказала огромное влияние на манеру письма Александры Андреевны Повориной-Алерс-Хестерман. Начиная с поклонения Сезанну, что, скорее, было протестом против немецкого экспрессионизма, художник-график видела развитие авангардистского движения в абстракции, но также очевидно, что ее работы смягчены славянскими воззрениями, заложенными в ее генетическом коде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой А.В. Художники русской эмиграции. — М: Искусство XXI век, 2005. — 382 с. — ISBN: 5-98051-017-2
2. Толстой А.В. Художники русской эмиграции, 2-е изд. — М: Искусство XXI век, 2017. — 384 с. — ISBN: 978-5-98051-165-4
3. Münster, A. "Kunst ist Spiel und tiefer Ernst": Die Imaginistin Alexandra Povòrina (1885–1963), Leben und Werk. Dissertation. — Deutschland, Gießen, 2004. —

- URL: <https://www.clio-online.de/webresource/id/webresource-15993> (дата обращения: 20.02.2020).
4. Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Искусство и архитектура русского зарубежья. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://artrz.ru/places/1804916409/1804785858.html> (дата обращения: 20.02.2020).
 5. Лейкинд О.Л.; Мохров Л.В.; Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья. Первая и вторая волна эмиграции: Биографический словарь: в двух томах. Т. 1. — СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2019. — 728 с.
 6. Лейкинд О.Л.; Мохров Л.В.; Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья. Первая и вторая волна эмиграции: Биографический словарь: в двух томах. Т. 2. — СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2019. — 852 с.
 7. Раев А. Религиозное (под)сознание русских художниц и зрителей. В поисках истоков феномена русской художницы // Амазонки авангарда. Под. ред. Г. Ф. Коваленко; Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры РФ. — М.: Наука, 2004. — С. 57-68.
 8. Филиппова М.В. Российская эмиграция в культурной жизни Германии в 1920-1933-х гг.: Живопись и театр. — Воронеж, 2001. — 223 с.
 9. Kegler D. Das Ethos der Russischen Pädagogik: Studien zum Erziehungsbegriff in Rußland seit Pirogov. — Deutschland, Sankt Augustin, 1991. — 200 S.
 10. Chadzis A. Die Malerin und Bildhauerin. Elena Luksch-Makowsky (1878-1967). Biografi und Werbeschreibung. — Deutschland, Hamburg, 2002. — 264 s.
 11. Althaus B. Poetik und Poesie des russischen Imaginismus. Anatolij B. Mariengof (Poetica). — Deutschland, Hamburg, 1998. — 221 S. — ISBN: 3860647717
 12. Katalog der Ausstellung im Museum Wiesbaden. Deutschland, Wiesbaden, 1997. — S. 35.
 13. Колчинский М. Художник и время. Kolchinskij M. Hudozhnik i vremya // Bei uns in Hamburg. Режим доступа: <http://beiunsinhamburg.de/2012/hudozhnik-i-vremya/> (дата обращения: 31.01.2020).
 14. Klee P. In der Maske des Mythos. Katalog der Ausstellung im Haus der Kunst. Deutschland, München, 1999. — S. 133. — ISBN: 3770152360

© Хлупнова Елена Валентиновна (elena.khlup@hotmail.de).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Российской академии художеств

ОСОБЕННОСТИ РЕФЛЕКСИВНОСТИ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

PECULIARITIES OF REFLEXIVITY AMONG BACHELOR'S DEGREE STUDENTS OF A PEDAGOGICAL SPECIALTY

M. Burykina

Summary: The article presents the results of the study of reflexivity of students of pedagogical profile. The obtained data are important for the organization of educational activities of students. Analysis and self-analysis of the manifestations and nature of students' reflexivity will have a positive impact on the quality of mastering professional skills.

Keywords: reflexivity, reflection, reflexivity by the criterion of orientation to the object, reflexivity by the criterion of temporal orientation, reflection by the criterion of orientation of consciousness.

Бурыкина Марина Юрьевна,

Д.псих.н., профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
tabur03@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования рефлексивности студентов педагогического профиля. Полученные данные имеют значение для организации учебной деятельности студентов. Анализ и самоанализ проявлений и характера рефлексивности студентов будет благоприятно сказываться на качестве освоения профессиональных умений.

Ключевые слова: рефлексивность, рефлексия, рефлексивность по критерию направленности на объект, рефлексивность по критерию временной направленности, рефлексия по критерию направленности сознания.

В основе новой парадигмы высшего образования лежит идея развития личности студентов и обучения их навыкам профессиональной мобильности и успешности в условиях быстро меняющегося рынка труда. Особую значимость приобретает рефлексивность, обеспечивающая студентам возможность осмысливать собственные действия, оценивать результаты, определять учебные цели и смысложизненные ориентации, корректировать свой образовательный путь.

Теоретико-методологическое основание исследования рефлексивности как процесса, состояния, свойства, качества личности составили дифференциальная модель рефлексии (Д.А. Леонтьев), позволяющая разграничить позитивные и негативные эффекты рефлексии; метакогнитивный подход к рассмотрению рефлексии (А.В. Карпов, В.В. Пономарева) как регулятора, позволяющего понять собственное состояние.

Рефлексивность студентов интересует многих исследователей (И.В. Абакумова, К.А. Бабианц, М.Е. Валиуллина, А.М. Двойнин, Г.И. Данилова, С.А. Дюпина, И.Н. Зиник, А.В. Карпов, О.В. Каратеев, А.В. Ляшук, Б. Мессер, С.А. Пеняева, Л.А. Рассудова и другие) в связи с различными аспектами их жизнедеятельности и личностными образованиями. В значительной части исследований представляются эмпирические характеристики студентов с разным уровнем рефлексивности. Остановимся на некоторых из них.

Высокорелексивных студентов характеризует, по мнению О.В. Каратеева, их объем и глубина саморас-

крытия, креативность, повышенная тревожность, дипломатичность, сила Я, самодостаточность, в общении – проницательность и рассудительность, вовлеченность в ситуацию общения [6]. А.В. Карпов выделяет когнитивную особенность высокорелексивных личностей. Принимая решения, они стремятся использовать как внешнюю, так и внутреннюю информацию, усложняют ситуацию выбора путем нахождения альтернативы, с которой трудно расстаться в отличие от низкорелексивных студентов [7]. И.Н. Зиник отмечает, что высокорелексивные студенты напористы в отстаивании собственных интересов. В межличностных отношениях чаще выстраивают доминирующее поведение и не используют стратегии подчинения. Однако, чем разнообразнее стили поведения, тем более социально адаптирован человек [5]. А.В. Ляшук представляет результаты, демонстрирующие то, что при высокой рефлексивности наблюдается безопасность от «ментальных вирусов», и в отличие от студентов со средним уровнем рефлексивности, наименьшая подверженность информационно-психологическому воздействию [10].

Г.С. Пенякова вслед за Б. Мессер указывает, что у высокорелексивных студентов обнаруживаются высокие показатели учебной успеваемости, Они более успешны в плане решения интеллектуальных задач [12]. Эти данные подтверждаются С.А. Дюпиной в том, что студенты, обладающие быстрыми/точными и рефлексивными когнитивными стилями, быстро перерабатывают усложненный учебный материал. При этом они обнаруживают быстрое включение операционных механизмов в процесс запоминания путем использования механизмов

схематизации и структурирования [3]. По мнению А.К. Самойличенко, А.А. Токмаковой эти студенты отличаются постоянством интересов, тщательностью подготовки учебных заданий [13].

А.И. Санников высокорефлексивных студентов описывает как задумывающихся над происходящим, над причинно-следственными связями относительно собственных действий и поступков других людей; планирующих свою деятельность; рассматривающих варианты решений. Они обладают способностью продумывать условия достижения цели, выстраивать адекватную программу действий, соответственную планам деятельности, анализировать свои поступки, психологической устойчивостью, эмоциональной выдержанностью, хорошей адаптированностью к социальной микросреде [14].

В то же время в исследовании А.И. Санникова показано, что люди с высоким уровнем рефлексивности в ситуации принятия решения не только способны четко и глубоко анализировать свои поступки, но и отличаются психологической устойчивостью, отсутствием тревожности, эмоциональной выдержанностью, хорошей адаптированностью к социальной микросреде [14].

Кроме того, существуют данные Прохорова А.О., Чернова А.В., свидетельствующие о том, что в напряженных ситуациях (в частности, в ситуации экзамена) низкорефлексивные индивиды склонны испытывать состояния высокой интенсивности – волнение и тревогу, а высокорефлексивные – эмоциональные состояния низкой интенсивности, такие как подавленность или грусть [11, 17]. Волканевский С.В. доказывает, что рефлексивность может рассматриваться как детерминанта синдрома «психического выгорания» личности [2].

Н.О. Амосова определяет рефлексивные механизмы сохранения психологического здоровья студентов разного возраста при конструктивной и неконструктивной рефлексии личности, позволяющей им положительно «самоизменяться», самостоятельно справляться с кризисной ситуацией благодаря конструктивной рефлексии, преобразующей себя. Однако «самокопание» в собственных проблемах способствует «застреванию» на кризисном состоянии, сопровождающееся уходом «в себя», от контакта с окружающим миром, депрессивными тенденциями, отказом от конструктивного разрешения кризиса. Высокая рефлексивность может иметь негативные черты, направленные на саморазрушение психического здоровья (неконструктивная рефлексия). По мнению В. Франкла «гиперрефлексия» сходна с гиперинтенцией в том, что порождает невроз [1].

Низкорефлексивные студенты отличаются эмоциональной сензитивностью, социальной смелостью, экстравертированностью, развитым самоконтролем,

чувствительностью в общении, смелостью и общительностью в сочетании со стремлением контролировать ситуацию общения. Эти характеристики по данным О.В. Каратеева способствуют самораскрытию, но страх перед его последствиями, сокращает проявления самораскрытия и увеличивает его глубину [6].

Низкорефлексивные студенты склонны к упрощению ситуации (А.В. Карпов), в конфликте они отличаются малой активностью и низкой кооперацией, занимают пассивную позицию (И.Н. Зиник). Импульсивные, медленно/неточного когнитивных стилей студенты медленно осваивают учебный усложненный материал, включают операционные механизмы запоминания, предпочитают группировать, перекодировать и достраивать предложенную информацию (С.А. Дюпина).

Рассматривая рефлексивность как регулятор учебно-познавательной и когнитивно-мотивационной сферы деятельности, А.К. Самойличенко, А.А. Токмакова отмечают, что низкорефлексивные студенты, склонные к импульсивным действиям, часто принимают необдуманные решения, меняют цели, интересы. Они стремятся к получению быстрого результата, нуждаются во внешнем контроле, так как обладают слабостью самоконтроля, что является предикторами низкого уровня академической успеваемости [13].

По данным А.И. Санникова импульсивные студенты с трудом справляются с задачами на решение проблем без указания альтернативных ответов. Лица с низким уровнем рефлексивности характеризуются автором как уверенные в себе, независимые в поведении, но подверженные совершению неосторожных, необдуманных поступков, как неуравновешенные. При принятии решений, в жестких временных ограничениях, они могут проявлять импульсивные действия, менять настроение и выражать спонтанную агрессию [14].

У низкорефлексивных студентов, отмечает Н.О. Амосова, наблюдается непродуктивное протекание личностной рефлексии в связи с отсутствием схемы процедуры, программы, алгоритма ориентировочной основы рефлексивной деятельности, порядка выполнения мыслительных операций [1].

О.В. Филатова рассматривает рефлексивность как детерминанту деятельности исполнительского типа. Автор доказательно показывает, что между уровнем рефлексивности и эффективности деятельности исполнительского типа существует устойчивая закономерная связь. В группе низкорефлексивных исполнителей отмечаются низкие показатели эффективности деятельности. При повышенной степени рефлексивности исполнители предпочитают более мягкие стили управления [16].

В ряде исследований показано, что повышенная тревожность выступает как одна из базовых характеристик высокорефлексивной личности. По данным М.В. Семениной, высокая личностная тревожность характерна как для мужчин, так и для женщин, имеющих высокий уровень рефлексии. При этом нерефлексивные личности, независимо от пола, а также мужчины со средним – оптимальным уровнем рефлексии имеют умеренную тревожность [15].

В исследовании Н.М. Голубевой рефлексия рассматривается исходным инструментом изменения личности, путем связывания мышления с реальностью, тем самым детерминируя адаптационные феномены. Свое внимание автор концентрирует на адаптивной и дезадаптивной функциях рефлексии. Рефлексия способствует психологической адаптированности студентов, необходимой для оперативного реагирования на изменения ситуации, для осознания стабильности и четкости рефлексивных образов. Побуждение к рефлексии извне тормозит адаптационный процесс из-за избыточной насыщенности рефлексивных образов. Недостаточно высокий уровень владения студентами адаптивными формами рефлексии требует обучения использованию рефлексивных приемов и навыков в субъективно новых и трудных ситуациях [4].

Рефлексивность развивается (Ю.В. Громыко, В.В. Давыдов, А.В. Карпов, Н.Л. Романенко, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, П.Г. Щедровицкий и другие) при наличии ситуации группового диалогового взаимодействия; проблемности задач; актуализирующих мотивацию взаимодействия; преодоления трудностей; достижения успеха; самоопределения и саморазвития.

Таким образом, в значительной части научных исследований представляются эмпирические характеристики студентов с разным уровнем рефлексивности. Рефлексивность рассматривается в связи с самопознанием, представлениями о себе как о субъекте своей будущей профессии, системой ценностей, половой дифференциацией, уровнем образования, успешностью обучения и решением интеллектуальных задач, успеваемостью, самораскрытием, когнитивными особенностями, характером межличностных отношений, подверженностью информационно-психологическому воздействию, адаптированностью к социальной среде, способностью принимать решение, психологическим здоровьем и другим.

Мы предположили, что к особенностям рефлексивности студентов педагогического профиля относятся наиболее выраженные временные виды рефлексивности, а также у низко- и высокотренированных студентов существуют значительные различия в латентной структуре рефлексивности.

За рабочее определение рефлексивности мы приняли точку зрения А.В. Карпова, Д.А. Леонтьева, представивших рефлексивность как личностное образование, свойство сознания, результат осмысления своей жизнедеятельности. «Рефлексия - способность человека произвольно обращать сознание на самого себя». «Рефлексивность - качественно особое свойство индивида, обеспечивающее осознание чего-либо и репрезентацию психике своего собственного содержания». Рефлексивность как модус рефлексии имеет степень выраженности и включенности субъекта в деятельность, объединяет коммуникативные, когнитивные и регулятивные процессы.

А.В. Карпов выделяет два вида рефлексивности по критерию направленности на объект и три вида рефлексивности по критерию временной направленности. По критерию направленности на объект выделены А.В. Карповым следующие виды рефлексии. «Интрапсихологическая рефлексия как способность к самовосприятию содержания своей собственной психики и его анализу, а также к анализу собственной деятельности. Интерпсихическая рефлексия – это способность к пониманию психики других людей, а также анализу общения, которая наряду с рефлексивностью как умением «встать на место другого» включает механизмы проекции, идентификации, эмпатии» [7].

По критерию временной направленности А.В. Карпов выделяет ситуативную, ретроспективную, перспективную рефлексии. К функции ситуативной рефлексии автор относит обеспечение самоконтроля за поведением человека в значимой ситуации, анализ происходящего в данный момент, соотнесение своих действий с конкретной ситуацией, их координации с изменяющимися условиями и собственным состоянием.

Ретроспективная рефлексия отражается в склонности к анализу реализованной в прошлом деятельности и свершившихся событий. Проявляется такая рефлексия в предикторах, мотивах произошедшего; содержание исполненного поведения, его результаты, последствия ошибки. Важным показателем ретроспективной рефлексии является частота и длительность протекания анализа и оценивания произошедших событий или наличие склонности к анализу прошлого и себя в нем. Перспективная рефлексия (рассмотрение будущей деятельности) выполняет функцию анализа предстоящей деятельности и поведения, планирования, прогнозирования возможных исходов. К поведенческим характеристикам перспективной рефлексии относятся: тщательность планирования деталей своего поведения, частота направленности к будущим событиям, ориентация на них.

Д.А. Леонтьев и Е.Н. Осин выделяют четыре вида рефлексии по критерию направленности сознания:

«арефлексия (полное отсутствие самоконтроля, сосредоточенность на внешнем интенциональном объекте деятельности)»; «интроспекция (самокопание) - сосредоточенность на собственном состоянии, собственных переживаниях»; «системная рефлексия – способность к самодистанцированию и взгляду на себя со стороны, позволяющая охватить одновременно полюс субъекта и полюс объекта»; «квазирефлексия – сосредоточенность на объекте, который не имеет отношения к актуальной жизненной ситуации, связанная с отрывом от актуальной ситуации бытия в мире» [9].

Эти типы рефлексии, как уточняет В.А. Чернов взаимосвязаны и взаимодополняют ее компоненты в структуре рефлексивности как личностного свойства. В зависимости от выраженности того или иного компонента можно говорить о преимущественной временной и объектной направленности рефлексивных процессов (на прошлое – настоящее – будущее, на себя – деятельность – общение), а с другой стороны, - о качестве этих процессов, и соответственно, - о положительной или отрицательной роли рефлексивности в деятельности и взаимодействиях [17].

В исследовании особенностей рефлексивности студентов принимали участие 92 респондента: студентки дневной формы обучения (бакалавриат, педагогический профиль), обучающиеся в ФГБОУ «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». Средний возраст 19,5 лет, минимальный -17 лет, максимальный - 22 года.

Для реализации поставленных задач нами использованы следующие тестовые методы диагностического исследования рефлексивности студентов, апробированные в отечественной и зарубежной психологической практике: «Методика определения уровня рефлексивности» (А.В. Карпов, В.В. Пономарева); «Дифференциальный тип рефлексии» (Д.А. Леонтьев, Е.М. Лаптева, Е.Н.

Осин, А.Ж. Салихова).

Валидизация данных методов представлена авторами в публикациях и включением их в различные диссертационные исследования. Такое количество методик нам необходимо для описания разных показателей тревожности и рефлексивности, получения надежных и достоверных результатов.

Мы вычислили базовые количественные показатели рефлексивности по ее видам и уровню в целой выборке (табл. 1).

Среднее значение интегрального показателя рефлексивности указывает на средний уровень рефлексивности у участников исследования и составляет 4 и 6 стенов, минимальное значение - 1 стенов, максимальное – 8 стенов, медиана - 4 стенов. Среди видов рефлексивности наиболее высокие значения отмечены по шкале «Рассмотрение будущей деятельности» с медианой 40 баллов, что выше среднего значения. По этой шкале данные имеют наибольший разброс (мин -19, макс-51) и наибольшее стандартное отклонение 7.1.

Полученные средние значения по шкалам «ретроспективная рефлексивность деятельности», рефлексивность настоящей деятельности», «рефлексивность общения и взаимодействия с другими людьми» указывают на умеренную выраженность этих видов рефлексивности в целой выборке.

Обращает на себя внимание шкала «системной рефлексии» со средними значениями 36.5 и стандартным отклонением 5,3, что выше результатов, полученных по шкалам «интроспекция» (25,4) со стандартным отклонением 4,6; «квазирефлексия» (26,5) со стандартным отклонением 4,7. Разброс данных вокруг средней по двум последним шкалам имеет примерно равные значения, они менее разбросаны относительно среднего значе-

Таблица 1

Статистические показатели рефлексивности у студентов педагогического профиля (по всей выборке)

Шкалы	Ср	Медиана	Мин	Макс	Ст. откл
Интегральный показатель рефлексивности	4,6	4	1	8	1,8
Ретроспективная рефлексия деятельности	35,5	36	22	47	5,8
Рефлексия настоящей деятельности	35,6	35,5	23	49	5,8
Рассмотрение будущей деятельности	39,1	40	19	55	7,1
Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми	35,8	36	26	47	4,8
Системная рефлексия	36,5	37	23	45	5,3
Интроспекция	25,4	25	15	35	4,6
Квазирефлексия	26,5	26	12	36	4,7

ния в отличие от данных по шкале «системной рефлексии». Так, среди студентов есть участники исследования с очень высокими показателями системной рефлексии (45) относительно среднего.

Мы проанализировали результаты изучения уровня рефлексивности обучающихся с первого по четвертый курсы и сравнили данные с тестовыми нормами (табл.2). Полученные данные указывают на то, что низкий уровень рефлексивности отмечается у студентов первого курса (43%), также как и у студентов третьего курса. На втором и четвертом курсах возрастает количество студентов с умеренным уровнем рефлексии. При этом у части студентов четвертого курса (19%) рефлексивность достигает высокого уровня.

Интегральный показатель рефлексивности более высокий у студентов четвертого курса (5,9). Исходя из тестовой нормы, эти обучающиеся склонны к анализу собственной деятельности и действий других людей. Они часто устанавливают причинно-следственные связи действий во временном отношении (прошлое, настоящее и будущее), Им свойственно обдумывание деталей деятельности, ее планирование и прогнозирование результатов. Выпускники чаще, чем студенты первых курсов могут понять и поставить себя на его место, предугадать его поведение.

Студенты первого курса менее всего способны к рефлексированию своих действий и поступков (низкие значения интегрального показателя рефлексивности). В сравнении с тестовой нормой (менее 4 стенов) они в меньшей степени задумываются над собственной деятельностью, ее деталями, могут поставить себя на место другого человека.

Наибольшие значения фиксируются по шкалам «Ретроспективная рефлексия деятельности» (39,9), «Рефлек-

сия настоящей деятельности» (41,9) у студентов четвертого курса. Для них характерно стремление к анализу прошлого опыта деятельности и состоявшихся событий, мотивов, причин, содержания, результатов прошлого поведения. Важное место в таком анализе занимают совершенные ошибки. Наблюдается тенденция к осмыслению собственного поведения в настоящем, самоконтролю деятельности.

Преобладающий вид рефлексии «Рассмотрение будущей деятельности» у студентов второго (39,6), третьего (38,4), четвертого курсов (38,6) указывает на важность рассуждений о будущей деятельности, о ходе ее выполнения, планирования, о выборе способов выполнения, о прогнозировании исходов.

Данные, полученные по шкалам «Рефлексия настоящей деятельности», «Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми», указывают на умеренный уровень выраженности рефлексии этих видов у студентов-девушек, обучающихся по педагогическому профилю по всем курсам, кроме четвертого (описано выше). Можно предположить, что у студентов четвертого курса в ходе обучения сформированы умения осмысления и анализ происходящего, способность к проектированию, кооперации, координированности взаимодействия участников деятельности на достаточно высоком уровне.

Системная рефлексия ярко представлена у студентов первого (39,0), второго (38,4) и четвертого (38,6) курсов и менее всего – третьего (30,9) и более всего выражена у обучающихся первого курса. Они склонны анализировать происходящее, разворачивать процесс принятия решения, в их поведение ярко проявляется склонность к самоанализу в конкретных жизненных ситуациях. Интроспекция и квазирефлексия не характерны для студентов данной выборки и показатели по этим шкалам отличаются низкими значениями.

Таблица 2

Выраженность видов рефлексии у студентов разных курсов (в баллах)

Вид Рефлексии	Среднее значение рефлексии по курсам			
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс
Интегральный показатель рефлексивности	3,5	4,8	3,9	5,9
Ретроспективная рефлексия деятельности	33,3	36,4	32,5	39,9
Рефлексия настоящей деятельности	35,8	35,6	32,9	38,4
Рассмотрение будущей деятельности	35,2	39,6	39,1	41,9
Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми	35,9	36,4	33,5	37,4
Системная рефлексия	39,0	38,4	30,9	38,6
Интроспекция	25,7	23,7	24,2	27,8
Квазирефлексия	25,1	27,4	24,9	28,4

Проверим достоверность различий в проявлениях разных видов рефлексии у студентов 1-4 курсов, используя U-критерий Манна-Уитни (табл. 3).

На основе анализа данных таблицы 3 можем выделить значимые различия в уровне рефлексивности у студентов.

Студентов первого курса характеризует значимо отличный от третьего курса (0,001) высокий уровень системной рефлексии. И наименее выраженные показатели по интегральному показателю (в сравнении со вторым (0,018) и четвертым курсом (0,001)), по ретроспективной рефлексией деятельности (значимо отличны от показателей четвертого курса (0,001)), рефлексии будущей деятельности (выражены различия с третьим (0,043) и четвертым курсом (0,013)).

Обучающиеся второго курса демонстрируют наименьшие показатели по уровню рефлексивности (0,026 - с третьим курсом, 0,035- с четвертым), ретроспективной рефлексией деятельности (0,011- с третьим курсом, 0,005- с четвертым), интроспекции (в сравнении с четвертым курсом (0,003)), системной рефлексии (0,001), рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми (0,027) (отличные данные от третьего курса).

У студентов третьего курса значимые наименьшие значения в сравнении четвертым курсом, за исключением данных по шкале рефлексии будущей деятельности (нет различия).

На четвертом, завершающем, курсе для студентов характерно достоверные различия высоких значения в сравнении с третьим курсом во всем шкалам (кроме рефлексии будущей деятельности), с первым и вторым

курсом – по уровню рефлексивности, ретроспективной рефлексии деятельности, с первым курсом - по рассмотрению будущей деятельности, со вторым курсом – по интроспекции.

У студентов первого и третьего курсов рефлексивность находится на низком уровне. Студенты первого курса менее всего способны к рефлексированию своих действий и поступков (низкие значения интегрального показателя рефлексивности). На втором и четвертом курсах возрастает количество студентов с умеренным уровнем рефлексии. Интегральный показатель рефлексивности более высокий у студентов четвертого курса. У студентов четвертого курса наибольшие значения фиксируются по шкалам «Ретроспективная рефлексия деятельности», «Рефлексия настоящей деятельности», «Рассмотрение будущей деятельности» У студентов второго, третьего курсов преобладает рассмотрение будущей деятельности, что указывает на важность рассуждений о будущей деятельности, о ходе ее выполнения, планирования, о выборе способов выполнения, о прогнозировании исходов. Интроспекция и квазирефлексия не характерны для студентов данной выборки и показатели по этим шкалам отличаются низкими значениями. Обучающиеся второго курса демонстрируют наименьшие показатели по уровню рефлексивности, ретроспективной рефлексией деятельности, интроспекции, системной рефлексии, рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми.

Таким образом, полученные эмпирические данные указывают у студентов-девушек, обучающихся по педагогическому профилю наиболее выражены рефлексивность, направленные на прошлое и будущее. Анализ происходящего в данный момент, соотнесение своих действий с конкретной ситуацией, их координации с из-

Таблица 3

Различия показателей рефлексии у студентов разных курсов по U-критерию Манна-Уитни (p)

Курсы	Вид рефлексии	Ур	РРД	РНД	РБД	РО	СР	И	К
Первый/ второй		0,018	0,082	0,820	0,068	0,930	0,432	0,106	0,124
Первый/ третий		0,399	0,637	0,079	0,043	0,139	0,001	0,367	0,864
Первый/ четвертый		0,001	0,001	0,164	0,013	0,615	0,615	0,147	0,057
Второй/ третий		0,026	0,011	0,090	0,622	0,027	0,001	0,524	0,065
Второй/ четвертый		0,035	0,005	0,167	0,321	0,591	0,545	0,003	0,331
Третий/ четвертый		0,001	0,001	0,001	0,145	0,003	0,001	0,013	0,009

УР- уровень рефлексивности
 РРД - Ретроспективная рефлексия деятельности
 РНД - Рефлексия настоящей деятельности
 РБД - Рассмотрение будущей деятельности

РО - Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми
 СР - Системная рефлексия
 И- Интроспекция
 К - Квазирефлексия

меняющимися условиями и собственным состоянием затруднен у будущих педагогов. Менее всего способны к рефлексированию своих действий и поступков студенты первого и третьего курсов. Однако обучающиеся первого курса вполне способны к анализу происходящего, разворачиванию процесс принятия решения, в их поведение ярко проявляется склонность к самоанализу в

конкретных жизненных ситуациях. Студенты выпускных курсов более всего склонны к анализу собственной деятельности и действий других людей. Развитие оптимального уровня рефлексии временной направленности и системной рефлексии, направленной на сознание, будет способствовать формированию адекватного восприятия человеком ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н.О. Рефлексивные механизмы сохранения психологического здоровья в студенческом возрасте // Педагогика и психология. Теория и методика обучения. С. 241-244. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksivnye-mehanizmy-sohraneniya-psihologicheskogo-zdorovya-v-studencheskom-vozzraste> (дата обращения 07.08.2019).
2. Волканевский С.В. Рефлексивность как детерминанта синдрома «психического выгорания» личности: Автореф. дис. . . . канд. психол. наук. Ярославль, 2010. 26 с.
3. Дюпина С.А. Различия в запоминании бессмысленного материала при расщеплении полюсов когнитивного стиля «импульсивность/рефлексивность». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichiya-v-zapominanii-bessmyslennogo-materiala-studentami-pri-rasschepleni-polyusov-kognitivnogo-stilya-impulsivnost> (дата обращения 11.08.2019).
4. Голубева Н.М. Особенности рефлексии в психологической адаптации студентов к образовательной среде организации высшего образования: Автореф. канд. . . дис. психол. наук. Саратов, 2018. С.18.
5. Зинник И.Н. Особенности структур интегральной индивидуальности студентов с различным уровнем развития рефлексивности // Вестник Ставропольского государственного университета Психологические науки. №54. 2008. С.59.
6. Каратеев О.В. Исследование параметров объема и глубины самораскрытия у студентов с низким и высоким уровнем развития рефлексивности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-parametrov-obema-i-glubiny-samoraskrytiya-u-studentov-s-nizkim-i-vysokim-urovнем-razvitiya-refleksivnosti> (дата обращения 06.07.2019)
7. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов в деятельности. – М.: ИП РАН, 2004. С.362.
8. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология рефлексии/ Институт психологии РАН. Москва. Ярославль, 2001. 203 с.
9. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. №4. С. 110-135.
10. Ляшук А.В. Оценка информационно-психологического воздействия на студентов с различным уровнем рефлексивности // Известия ЮФУ. Технические науки. С.128. URL: <https://socio.net.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:6258:5837124> (дата обращения 07.09.2019)
11. Прохоров А.О., Чернов А.В. Влияние рефлексии на психические состояния студентов в процессе учебной деятельности // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 2. С. 82-93
12. Пьянкова Г.С. Рефлексия в структуре интернальной индивидуальности профессионала. Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. №6 Красноярск, 2010. С.70.
13. Самойличенко А.К., Токмакова А.А. Рефлексивность как психологический ресурс успешного обучения студентов ВПО (на примере студентов экономического профиля) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4(21). С. 374.
14. Санников А.И. Рефлексивность личности, принимающей решения // Universum: Психология и образование: электрон. научн. журн. 2014. № 11(10). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/1712> (дата обращения 11.10.2019).
15. Семенихина М.В. Психологические особенности рефлексии у мужчин и женщин // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2008. № 3. С. 63-79.
16. Филатова О.В. Рефлексивность как детерминанта деятельности исполнительского типа: Автореф. канд. . . дис. психол. наук. Ярославль, 2003. С.17.
17. Чернов А.В. Особенности взаимосвязи рефлексии и индивидуально-психологических особенностей личности студентов-психологов. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F690199160/Psihologiya.i.sovremennyj.mir.2012.pdf. (дата обращения 17.12.2019)

© Бурькина Марина Юрьевна (mabur03@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАВМАТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РОССИИ КАК ИСТОЧНИК СОЗАВИСИМЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ

Глебова Александра Валерьевна

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
AlexZukova@gmail.com

RUSSIA'S TRAUMATIC PAST AS A SOURCE OF CODEPENDENT RELATIONSHIPS IN FAMILIES

A. Glebova

Summary: This article presents a psychological analysis with elements of a cultural and historical review of the origins of codependent relationships that are common in Russia and the former Soviet Union. The author describes the process of forming the most common personal characteristics of participants in such relationships. The mechanisms of identification with the aggressor, which contribute to the acceptance of the features of the person who showed aggression against him, are considered. The article also focuses on the processes of maintaining the existence of family myth and codependency: manipulation, violation of psychological «borders» and establishment of control. In conclusion are given some examples of how the manipulations practiced by parents today may have made reasonable sense in the past.

Keywords: emotional violence, borderline personality disorder, narcissistic personality disorder, internal emptiness, devaluation, manipulation, family myth.

Аннотация: В данной статье представлен психологический анализ с элементами культурно-исторического обзора истоков возникновения созависимых отношений, распространенных на территории России и бывшего СССР. Автором описан процесс формирования наиболее часто встречающихся личностных особенностей участников таких отношений. Рассмотрены механизмы идентификации с агрессором, способствующие принятию человеком на себя черт того, кто проявлял в отношении него агрессию. Также в статье уделено внимание процессам поддержания существования семейного мифа и созависимости: манипуляциям, нарушению психологических «границ», установлению контроля. В заключение приведены примеры того, какой в прошлом разумный смысл, возможно, имели манипуляции, практикуемые родителями сегодня.

Ключевые слова: эмоциональное насилие, пограничное расстройство личности, нарциссическое расстройство личности, внутренняя пустота, обесценивание, манипуляция, семейный миф.

В двадцатом веке история России изобиловала событиями, травмировавшими психику населения. Основная их масса пришлась на первую половину столетия. Это войны, революция, голод, репрессии, доноительство, сталинские лагеря. После смерти Сталина жизнь в стране была уже более спокойной, чем при его правлении, но психика людей инертна и долго хранит следы травматизации. Человек, переживший травму, привносит «нечто» в свою семейную систему, что незримо влияет на ее жизнедеятельность [10]. Влияние происходит подспудно, никто не имеет осознанной цели ухудшить психическое здоровье или качество жизни своих близких. В семье практикуется особый стиль воспитания, когда любовь тесно связана с психологическим насилием, а порой и с физическим. То, что передается ребенку во взаимодействии мать-ребенок – это аффективные и когнитивные отклики прошлого поколения на травму...» [2].

Обратимся к прошлому нашей страны. В 1929-1953 годы у советского народа были, если употребить метафору, Сталин-Отец и Родина-Мать. Действительно, в пропаганде тех времен Родина часто называлась матерью. А с 1936 г. образ «Отца народов» применялся советской публицистикой к И. В. Сталину и ассоциировался с его именем. Пропагандистская машина очень эффективно сра-

батывала на детях [6]. Многие дети в Советском Союзе любили Сталина и смотрели на него как на фигуру отца, иногда даже путали метафоричное значение «отца» с буквальным значением [6]. Этот символизм в именах как бы дает нам подсказку, где искать истоки формирования столь распространенных личностных черт на территории бывшего СССР. Как на ребенка влияют родители, так, возможно, И.В. Сталин и советская власть, повлияли на характеры людей. Сначала это допущение кажется довольно абсурдным. Но, все же, стоит разобраться в деталях более подробно и проанализировать «поведение» страны и ее самого жесткого и дольше всех пребывавшего у власти правителя XX века И.В. Сталина.

Оба, если так можно выразиться, «родителя» советского народа страдали расстройствами личности регистра В по DSM IV. Сталин был ярко выраженным «нарциссом» с жестокостью, величием, отсутствием эмпатии. Подробно психоанализ его личности можно прочитать в книге Даниэля Ранкур-Лаферриер «Психика Сталина» [6]. А Родина вела себя в отношении народа, как мать с пограничным расстройством личности (далее ПРЛ): она была непредсказуемой, то любящей, вознаграждающей и защищающей, то покидающей, карающей и смертельно опасной. Подтверждение этой точки зрения можно найти в статьях исследователей [9], [12]. Авторы англоязы-

зычной статьи «Пограничная личность России» [12] подробно анализируют «поведение» Советского Союза, а затем и России на международной политической арене и находят колоссальное сходство между страной и человеком, страдающим ПРЛ. В числе многих аргументов они приводят такие: Советский Союз и Россия строят свою самооценку на основе реакций других, например, оценивает, бояться ее или нет [12]. Другая роль СССР и России, также распространенная среди людей с ПРЛ - это роль зрителя. Эта, вроде бы, позитивная роль усиливает чувство контроля и уменьшает чувство внутренней пустоты. [12]. Страна, как и человек с ПРЛ склонна к самоповреждению, порой граничащему с самоуничтожением [12]. Ей свойственна нестабильность относительно границ, а также черно-белое мышление, когда вчерашний друг сегодня становится врагом. СССР относился к Америке как к врагу, в начале 90-х Россия ею восхищалась и с ней дружила, а сегодня Америка снова недруг. Психолог А. Терентьева в статье «Пограничная страна» [9] приводит подробнейший сравнительный анализ того, как обращалась советская власть с народом и того, как мать, страдающая ПРЛ, обращается с детьми.

Найти примеры взаимодействия власти и народа можно в советской литературе. Например, Писатель Га-

лина Николаева в повести «Битва в пути» ярко иллюстрирует «пограничное» отношение аппарата управления к народу. Отец главной героини Тины был военным, которого власть сначала одарила наградами и почестями, поселила с семьей в отличную просторную квартиру, а потом лишила всего, даже жизни. Действия власти логическому анализу не поддаются. Наказание неотвратимо, и абсолютно не важно, справедливое оно или нет.

Рассмотрим теперь влияние И.В. Сталина на страну. Психолог Даниэль Ранкур-Лаферриер в книге «Психика Сталина» [6] рассматривает за счет каких психологических механизмов происходил перенос примитивных влечений, интересов, личностных амбиций Сталина на советское общество, как этот процесс наложил неизгладимый отпечаток на социально-психологическое, экономическое, политическое и культурное развитие страны. Автор обращается к рассмотрению детско-родительских взаимоотношений в семье, где рос Сталин, он стремится анализировать бессознательное, а не только агрессию и авторитаризм диктатора. В таблице 2 приведены выявленные Даниэлем Ранкур-Лаферриер особенности Сталина и для сравнения черты, характерные для нарциссического расстройства личности.

Таблица 1

Сравнение проявлений черт пограничного расстройства у аппарата управления СССР сталинской эпохи и у матери с ПРЛ

СССР и Россия	МАТЬ с пограничным расстройством личности
<ul style="list-style-type: none"> - Создает ощущение неуверенности в завтрашнем дне и страх оказаться «не тем, кем надо» - Временами действует как «абсолютно плохая мать» - «Границы» личности насильственно стерли коммуналками - Идеология абсолютного приоритета общественного над частным. Обесценивание личности - Непредсказуемые действия аппарата управления СССР невозможно просчитать логически - Склонность к саморазрушению в итоге со временем привела к распаду - Всомогущественный аппарат управления, дающий неизбежное наказание (заслуженное или нет - не важно) - Полная зависимость граждан от власти - Репрессии укрепляли у населения осознание собственной беззащитности и беспомощности - Огромная разница между идеологией власти, провозглашаемыми ею лозунгами и реальностью. Из-за этого у населения защита - расщепление реальности - Существование в условиях гипер-контроля порождало естественную агрессию у населения, которую было опасно проявлять, она смещалась, проявлялась в бытовых ссорах, на тех, кто рядом - Параноидальная идея о том, что враги везде и всюду 	<ul style="list-style-type: none"> - Она то «любящая мать», то «абсолютно плохая мать», постоянно создающая ребенку угрозу быть покинутым - Создает своим поведением (взбалмошностью, непредсказуемостью) у ребенка нестабильное представление о мире - Неадекватный гнев, ярость, трудно контролировать гнев (пограничное «недержание аффекта») - Нарушения межличностных отношений, черно-белое восприятие: то идеализация человека или предмета, то его мгновенное и сильное обесценивание - Импульсивное поведение в опасных для здоровья и жизни областях (курение, булимия, алкоголь и т.д.) - Суицидальное поведение, саморазрушающее поведение (не ходит к врачам, не заботится о себе) - Нестабильность эмоций, аффекты из-за повышенной реактивности настроения - Применение физической силы в гневе или при раздражении; - Стремится контролировать ребенка и поддерживать его зависимость, склонна к манипуляции - Не уважает границы ребенка Его желание уединиться или дистанцироваться = саботаж - Связанные со стрессом параноидальные идеи, диссоциация, кратковременные психотические эпизоды

Рассмотрим теперь влияние И.В. Сталина на страну. Психолог Даниэль Ранкур-Лаферриер в книге «Психика Сталина» [6] рассматривает за счет каких психологических механизмов происходил перенос примитивных влечений, интересов, личностных амбиций Сталина на советское общество, как этот процесс наложил неизгладимый отпечаток на социально-психологическое, экономическое, политическое и культурное развитие страны. Автор обращается к рассмотрению детско-родительских взаимоотношений в семье, где рос Сталин, он стремится анализировать бессознательное, а не только агрессию и авторитаризм диктатора. В таблице 2 приведены выявленные Даниэлем Ранкур-Лаферриер особенности Сталина и для сравнения черты, характерные для нарциссического расстройства личности.

Агрессия власти и правителя усваивалась людьми, которые подвергались огромным стрессам, психологической травматизации. От власти исходила реальная и неотвратимая угроза. Когда человек находится перед лицом неизбежной опасности, он «идентифицируется с агрессором». Впервые термин «идентификация с агрессором» ввел Ш. Ференци в 1933 году. Это тактика тех, кто находится в полной зависимости от агрессора, в состоянии безвыходности. «Идентификация с агрессором» позволяла людям адаптироваться и выжить в ситуации угнетения. Это реакция на сильную угрозу безопасности, от которой никуда не возможно деться и от которой никто не спасет.

Механизм «идентификации с агрессором» действует так: человек сливается с ситуацией, как бы становясь объектом, внушающим ему страх. Анна Фрейд (1936г) пишет, что субъект, идентифицируясь с агрессором, подражает его моральному и физическому облику, ассимилируется с ним и как бы приписывает акт агрессии самому себе. Далее субъект агрессии проецирует агрессию на третьих лиц, на них нападает, им угрожает. В 1922-1953 годах в СССР агрессором выступала власть. Субъектом агрессии было население. Агрессия взрослых смещалась на равных или на более слабых, то есть на соседей, на сослуживцев, на пассажиров в общественном транспорте и на детей, т.к. в отношении власти ее проявлять было опасно, в том числе, и для жизни.

Агрессия «по эстафете» вылилась на детей во многих семьях. Возможно, это и явилось неким «отправным пунктом» формирования НРЛ и ПРЛ уже не у стандартных 3-5% населения, а приобрело характер эпидемии. Вследствие травмы, нанесенной в раннем детстве родителями, пострадавшими от агрессии власти, у детей формировалось ПРЛ и НРЛ. У «пограничников» более сложный механизм «идентификации с агрессором» - это обращение агрессии на себя за счёт чувства вины и расщепления (мать абсолютно хороша, а все ее плохие качества на самом деле принадлежат ему). У «нарциссов» - примитивное отождествление с самой агрессией, стыд, превентивная атака окружающих, чтобы избежать унижения. Став взрослыми, и те, и другие, стали использовать собственных детей для удовлетворения своих

Таблица 2

Сравнение черт проявлений нарциссического расстройства личности у Сталина и у родителя с нарциссическим расстройством личности

«Отец» Сталин	Родитель с нарциссическим расстройством личности
<ul style="list-style-type: none"> - Жажда власти и контроля - Мстительность - Наличие идеализированного образа себя - Жестокое обращение с детьми (Сталин бил своих детей) - Чувствовал себя беспредельно великим (нарциссический культ личности) - Отождествлял себя со своим агрессивным отцом (имеет место примитивное отождествление - агрессия повернута не на себя, а вовне) - Громадное чувство неполноценности и постоянное стремление его избежать с помощью отождествления с агрессором - Нет сострадания (Сталин отождествлял себя со своими жертвами только для того, чтобы отвергнуть это отождествление) - Женоненавистничество - Проекция, чрезмерная компенсация, отрицание и рационализация (это защиты, чтобы справиться с чувством неполноценности) - Ненависть к самому себе, в защитных целях направленная вовне 	<ul style="list-style-type: none"> - Живет фантазиями о безграничному спехе, власти, гениальности, красоте, «настоящей любви» - Ощущает себя грандиозным, самым важным Уверен в собственной исключительности. Ожидает к себе особого отношения. Уверен, что его понять могут только «избранные» - Физическая агрессия в отношении ребенка - Требуется преувеличенного восхищения и внимания - Требуется от других признания его исключительности (не предоставляя никаких доказательств своих заслуг) - Требуется непрекословного и полного подчинения себе - Использует других как инструменты для достижения своих целей - Не имеет эмпатии, не понимает потребностей и переживаний ребенка - Завистлив. Уверен, что окружающие завидуют ему - Наглое, высокомерное отношение к тем, кто слабее или зависим - Любое несогласие с ним зависимого/слабого и отказ удовлетворить его требования вызывают неконтролируемую агрессию - Контролирует детей, формирует созависимость, которую потом использует пожизненно, чтобы держать уже взрослого ребенка вблизи себя

эмоциональных нужд, т.е. для разрядки копившейся годами агрессии на родителей, которую в детстве проявлять было крайне опасно. Так обеспечилась преемственность поколений. Подтверждает, то, что расстройства личности во многом передаются при воспитании детей и исследование американских психологов Д. Нэльсон, С. Койн, С. Свэнсон, проведенное в России с 1994 по 2013 год. Предикторы возникновения ПРЛ были обнаружены в манипулятивном, абьюзивном и агрессивном обращении родителей с детьми [13].

Великая Отечественная Война, пришедшая на период сталинского правления, помимо того, что унесла огромное количество жизней и многих сделала инвалидами, оставила след в психике людей в виде ПТСР (посттравматического стрессового расстройства) и к-ПТСР (комплексного посттравматического стрессового расстройства). У людей с к-ПТСР и ПТСР есть в памяти образ «надежного родителя», безусловной любви, чего нет у «пограничника» и у «нарцисса» [4], но их поведение похоже в том, что они травмируют своих собственных детей практически в той же мере.

Абьюзивная «семейная культура», возникнув в тяжелый для страны период, продолжает жить дальше. Растопанные ранее чувство собственного достоинства и личностные границы жителей страны продолжают быть помятыми в стенах «хрущевки». Это уже не пространство коммуналок, где соседка тайком читала чужие письма, прокравшись в комнату. Это отдельная малогабаритная, плотно населенная одной семьей квартира, где мать может читать личный дневник сына, решать, что ему одевать на его же свадьбу, каких гостей туда позвать, кому быть свидетелями. Позднее, с улучшением уровня жизни населения, это трансформировалось, например, в проверки, как живут взрослые дети отдельно. Матери, имеющие ключи от квартир взрослых детей и тайком приезжающие в эти квартиры, когда дети на работе, встречаются и сегодня. Суть поведения, нарушающего «границы», осталась та же, лишь форма изменилась.

При правлении Сталина были люди, которые продолжали дело морально искалечившей их страны, но в собственных семьях и над тем, кто слаб и зависим. У них возникло погранично-нарциссическое желание «поглотить» своих детей, удерживать над ними контроль и нарушать их «границы» [3]. То, что и по сей день дефицит ресурса жилья часто вынуждает взрослых детей с их семьями жить у их собственных родителей, часто способствует этому процессу. Уклад «охраняется» регулярным нарушением границ - манипуляциями, навязыванием правил и долженствований и т.д.

Семейные мифы – это «семейная культурная концепция», а точнее, это культура игнорирования проблемных зон. Проблема идеализируется и становится центром

мифа [1]. Наиболее распространенными на территории СССР были мифы: «дружная семья», «миф о герое», «миф о спасателе». В семье, где наличествует миф, обязательно есть созависимость. Созависимые отношения чаще всего образуют лица с пограничным и нарциссическим расстройством психики. Манипуляторство, эмоциональное насилие, в частности, газлайтинг – способы поддержания жизни мифа. Где есть созависимость, обязательно используются манипуляции [4].

«Дружная семья» – миф, где на родных нельзя обижаться, нельзя чувствовать разочарование, гнев, нельзя разлучаться. Выражение отрицательных эмоций под запретом. Обсуждение внутрисемейного конфликта под запретом. Разрешено только выражать любовь и умиление. Для «дружной семьи» характерны трудности в отделении от родителей и в самоопределении подростков. Дети часто включены в обслуживание психологических потребностей своих родителей [1]. Их держит долг и вина, поэтому будучи совершеннолетними, они не могут начать жить своей жизнью.

Когда кто-то из семьи оказывается неспособным игнорировать свои нормальные и неизбежные отрицательные чувства к родственникам, начинаются проблемы [1]. Это либо конфликт и агрессивное поведение. Либо, если остаются попытки следовать правилам «дружной семьи» (не обижаться, не выносить сор из избы), развиваются тревожно-депрессивные расстройства, анорексия, возникают психосоматические проблемы.

В ответ на неповиновение, манипуляторы защищают «завоеванные» границы жертв. Если кто-то из членов семьи посмел нарушить негласные правила, его пристыжают, обвиняют. Манипуляции и прочие средства нарушения «личностных границ» применяются повсеместно, являясь инструментом осуществления контроля [9].

В доме у матерей с ПРЛ от детей требуется эмпатировать другим, понимать их потребности и настроения, быть удобными, делать все для всех, не смея «эгоистично» заботиться о себе. Единственной защитой становится плохое настроение, ведь тогда ребенка никто не хочет трогать. Повзрослев, эти дети еще долгое время каждого взрослого будут ассоциировать с родителями. И взрослые (начальники, врачи, сослуживцы, соседи и т.д.) будут иметь возможность нарушать их границы. Для них близкие отношения – это насилие над собой. Если насилия в отношениях нет, появляется страх и мысли о том, что их хотят покинуть. Открываться партнеру опасно. Но если близость и открытость случились, то от партнера постоянно требуются доказательства его безусловной любви, полного принятия человека с ПРЛ. Давать безусловную любовь – прерогатива родителей, а не сексуального партнера. Но родители совершили своего рода «предательство» в отношении ребенка, подорвав его доверие.

Теперь у него два дискомфортных состояния: открытость – переживание раз за разом детского страха покинутости и предательства, закрытость – выход из контакта, страх одиночества. Отношения их опустошают, но они из них не могут выйти, боясь, что никому не нужны. Им страшно делать выбор.

В детстве у них был выбор: остаться с эмоционально «убивающей матерью» или убежать от нее и погибнуть физически. Мать с ПРЛ – это репрезентация двух взаимно исключаящих реальностей: «жестокая мать, убийца» и «хорошая мать, дающая жизнь». «Жестокая мать» и реальна, и нереальна одновременно. Мать хороша «по умолчанию», она дала жизнь, даже если она жестокая, взбалмошная, она всегда будет восприниматься своим ребенком хорошей. Невозможность примирить две ипостаси матери между собой и есть то, что, как бы, парализует волю, разрушает способность к выбору и нередко вызывает психастению или невроз навязчивых состояний.

Подсознательно испытывая агрессию по отношению к матери, но не разрешая себе в этом признаться, ребенок может «вооружиться» обсессивно-компульсивными ритуалами, «предотвращающими» смерть матери. Страх смерти матери возникает из-за отказа ребенка признаться себе, насколько он на нее зол, обижен и раздражен.

В детстве ребенок матери, у которой ПРЛ, вынужден делать нелогичный шизофренический выбор с двойным посланием в основе, оставаясь с матерью. Со временем этот выбор прочно вращается в психику ребенка и становится ее органичной частью. Во взрослой жизни больше не встретится таких условий выбора, но человек выбирать не способен, его будет преследовать амбивалентность.

Советская власть утверждала, что делает все для счастья народа и что он живет в самой свободной стране. Но реальность была настолько иная, что, кроме ее расщепления, у населения страны не было иного выбора. Мать с ПРЛ аналогично «расщепляет» реальность, например, декларируя, что ее ребенок сам может выбрать себе профессию. Но затем, например, интересуется, готовится ли он поступать в медицинский ВУЗ. Если ребенок скажет о своих настоящих желаниях, о том, куда сам хочет сдать экзамены, мать включит свои манипуляции: игнорирование, обесценивание. Здесь также проявится несоответствие лозунгов и действительности.

Нарциссические родители не чувствуют потребности детей, у них нет сопереживания [3]. Нарциссическая мать постоянно эмоционально недоступна. Ее показная забота – это лишь способ контроля ребенка и желание доказать себе самой что она хорошая и правильная мать. Она всегда права и идеальна. Нарциссический отец обесце-

нивает, критикует, унижает, игнорирует. Дети получают нарциссическую травму и учатся манипулировать родителями, чтобы из невыносимой ситуации выйти живыми и удовлетворить свои потребности [4].

У ребенка возникают проблемы в общении, у него нет друзей. Он не чувствует других людей, а другие дети это понимают, им не интересен эгоист. Дома мать всё делает как бы «для него». А жестокий отец его держит в страхе, бьет, грубо и эмоционально болезненно шутит над ним, но обижаться запрещено. Если он обидится, ему объясняют, что все это для его же блага, и что он неправильно все воспринимает. Из-за заботы матери ребенок привык считать себя грандиозным, исключительным и думать лишь о своих нуждах. Подростающему нарциссу жизненно необходимо внимание окружающих, оно заполняет его внутреннюю пустоту [3]. Он старается врать, придумывать истории, привлекать внимание сверстников. Это заменяет ему дружбу. Он кидается в разные необычные занятия, чтобы стать привлекательным для окружающих, он творит себе кумиров, а потом свергает их и обесценивает. Ребенка постоянно обесценивают: отец одним способом, а мать другим, не разрешая ему увлечения, не давая делать выбор, проявлять инициативу. Она уничтожает его мотивацию критикой и контролем. Она запрещает ему чувствовать «плохие» эмоции. Нарцисс вырастает безэмоциональным [8]. Он может не знать, чего хочет. Он не знает, чего чувствует. Все детство его подвергали обесцениванию, ему постоянно выражали недоверие, ему говорили, что он маленький и слабенький, опекая его тотально (с ним могли даже вместе ходить на выпускные экзамены в школу, а затем и на вступительные в ВУЗ). Стоило ему чем-то увлечься, его спрашивали, уверен ли он, что ему это нужно. Так происходило оперантное научение, когда после любого его самостоятельного выбора следовала негативная родительская реакция в виде выражения недоверия и признания его неопытным, слабым и ненадежным. На уровне лимбической системы головного мозга это повторяющееся научение закрепилось [4]. С определенного возраста нарцисс перестанет отстаивать свою инициативу, он сдастся [4].

Взрослый «нарцисс», не чувствует других людей. У него нет эмпатии, нет чувств. В семейных отношениях он ставит себя выше партнера, обесценивает и унижает его. Он ведет себя так, как вели себя с ним его нарциссические родители [4].

Обратимся к книге Е. Т. Соколовой, Е. П. Чечельницкой «Психология нарциссизма». Анально-нарциссический характер имеет фиксацию на анально-садистической стадии. Отсюда физическая агрессия, садизм в сексе [7]. Презрительность анально-нарциссической личности, ее высокомерие и вечная правота связаны не только со стыдом, но и с садизмом отца и мазохизмом матери.

Будучи травмированными детьми, которых унижали в семье, они строят все отношения, в том числе, сексуальные, как защиту от унижения [7].

Для человека с нарциссическим (или анально-нарциссическим) характером насилие – это реакция на угрозу иллюзорной близости. Его насилие направлено на то, чтобы уничтожить близость, пока она не поглотила его и пока его не предали, не унизили. В раннем возрасте над ним издевались те самые люди, которые должны были любить его [8]. Чем более отвратительны его действия в отношении зависимого другого, тем в большей безопасности он себя чувствует [8].

Абьюзивное поведение имеет свойство передаваться по наследству. Отголоски сильных травм живут в последующих поколениях. То поведение, которое спасало жизни в опасный период, превращается в абсурдный семейный миф и ухудшает жизнь потомков. Многие виды манипулятивного поведения имели под собой рациональную почву в прошлом. Рассмотрим типичные на-

рушения психологических границ, практикуемые родителями, вызывающие дискомфорт у юношей и девушек. Рядом с каждым видом поведения обозначена возможная польза, которая от него была 90-70 лет назад.

Все перечисленные манипуляции выглядят странными и бесполезными, они являются отголосками травматического прошлого. Вопрос внутрисемейных манипуляций актуален и сегодня, потому что созависимость – семейная «болезнь», передающаяся от родителей к детям. Это происходит незаметно, в виде скрытых посланий. Когда-то, в тяжелые времена для нашей Родины манипуляции имели свой функциональный смысл и, можно сказать, приносили людям пользу, а семейные мифы позволяли им выживать. Сейчас и то, и другое превратилось в ненужные наслоения, в своего рода психологические рудименты, от которых стоит избавиться. Как при неврозе, способ реагирования, бывший полезным и эффективным «там и тогда», совершенно дезадаптивен «здесь и теперь».

Таблица 3

Некоторые распространенные родительские манипуляции и их возможная полезность 70-80 лет назад¹

ВИД «НАРУШЕНИЯ ГРАНИЦ» ИЛИ МАНИПУЛЯЦИЯ	ВОЗМОЖНАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ДАННОГО ПОВЕДЕНИЯ В 1922-1953 годах
– Указания, с кем вступать в брак	– В обществе было много «неудобных» элементов, связывание жизни с которыми могло повлечь за собой много опасности
– Указания что носить, навязывание одежды (старой, ношеной, немодной)	– В СССР оригинальность и «изыски» в одежде могли привести к подозрению в инакомыслии, исключению из партийных организаций
– Уборка в жилище взрослого ребенка «чтобы плохо не подумали»	– Все были у друг друга на виду («границ» не было) и коллективное ставилось выше личного
– Указания, на кого учиться и куда поступать (в тот ВУЗ, который нужен родителям, но не ребенку)	– В абсурдной советской реальности родители разбирались лучше и могли сориентировать детей (со слов людей 70-80 лет)
– Контроль, требование заставляют звонить и отчитываться в мелочах каждый день	– Постоянно держать связь с членами семьи было важно, чтобы в случае беды быстрее помочь (например, человека могли случайно арестовать, отправить в ссылку)
– «Не называют вещи своими именами» (говорят иносказательно, ни о чем почти не говорят напрямую, замалчивают правду, даже когда она абсолютно безопасна)	– Говорить то, что думаешь, особенно, про власть при детях было опасно, они могли по незнанию «донести», рассказать
– Запрет что-либо выбрасывать и отдавать, навязывание бессмысленной бережливости	– Во времена послевоенной разрухи, а потом при Сталине люди жили, в большинстве, очень стесненно материально
– Угроза сдать в психиатрическую клинику за «неправильные» интересы (например, йога, голодовки и т.п.) и «неправильное» поведение	– Психиатрия в те годы носила карательную функцию. Естественно, что близкие старались напоминать про опасность попадания в психиатрическую больницу, стараясь уберечь от этого.

¹ Приведенные в таблице виды манипуляций получены в результате опросов 11 молодых людей и 24 девушек в возрасте от 19 до 28 лет, посещавших тренинг ассертивного поведения

ЛИТЕРАТУРА

1. Варга А.Я. Семейные мифы в практике системной семейной психотерапии. Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. № 1
2. Волкан Вамик Д. Расширение психоаналитической техники. ВЕИП. 2012, 358 С
3. Дьяченко Т. Опасный нарцисс. Книга первая. Нарциссическое расстройство личности: теория и проявления. Ridero, 2017г, 172 с.
4. Дьяченко Т. Опасный нарцисс. Книга вторая. Нарциссы о себе. Можно ли помочь нарциссу. Ridero, 2018, 116 с.
5. Емельянова. Е. Кризис созависимых отношений. Речь, 2016 г. 320с.
6. Ранкур-Лаферриер Даниэль. Психика Сталина. Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996 г. 240 с
7. Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. Психология нарциссизма. Учебно-методический коллектор «Психология», Москва, 2001, 90 с.
8. Танк Т. Бойся! Я с тобой. АСТ, 2017 г. 336 с.
9. Терентьева Анна «Пограничная страна» http://www.orthodox-christian-icons.com/writing/borderline_country_1.htm
10. Черепанова, Елена Михайловна Психологический стресс : Помоги себе и ребенку / Е. Черепанова. - 2-е изд. - М. : Изд. центр «Академия», 1997. - 95 с
11. Шейнов В. Манипулирование и защита от манипуляций. Питер, 2014г. 304 с.
12. Arias-King F, Arlene King de Arias, Fredo Arias de la Canal. "Russia's Borderline Personality". Demokratizatsya. The journal of Post-Soviet Demokratization, volume 16, number 1, 2008
13. David A. Nelson, Sarah M. Coyne, Savannah M. Swanson, Craig H. Hart, and Joseph A. Olsen. "Parenting, relational aggression, and borderline personality features: Associations over time in a Russian longitudinal sample". Development and Psychopathology 26 (2014), 773–787. Cambridge University Press 2014

© Глебова Александра Валерьевна (AlexZukova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОПЫТОК САМОУБИЙСТВА У ПОДРОСТКОВ С МЫСЛЯМИ О СУИЦИДЕ И АУТОАГРЕССИВНОМ ПОВЕДЕНИИ

Исагулова Елена Юрьевна

Соискатель, ФГБУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»;
клинический психолог
9477877@gmail.com

Алехин Анатолий Николаевич

Д.м.н., профессор, ФГБУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

PROGNOSTIC FACTORS OF SUICIDE ATTEMPTS IN ADOLESCENTS WITH THOUGHTS OF SUICIDE AND SELF-INJURIOUS BEHAVIOR

**E. Isagulova
A. Alyohin**

Summary: Although suicide is the second leading cause of death among young people in most industrial countries, suicidal behaviour non-fatal is a very important public health problem among adolescents. It is connected primarily with the fact that suicidal thoughts and Neuilly-harm is highly correlated with suicide attempts.

Methodology of the study. The study involved 50 young people 21 years who have aged 14-16 years were present with suicidal thoughts (20) or fixed campridge behavior (30).

The results of the study. 3 (15%) of 20 participants with suicidal thoughts, and 4 patients (13.3%) of 30 participants with Neuilly campridge behavior said about making a suicide attempt. Significant factors predicting the risk of suicide attempts in participants with suicidal thoughts are not leading to suicide-harm ($p=0,059$), drug use ($p=0,029$), the use of other illicit substances ($p=0,045$), being in an environment with people campridge behavior (the family $p=0,076$; friends – $p=0,081$) and personality types with high intelligence and openness to experience ($p=0,025$). Among the participants with Neuilly campridge behavior significant factors of forecasting are the use of drugs ($p=0,038$), the use of other illicit substances ($p=0,025$).

The majority of adolescents with suicidal thoughts or campridge behavior do not commit suicide attempts throughout their life. In the groups with high risk was not detected between suicide attempts and the many factors traditionally considered risk factors for this phenomenon. The results of this study show that conduct population surveys on the use of prohibited substances, the Commission of Neuilly of self-harm and being in an environment with self-harm can help clinicians, psychologists and sociologists in the identification of individuals with a high risk of committing suicide in the future.

Keywords: adolescence, self-injurious behavior, suicidal behavior, suicide, suicide.

Аннотация: Хотя самоубийство является второй по значимости причиной смерти среди молодежи в большинстве индустриальных стран, суицидальное поведение без смертельного исхода также является очень важной проблемой общественного здравоохранения среди подростков. Это связано в первую очередь с тем, что суицидальные мысли и несуицидальное самоповреждение в значительной мере связаны с попытками самоубийства.

Методика исследования. В исследовании приняли участие 50 молодых людей 21 лет, у которых в возрасте 14-16 лет присутствовали мысли о суициде (20 человек) или зафиксировано самоповреждающее поведение (30 человек).

Результаты исследования. 3 (15%) из 20 участников с суицидальными мыслями и 4 (13,3%) из 30 участников с несуицидальным самоповреждающим поведением сообщили о совершенной попытке суицида. Значимыми факторами прогнозирования риска попыток самоубийства у участников с суицидальными мыслями являются не ведущее к суициду самоповреждение ($p=0,059$), употребление наркотиков ($p=0,029$), употребление иных незаконных веществ ($p=0,045$), нахождение в среде с людьми с самоповреждающим поведением (семья – $p=0,076$; друзья – $p=0,081$) и типы личности с высоким интеллектом и открытостью опыту ($p=0,025$). Среди участников с несуицидальным самоповреждающим поведением значимыми факторами прогнозирования являются употребление наркотиков ($p=0,038$), употребление иных незаконных веществ ($p=0,025$).

Большинство подростков с суицидальными мыслями или самоповреждающим поведением не совершают попыток суицида в течение всей жизни. В исследуемых группах с высоким риском не было обнаружено зависимости между попытками суицида и многими факторами, традиционно считающимися факторами риска данного феномена. Результаты данного исследования показывают, что проведение опросов населения об использовании запрещенных веществ, совершении несуицидальных самоповреждений и нахождении в среде с самоповреждениями может помочь врачам, психологам и социологам в выявлении лиц с высоким риском совершения самоубийства в будущем.

Ключевые слова: подростковый возраст, аутоагрессивное поведение, суицидальное поведение, суицид, самоубийство.

Введение.

Суицидальное и парасуицидальное поведение являются общепризнанными проблемами общества. Около миллиона человек во всем мире совершают

самоубийства каждый год. Учитывая, что данные статистики говорят о явных случаях самоубийств, реальный уровень самоубийств может быть в 2-3 раза выше [1]. Данные статистики свидетельствуют о том, что несовершеннолетние представляют наибольшую группу риска

самоубийства. Было установлено, что одним из самых сильных предикторов завершеного самоубийства или дальнейшей попытки самоубийства является предыдущая попытка самоубийства. Но не более 1/3 подростков с суицидальными мыслями решаются на реальную попытку самоубийства [3].

Согласно результатам многоцентрового исследования, проведенного среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, увеличение числа самоубийств среди молодежи связано с увеличением числа попыток самоубийства [16]. Результаты систематического обзора 128 исследований распространенности суицидальных явлений у подростков показали, что в среднем 9,7% (95% ДИ от 8,5 до 10,9) подростков сообщали о попытках самоубийства, в то время как даже 29,9% (95% ДИ от 26,1 до 33,8) из этих подростков указали, что они думали о самоубийстве в какой-то момент своей жизни [6]. Суицидальные мысли являются довольно распространенным явлением среди подростков и коррелируют с другими показателями психологического стресса.

Факторы риска суицидального поведения подразделяются на топические (острые) и хронические суицидальные риски. В сочетании с острыми факторами риска, например, стресс из-за прекращения отношений, хронические факторы риска, такие, например, как психические расстройства, значительно повышают вероятность суицидального поведения [4]. Кроме того, предлагается разделить факторы риска на факторы-предшественники (например, симптомы депрессии в сочетании с чувством обиды, безнадежности, одиночество, гнев) и потенциальные (например, семейная дисгармония и дисгармония личности) [5]. По мнению американских психологов, опасность и риск самоубийства в значительной степени связаны с использованием Интернета: те, кто играет в видеоигры или проводят в Интернете более чем 5 часов в день могут подвергаться риску развития депрессии и появлению суицидальных мыслей. В частности, тревогу вызывает использование Интернета подростками с суицидальными мыслями для поиска информации, связанной с суицидом. Такие поиски стимулируют суицидальное поведение с высокой вероятностью завершения самоубийства [12]. Социальные и этнопсихологические факторы также относятся к факторам суицидального риска. Среди социальных факторов суицидального поведения выделяют семейные факторы (в частности, психические проблемы со здоровьем, семейная история суицидального поведения, отношения, привязанность и конфликты) и отношения со сверстниками (включая акты запугивания) [3].

Такие факторы, как семейное и сексуальное насилие, пренебрежение потребностями ребенка, а также отношениями с родителями часто встречаются в ситуациях, когда наблюдается суицидальное поведение подрост-

ков. Кроме того, потеря родителя в результате смерти или развода, или проживание отдельно от одного или обоих биологических родителей является существенным фактором риска суицида [3]. Некоторые проявления суицидального поведения были достоверно связаны с низким уровнем удовлетворенности семейными отношениями, низкой эмоциональной поддержкой отца и матери, авторитарно-репрессивным стилем отцовского воспитания и снисходительно-пренебрежительным стилем материнского воспитания [10]. Мощным фактором суицидального риска является родительская история попытки самоубийства, что свидетельствует о почти пятикратном увеличении вероятности попытки самоубийства у детей. Поведенческие факторы риска суицида включают личностные и индивидуальные различия, когнитивные факторы, социальные аспекты и негативные жизненные события; факторы идентичности (особенно гендерная идентичность, гендерные и сексуальные предпочтения). Существует влияние сексуальной ориентации на суицидальные мысли. Этот эффект опосредован самоубийством молодежи с факторами риска, включающими депрессию, безнадежность, злоупотребление алкоголем, недавние попытки самоубийства со стороны сверстника или членов семьи, переживания виктимизации [9].

Несмотря на то, что мысли о самоубийстве и самоповреждения, не приведшие к летальному исходу, являются значимым прогностическим параметром попыток самоубийства у подростков, до сих пор мало изученными остаются факторы, обуславливающие эти попытки в группах подростков высокого риска. Получение представлений об этих факторах является крайне важным для точного прогнозирования и предотвращения попыток самоубийства в группах риска подросткового возраста. Большинство научных работ и теорий о вероятности перехода к суицидальным действиям сконцентрированы на изучении и описании суицидальных мыслей [2]. Так, теоретические модели суицидального поведения, такие как интерперсональная теория, интегративная мотивационно-волевая модель, трехшаговая теория содержат в своей основе подход «от мысли к действию», который предполагает различие факторов развития мыслей о самоубийстве и факторов, способствующих переходу от мыслей к действиям. Согласно данным литературы, существует устойчивая корреляция между попытками самоубийства у подростков и суицидальными мыслями, отчаянием, а также частотой и определенными способами самоповреждения [13]. Что касается суицидальных мыслей, многие часто цитируемые факторы риска суицида не выявили значимого различия между суицидальным и несуйцидальным самоповреждающим поведением. Единственное проведенное ранее исследование [11] подтверждает значимость параметра частоты самоповреждений для прогнозирования суицидального поведения у подростков с несуйцидальным

самоповреждающим поведением. Авторы показали, что прогностическими факторами являются, в том числе, наличие недостаточного количества социальных связей и отсутствие смысла жизни, а также предыдущие обращения по поводу лечения психиатрических заболеваний. Используемый в исследовании метод, однако, накладывает ограничения на применимость результатов: авторы проводили единовременное обследование группы участников на основе ретроспективных отчётов о факторах риска и попытках суицида. Собранные таким образом данные могут быть неточны из-за ошибок воспоминания участников и того, являются ли описываемые ими ощущения воспоминаниями или планами на будущее.

Лонгитюдных исследований на данную тему, использующих подход «от мысли к действию» крайне мало [7; 8]. В связи с этим в задачи настоящего исследования входит расширение сферы исследования первичных попыток суицида у подростков с суицидальными мыслями и не-суицидальным самоповреждающим поведением путём изучения зависимости этого феномена от многочисленных факторов риска в долгосрочной перспективе.

Цель исследования

Целью настоящего исследования является выявление прогностических факторов попыток самоубийства в подростковой группе высокого риска попыток самоубийства.

Методики и организация исследования.

Нами было проведено исследование на базе РГПУ им. А.И. Герцена, в исследовании приняли участие 50 молодых людей, у которых в возрасте 14-16 лет присутствовали мысли о суициде (20 человек) или зафиксировано самоповреждающее поведение (30 человек). Для выявления зависимости между попытками самоубийства и факторами риска был использован метод регрессионного анализа. Первая выборка (20 человек) состояла из подростков, которые ранее сообщили о наличии у них суицидальных мыслей, отвечая на вопрос «Думал ли ты когда-нибудь о самоубийстве, даже если знаешь, что никогда этого не сделаешь?». Вторая выборка включала 30 подростков с не-суицидальными самоповреждениями, которые отбирались при помощи ответа на вопрос «Случалось ли тебе наносить себе какой-нибудь вред специально (например, путём передозировки наркотиков, нанесения порезов)?». На момент исследования всем респондентам исполнился 21 год. Критерием исключения из исследования являлось совершение попытки самоубийства в подростковом возрасте.

Участники были разделены на подгруппы в зависимости от того, совершали ли они попытки самоубийства в возрасте 21 года. Участникам с не-суицидальными са-

моповреждениями, ответившие «да» на вопрос «случалось ли тебе наносить себе какой-нибудь вред специально?» была задана серия дальнейших вопросов для выявления суицидальных намерений. Классификация «самоповреждение с суицидальными намерениями» присваивалась участникам, которые на вопрос о причинах самоповреждения ответили «я хотел умереть», либо дали утвердительный ответ на вопрос «Случалось ли, что в момент нанесения себе вреда умышленно ты действительно хотел убить себя?». В возрасте 14-16 лет участники с преднамеренными и непреднамеренными попытками суицида были классифицированы таким же образом.

В качестве методик исследования были использованы: анкетирование, Шкала поиска ощущений по Арнетту, Международный набор свойств личности (IPIP), опросник DAWBA. Известно, что факторы риска суицидального поведения включают пол, уровень интеллекта, исполнительную функцию, импульсивность, поиск острых ощущений, личностные особенности, наличие окружающих с самоповреждающим поведением, события из жизни, неблагоприятные обстоятельства в детском возрасте, неудовлетворенность телом, проблемы со сном, психические расстройства, отчаяние, симптомы депрессии, употребляемые вещества, суицидальные планы и отдельные характеристики не-суицидального самоповреждения. Социально-экономический уровень оценивался путём анкетирования матерей и включал информацию о социальном статусе, а также образовании матери.

Для выявления зависимости между попытками самоубийства и факторами риска у молодёжи 21 года был использован метод регрессионного анализа. Был также проведен дополнительный анализ с контролем по параметру пола в детском возрасте и социально-экономического уровня. Иные параметры, потенциально затрудняющие интерпретацию результатов, были исключены из рассмотрения, так как нашей целью было выявление факторов риска перехода к действию (попыткам самоубийства). Анализ проводился на основе расчетных данных от участников, сообщивших о суицидальных мыслях (20 человек) и о не-суицидальных самоповреждениях (30 человек) на момент включения в исследование. Для анализа данных мы использовали программу Statistica 13.3 на платформе Windows.

Результаты исследования и их обсуждение.

Только 3 (15%) из 20 участников с суицидальными мыслями и 4 (13,3%) из 30 участников с не-суицидальным самоповреждающим поведением сообщили о совершённой попытке суицида. Большинство из них были женского пола и имели родителей с более низким уровнем образования и финансового достатка. Демографические

данные по группам участников содержатся в таблице 1.

Влияние факторов риска на последующие попытки самоубийства в группе с суицидальными мыслями представлено в таблице 2. Первоначальный анализ показал, что наиболее сильно на переход к попыткам самоубийства в группе с суицидальными мыслями влияют употребление наркотиков ($p=0,029$) и несуйцидальные самоповреждения ($p=0,006$). Была также обнаружена связь попыток самоубийства с фактором нахождения в среде с другими членами, практикующими самоповреждение (члены семьи – $p=0,076$, друзья – $p=0,081$).

Влияние факторов риска на последующие попытки самоубийства в группе с несуйцидальными самоповреждениями представлено в таблице 3.

Анализ данных показал, что наиболее сильно на переход к попыткам самоубийства в группе с несуйцидальными самоповреждениями влияют употребление наркотиков ($p=0,038$) и употребление иных незаконных препаратов ($p=0,025$).

Итак, в ходе работы было выделено несколько факторов, наличие которых позволяет предположить определенный риск попыток самоубийства в указанных группах. У участников исследования в возрасте 14-16 лет риск совершения попытки самоубийства был связан с историей не ведущих к суициду самоповреждений,

употреблением наркотиков и других иных незаконных веществ, типами личности с высоким интеллектом и открытостью опыту и нахождение в среде с самоповреждающим поведением. Употребление наркотиков и иных запрещенных законом веществ являются прогностическими факторами перехода к суицидальным действиям у участников с несуйцидальным самоповреждением.

Выявление значимых показателей в подгруппе участников с суицидальными мыслями и несуйцидальными самоповреждениями представило сложности, однако употребление запрещенных законом веществ и употребление наркотиков, выделенные в обеих выборках, позволяют предположить особую надёжность этих показателей для определения уровня риска совершения попыток самоубийства в будущем. Возможно, употребление наркотиков и других запрещенных законом веществ повышают возможность перехода к суицидальным действиям по причине того, что вызывают снятие внутренних запретов и нарушают способность к принятию адекватных решений. Вероятно, что употребление наркотических веществ со временем ведет к развитию психических заболеваний, которые, в свою очередь, являются причинами самоубийств. С другой стороны, употребление наркотиков может мешать формированию нормального копинг-поведения в ответ на стресс. Можно предположить, что зависимость между самоповреждающим поведением и употреблением наркотиков

Таблица 1

Описание демографических данных выборки

Показатель	Группа 1 (20 чел.)				Группа 2 (30 чел.)			
	Нет перехода к попыткам самоубийства (17 чел.)		Переход к попыткам самоубийства (3 чел.)		Нет перехода к попыткам самоубийства (26 чел.)		Переход к попыткам самоубийства (4 чел.)	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Пол ребёнка								
Мужской	4	23,5	0	0	10	38,4	1	25,0
Женский	13	76,5	3	100,0	16	61,6	3	75,0
Образование матери								
Общее среднее	11	65,7	2	66,7	8	30,7	2	50,0
Среднее специальное	5	29,4	1	33,3	10	38,5	2	50,0
Высшее	1	5,9	0	0	8	30,8	0	0
Социальный класс родителей								
Рабочий	7	41,18	1	33,3	5	19,2	1	25,0
Предприниматель	1	5,9	0	0	4	15,4	1	25,0
Госслужащий	1	5,9	0	0	4	15,4	0	0
Безработный	4	23,5	2	66,7	7	26,9	2	50,0
Другое	4	23,5	0	0	6	23,1	0	0

является двунаправленной – взрослые употребляющие наркотики люди часто демонстрировали самоповреждающее поведение в подростковом возрасте. Проведенные ранее исследования указывают, что несуйцидальное самоповреждающее поведение является надежным

прогностическим фактором попыток самоубийства [15], однако такое поведение редко рассматривается в рамках подхода «от мысли к действию». В нашей работе мы рассмотрели именно этот подход и показали зависимость перехода от суицидальных мыслей к действиям

Таблица 2

Предикторы первичных попыток самоубийства в группе с суицидальными мыслями

Параметр	По всей выборке (20 чел.)	Нет перехода к попыткам самоубийства (17 чел.)	Переход к попыткам самоубийства (3 чел.)	Значение вероятности (р-значение)
Пол				
Муж	20%	23,5%	0	
Жен	80%	76,5%	100,0%	
Психологические параметры				
Импульсивность	13,9±2,81	14,0±2,23	13,4±3,03	0,228
Поиск острых ощущений				
Интенсивность ощущений по Арнетту	26,0±4,76	25,9±4,73	26,5±4,9	0,29
Новизна ощущений по Арнетту	26,1±4,5	26,0±4,51	26,8±4,34	0,201
Измерения личности				
Экстраверсия	33,2±7,81	33,2±7,93	33,2±7,18	0,992
Доброжелательность	39,3±4,91	39,3±4,92	39,5±4,87	0,693
Добросовестность	31,2±5,93	31,3±5,88	30,8±6,19	0,639
Эмоциональная стабильность	28,0±6,44	28,1±6,44	27,5±6,4	0,657
Интеллект / открытость опыту	36,8±5,62	36,5±5,58	38,5±5,52	0,025
Самоповреждение в семье	15%	5,9%	66,7%	0,076
Самоповреждение у друзей	55%	52,9%	66,7%	0,081
Параметры психического здоровья				
Любой диагноз по оценке развития и благополучия (DAWBA)	15%	11,8%	33,3%	0,844
Отчаяние	45%	41,2%	66,7%	0,137
Симптомы депрессии	11,1±6,25	11,1±6,19	11,5±6,62	0,754
Употребляемые вещества				
Алкоголь, ежедневное опьянение	25%	23,6%	33,3%	0,830
Наркотики, в т.ч. эпизодическое применение	15%	11,8%	33,3%	0,029
Курение, в т.ч. раз в неделю	25%	29,4%	33,3%	0,333
Иные запрещенные вещества, за прошедший год	15%	11,8%	33,3%	0,029
Суицидальные планы	10%	5,9%	33,3%	0,800
Несуйцидальное самоповреждение	40%	35,9%	66,7%	0,006
Частота (только случаи несуйцидального самоповреждения)				
1-5 раз	25%	23,5%	33,3%	
≥6 раз	20%	17,6%	33,3%	

Предикторы первичных попыток самоубийства в группе с несуицидальными самоповреждениями

Параметр	По всей выборке (30 чел.)	Нет перехода к попыткам самоубийства (26 чел.)	Переход к попыткам самоубийства (4 чел.)	Значение вероятности (р-значение)
Пол				
Муж	36,7%	38,4%	25%	
Жен	63,3%	61,6%	75%	
Психологические параметры				
Импульсивность	13,7±2,59	13,8±2,54	13,5±2,81	0,670
Поиск острых ощущений				
Интенсивность ощущений по Арнетту	26,2±4,81	26,2±4,78	26,2±4,97	0,848
Новизна ощущений по Арнетту	26,6±4,35	26,6±4,3	26,9±4,66	0,711
Измерения личности				
Экстраверсия	35,3±6,99	35,6±6,83	33,4±7,53	0,068
Доброжелательность	39,1±4,89	39,1±4,9	39,1±4,82	0,837
Добросовестность	30,4±6,11	30,5±6,18	30,3±5,7	0,773
Эмоциональная стабильность	28,9±6,52	29,1±6,49	27,7±6,52	0,237
Интеллект / открытость опыту	36,9±5,83	36,7±5,83	37,9±5,73	0,221
Самоповреждение в семье	20%	19,2%	25%	0,364
Самоповреждение у друзей	80%	70%	75%	0,936
Параметры психического здоровья				
Любой диагноз по оценке развития и благополучия (DAWBA)	10%	-	-	0,403
Отчаяние	20%	19,2%	25%	0,603
Симптомы депрессии	87±5,94	87±5,89	88±6,27	0,996
Употребляемые вещества				
Алкоголь, ежедневное опьянение	36,7%	38,5%	25%	0,452
Наркотики, в т.ч. эпизодическое применение	16,7%	15,3%	25%	0,038
Курение, в т.ч. раз в неделю	13,3%	11,5%	25%	0,116
Иные запрещенные вещества, за прошедший год	26,7%	23%	50%	0,025
Суицидальные планы	13,3%	11,5%	25%	0,215
Несуицидальное самоповреждение	40%	35,9%	66,7%	0,006
Частота (только случаи несуицидального самоповреждения)				
1-5 раз	26,7%	23%	50%	
≥6 раз	73,3%	77%	50%	

от наличия несуицидального самоповреждающего поведения. Данная зависимость может быть обусловлена несколькими параметрами, среди которых общая нейробиологическая подверженность самоповреждениям, увеличение риска социального отчуждения или психи-

ческого заболевания в результате несуицидального самоповреждения, прямой эффект снижения способности противостоять попыткам самоубийства на фоне мыслей о нем [14].

В нашей работе мы обнаружили слабые доказательства зависимости попыток суицида от нахождения в среде с самоповреждающим поведением у подростков с суицидальными мыслями и не обнаружили таковых у подростков, самих демонстрирующих самоповреждающее поведение. Возможно, нахождение в среде с самоповреждениями повышает способность к совершению суицида у подростков с суицидальными мыслями за счет повышения предрасположенности и приемлемости самоповреждающего поведения (например, знание о возможности самоповреждающего поведения, его функциональной выгоде и осведомленность о способах самоповреждающего поведения), в то время как подростки с историей несуйцидальных попыток самоповреждающего поведения уже обладают определенным уровнем знаний о способах самоповреждающего поведения.

Выводы

Выявление прогностических факторов перехода от суицидальных мыслей или несуйцидальных самоповреждений к попыткам суицида имеет особую важность для прогнозирования и предотвращения подросткового суицида. Существующие исследования предоставляют важную информацию о факторах, дифференцирующих индивидов с суицидальными мыслями или самоповреждениями от тех, кто совершает попытки суицида. Лонгитюдные исследования, в том числе настоящее, изучают возможность перехода к действиям в длительной перспективе. Результаты данного исследования показывают, что проведение опросов населения об использовании запрещенных веществ, несуйцидальных самоповреждениях, типах личности и нахождении в среде с самоповреждениями может помочь работникам сферы здравоохранения в выявлении лиц с высоким риском совершения самоубийства в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банников Г.С. Кризисные состояния у подростков (пресуйцидальные маркеры, особенности личности, стратегии кризисной психотерапевтической помощи) [Электронный ресурс] / Г.С. Банников, К.А. Кошкин // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн., 2013. – № 2 (19). – URL: <http://medpsy.ru>.
2. Бруг А.В. Клинико-психологическое исследование подростков с рецидивами суицидных попыток: дис. ... канд. мед. наук СПб., 2008. – 176 с.
3. Вагин Ю.Р. Корни суицидальной активности // Суцидология. – 2011. – № 4. – С. 32–48.
4. Попов Ю.В., Пичиков А.А. Суицидальное поведение у подростков, СПб.: СпецЛит, 2017. – 366 с.
5. Asamow J.R., Porta G., Spirito A. Suicide attempts and nonsuicidal self-injury in the treatment of resistant depression in adolescents: findings from the TORDIA study // *J Am Acad Child Adolesc Psychiatry*. 2011, № 50, p. 772–781.
6. Borschmann R., Becker D., Coffey C. 20-year outcomes in adolescents who self-harm: a population-based cohort study // *Lancet Child Adolesc Health*. 2017, № 1, p. 195–202.
7. Brent D.A., Melhem N.M., Oquendo M., Burke A., Birmaher B., Stanley B., Porta G. Familial pathways to early-onset suicide attempt: a 56-year prospective study // *JAMA psychiatry*. 2015. – Vol. 72, № 2, p. 160–168.
8. Burke T.A., Alloy L.B. Moving toward an ideation-to-action framework in suicide research: a commentary on May and Klonsky // *Clin Psychol*. 2016, № 23, p. 26–30.
9. Franklin J.C., Ribeiro J.D., Fox K.R., Bentley K.H., Kleiman E.M., Huang X., Nock M.K. Risk factors for suicidal thoughts and behaviors: a meta-analysis of 50 years of research // *Psychological Bulletin*. 2017. – Vol. 143, № 2, p. 187.
10. Goldman-Mellor S., Caspi A., Harrington H. Suicide attempt in young people: a signal for long-term healthcare and social needs // *JAMA Psychiatry*. 2014, № 71, p. 119–127.
11. Guan K., Fox K.R., Prinstein M.J. Nonsuicidal self-injury as a time-invariant predictor of adolescent suicide ideation and attempts in a diverse community sample // *J Consult Clin Psychol*. 2012, № 80, p. 842–49.
12. Hagihara A., Miyazaki S., Abe T. Internet suicide searches and the incidence of suicide in young people in Japan // *European archives of psychiatry and clinical neuroscience*. 2012. – Vol. 262, № 1, p. 39–46.
13. Hamza C.A., Stewart S.L., Willoughby T. Examining the link between nonsuicidal self-injury and suicidal behavior: a review of the literature and an integrated model // *Clin Psychol Rev*. 2012, № 32, p. 482–495.
14. Kaess M., Parzer P., Haffner J. Explaining gender differences in non-fatal suicidal behaviour among adolescents: a population-based study // *BMC Public Health*. 2011, № 11, p. 597–599.
15. Klonsky E.D., Qiu T., Saffer B.Y. Recent advances in differentiating suicide attempters from suicide ideators // *Curr Opin Psychiatry*. 2017, № 30, p. 15–20.
16. Klonsky E.D., May A.M., Glenn C.R. The relationship between nonsuicidal self-injury and attempted suicide: converging evidence from four samples // *J Abnorm Psychol*. 2013, № 122, p. 231–37.
17. Mars B., Heron J., Crane C., et al. Clinical and social outcomes of adolescent self harm: population based birth cohort study. *BMJ* 2014; 349: g5954.
18. May A.M., Klonsky E.D. What distinguishes suicide attempters from suicide ideators? A meta-analysis of potential factors // *Clin Psychol*. 2016, № 23, p. 5–20.
19. Messias E., Castro J., Saini A., Usman M., Peeples D. Sadness, suicide, and their association with video game and internet overuse among teens: results from the youth risk behavior survey 2007 and 2009 // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2011. – Vol. 41, № 3, p. 307–315.

20. Moran P., Coffey C., Romaniuk H., Degenhardt L., Borschmann R., Patton G. Substance use in adulthood following adolescent self-harm: a population-based cohort study // *Acta Psychiatr Scand.* 2015, № 131, p. 61–68.
21. O'Connor R.C., Nock M.K. The psychology of suicidal behavior // *The Lancet Psychiatry.* 2014. – Vol. 1, № 1, p. 73–85.
22. Van Orden K.A., Witte T.K., Cukrowicz K.C., Braithwaite S.R., Selby E.A., Joiner T.E.Jr. The interpersonal theory of suicide // *Psychol Rev.* 2010, № 117, p. 575–600.
23. Victor S.E., Klonsky E.D. Correlates of suicide attempts among self-injurers: a meta-analysis // *Clin Psychol Rev.* 2014, № 34, p. 282–297.
24. Whitlock J., Muehlenkamp J., Eckenrode J. Nonsuicidal self-injury as a gateway to suicide in young adults // *J Adolesc Health.* 2013, № 52, p. 486–492.
25. Wilkinson P., Kelvin R., Roberts C., Dubicka B., Goodyer I. Clinical and psychosocial predictors of suicide attempts and nonsuicidal self-injury in the Adolescent Depression Antidepressants and Psychotherapy Trial (ADAPT) // *Am J Psychiatry.* 2011, № 168, p. 495–501.
26. Wilkinson P.O., Qiu T., Neufeld S., Jones P.B., Goodyer I.M. Sporadic and recurrent non-suicidal self-injury before age 14 and incident onset of psychiatric disorders by 17 years: prospective cohort study // *Br J Psychiatry.* 2018, № 212, p. 222–226.
27. Zimmerman G.M., Rees C., Posick C., Zimmerman L.A. The power of (Mis) perception: Rethinking suicide contagion in youth friendship networks // *Social Science & Medicine.* 2016, № 157, p. 31–38.

© Исагулова Елена Юрьевна (9477877@gmail.com), Алёхин Анатолий Николаевич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБЪЕКТА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Латынов Владислав Викторович

К.псх.н., с.н.с., ФГБУН Институт

психологии РАН (г. Москва)

vladlat5@lenta.ru

IMPACT OF PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE OBJECT OF INFLUENCE ON EFFECTIVENESS OF INFLUENCE

V. Latynov

Summary: The article presents the results of an empirical study of psychological influence. It is shown that the psychological characteristics (socio-psychological adaptation, Machiavellianism, subjective economic well-being) of the person - the object of influence affect the effectiveness of the influence. The socio-psychological adaptation of a person turned out to be an important factor in its resistance to influence: the higher its level, the weaker the methods of explaining unethical behavior. In relation to Machiavellianism, the selectivity of the effects of influence was observed: some methods were more effective for people with high Machiavellianism, others with its low level. With regard to subjective economic well-being, the following regularity was noted: the higher the material wealth of a person, the more resistant he was to the action of various methods of influence.

Keywords: influence, unethical behavior, socio-psychological adaptation, subjective economic well-being, Machiavellianism.

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования психологического воздействия. Показано, что психологические характеристики (социально-психологическая адаптация, макиавеллизм, субъективное экономическое благополучие) человека - объекта воздействия влияют на эффективность воздействия. Социально-психологическая адаптация человека оказалась важным фактором его устойчивости к воздействию: чем выше был ее уровень, тем слабее действовали приемы объяснения неэтичного поведения. В отношении макиавеллизма наблюдалась селективность действия приемов воздействия: одни приемы были более эффективны в отношении лиц с высоким макиавеллизмом, другие — с низким его уровнем. Применительно к субъективному экономическому благополучию отмечалась следующая закономерность: чем выше был материальный достаток человека, тем более устойчивым к действию различных приемов воздействия он оказывался.

Ключевые слова: воздействие, неэтичное поведение, социально-психологическая адаптация, субъективное экономическое благополучие, макиавеллизм.

Современные исследования свидетельствуют о том, что на эффективность психологического воздействия ощутимое влияние оказывают индивидуально-психологические особенности людей – объектов воздействия. Список этих особенностей весьма широк и включает, в частности, самоуважение, экстраверсию, доминантность, оптимизм, тревожность, потребность в познании (need for cognition), эмоциональное состояние и др. [5; 12; 13].

Обнаружено, что увеличение эффективности воздействия достигается при совпадении характера используемых приемов воздействия и психологических особенностей лица, на которого они направлены. Например, экстраверты оказались более восприимчивыми к аргументации, основанной на привлекательных для них характеристиках объекта, например: “Это будет особенно интересно для тех, кто получает удовольствие от общения с другими людьми” [11]. Интроверты же более часто демонстрировали изменение установок под воздействием сообщений, релевантных свойственным им характеристикам (“Для тех, кто любит тишину и покой”).

Л. Кротзек на примере личностных черт «большой

пятерки» (экстраверсии, нейротизма, добросовестности, дружелюбия, открытости опыту) также продемонстрировал эффективность персонализированной политической рекламы [15]. В случае конгруэнтности личностных особенностей избирателей и сообщения в поддержку политика достигалось более позитивное к нему отношение. Возможности личностно-ориентированной рекламы были продемонстрированы и в работе С. Матз с соавт. [16]. Максимальная эффективность воздействия достигалась в случае совпадения личностных особенностей и типа сообщения, т.е. в том случае, когда, например, экстраверты получали сообщение, текст и визуальный ряд которого, наиболее соответствовал, по мнению учёных, этому личностному типу.

Ранее проведенные нами исследования также показали, что помимо собственно «качества» приемов воздействия их эффективность зависит от индивидуально-психологических характеристик объекта воздействия [6]. Значимыми в данном отношении оказались мировоззренческие (справедливость мира, локус контроля, доверие к людям) и этические (этический формализм, утилитаризм, этический цинизм) особенности личности.

В данном исследовании мы расширили список индивидуальных характеристик объекта воздействия, влияющих на эффективность воздействия. В качестве переменных, могущих повлиять на эффективность воздействия, были рассмотрены макиавеллизм, уровень социально-психологической адаптации и субъективное экономическое благополучие.

Такая личностная особенность как макиавеллизм характеризует человека с точки зрения использования манипулятивных приемов воздействия, скептицизма и недоверия по отношению к другим людям. Влияние макиавеллизма на эффективность коммуникативного воздействия исследовалось довольно часто, хотя, как правило, в отношении наличия этой особенности у субъекта воздействия. Неоднократно было продемонстрировано, что лица с высокими баллами по шкале макиавеллизма гораздо успешнее изменяют установки и поведение других людей [14, 17]. Вопрос о том, насколько макиавеллизм объекта воздействия влияет на его эффективность изучался существенно реже. Однако некоторая информация по этому вопросу все-таки есть. Так, было показано, что лица с низким уровнем макиавеллизма оказались сильнее подвержены воздействию, чем лица с высоким уровнем [10].

В настоящее время понятие «социально-психологическая адаптация» исследуется весьма активно. Изучаются ее предикторы, динамика, корреляты [1; 3; 4]. Однако, насколько нам известно, уровень социально-психологической адаптации человека — объекта воздействия не рассматривался в качестве фактора эффективности воздействия. Мы в проведенном исследовании постарались выяснить: Различаются ли адаптивные и дезадаптивные люди в плане подверженности воздействию? Существуют ли приемы воздействия, которые особенно эффективны в отношении адаптивных (дезадаптивных) людей?

Еще одной личностной характеристикой, рассматриваемой нами в качестве возможной детерминанты эффективности воздействия, стало субъективное экономическое благополучие - интегральный психологический показатель жизни человека, выражающий отношение человека к своему актуальному и будущему материальному благосостоянию [9]. Выбор данной переменной обусловлен ее релевантностью теме исследования. Поскольку речь идет о невозврате долга, т. е. экономическом поведении людей, можно предположить, что на эффективность приемов воздействия будет влиять самооценка материального положения лиц — объектов воздействия. Вполне вероятно, что у субъективно богатых будет одно отношение к подобной ситуации, а у субъективно бедных — другое.

В исследовании, представленном в данной статье, изучение психологического воздействия проводилось на

материале объяснения неэтичного поведения, т.е. поведения, нарушающего закон или общепринятые моральные нормы и имеющего негативные последствия для других людей. Совершив подобный поступок, человек, как правило, стремится при помощи различных речевых приемов нивелировать его негативное воздействие на репутацию и сохранить позитивное представление окружающих о себе.

Методика исследования

Выборку исследования составили студенты (возраст 18-25 лет, 100 человек, 42 мужчины, 58 женщин).

Для изучения процессов объяснения неэтичного поведения использовалась авторская методика «Поведение в этически неоднозначных ситуациях» [6; 7]. Данная методика включает описание различных ситуаций из жизни предпринимателей (всего 7 ситуаций). Ситуации различаются тем, каким образом объясняется совершенный поступок – невозврат долга. *Ситуация 1:* Один предприниматель занял у другого крупную сумму денег, однако в положенный срок долг не вернул. Оправданий не последовало.

В шести других ситуациях предлагались следующие варианты объяснения поступка: «Во всем виноват мой бухгалтер, который занимается всеми финансовыми вопросами, в том числе и отслеживанием сроков возвращения долгов» (краткая формулировка: «виноват бухгалтер»); «Я был вынужден отдать эти деньги своему другу, который оказался в сложной финансовой ситуации» («отдал другу»); «В последнее время я был сильно загружен на работе и просто забыл вернуть долг» («забыл»); «В мире бизнеса мало кто вовремя отдает долги, и я лично знаю немало бизнесменов, задерживающих возврат занятых денег» («реалии бизнеса»); «Я хотел вернуть долг вовремя, но дела у меня пошли плохо и я оказался не в состоянии вернуть занятые деньги» («плохо пошли дела»); «Я знаю, что предприниматель, у которого я занял деньги, сам никогда долги в срок не отдает» («сам долги в срок не отдает»).

Для каждой ситуации участники исследования отвечали на ряд вопросов: Какой оценки заслуживает поступок? (6-ти балльная шкала, от «Самой негативной» до «Самой позитивной»). Насколько склонен предприниматель совершать подобные действия? (6-ти балльная шкала, от «Совершенно не склонен» до «Очень склонен»). Как часто предприниматель будет совершать подобные поступки в будущем? (6-ти балльная шкала, от «Никогда не будет» до «Очень часто»). Насколько порядочен этот предприниматель? (6-ти балльная шкала, от «Совершенно не порядочный» до «Очень порядочный»).

Степень социально-психологической адаптации

выявлялась при помощи Методики диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда [8]. Данная методика включала интегральный показатель социально-психологической адаптации, а также несколько подшкал (составляющих адаптации): Принятие себя, Принятие других, Эмоциональный комфорт, Интернальность, Эскапизм (уход от проблем), Доминирование. В нашем исследовании мы использовали как интегральный показатель адаптации, так и шесть вышеуказанных подшкал. Уровень макиавеллизма оценивался при помощи Мак-шкалы (автор русскоязычной версии — В.В. Знаков) [2]. Оценка уровня субъективного экономического благополучия проводилась при помощи опросника субъективного экономического благополучия (СЭБ) [9]. Этот опросник имеет пять подшкал: экономического оптимизма, текущего благосостояния семьи, финансовой депривированности, адекватности дохода, экономической тревожности.

Для обработки собранных данных использовались метод корреляций (тест ранговой корреляции Кендалла).

Результаты и обсуждение

В качестве характеристик, влияющих на эффективность приемов объяснения неэтичного поведения, мы рассматривали макиавеллизм, социально-психологическую адаптацию и ее составляющие (принятие себя, принятие других, эмоциональный комфорт, интернальность, эскапизм, доминирование), субъективное экономическое благополучие и его составляющие (экономический оптимизм, текущее благосостояние семьи, финансовая депривированность, адекватность дохода, экономическая тревожность).

Для выяснения того, каким образом каждая из указанных 14 переменных (характеристик) влияла на эффективность приема объяснения, вычислялись коэффициенты корреляции между их значениями и этическими оценками поступка и лица, его совершившего. Для каждой переменной (характеристики) подсчитывалось 28 коэффициентов корреляций с этическими оценками (7 приемов объяснения \times 4 оценки для каждого приема (поступок, склонность предпринимателя к совершению неэтичных поступков, вероятность их совершения в будущем, порядочность предпринимателя)).

Как показал корреляционный анализ, наиболее часто этические оценки коррелировали с общим индексом социально-психологической адаптации (12 значимых корреляций) и ее составляющими (доминирование - 13 корреляций, интернальность - 11 корреляций, эскапизм - 7 корреляций, принятие себя - 5 корреляций, эмоциональный комфорт - 3 корреляции, принятие других - 2 корреляции).

Социально-психологическая адаптация как фактор эффективности воздействия проявила себя при использовании следующих приемов объяснения: «виноват бухгалтер», «отдал другу», «забыл», «сам в срок не отдает долги», «реалии бизнеса» и «без объяснения». Во всех случаях обнаруживались значимые отрицательные корреляции между адаптацией, с одной стороны, и оценками поступка и моральных качеств совершившего его лица, с другой. Таким образом, что вышеуказанные приемы оказались более эффективными в отношении респондентов с низким уровнем адаптации. Адаптивные же люди, напротив, демонстрировали устойчивость к действию приемов объяснения совершенного неэтичного проступка.

Для понимания того, в чем причина подобной устойчивостью адаптивных личностей к воздействию, рассмотрим значимые корреляции этических оценок с составляющими (подшкалами) социально-психологической адаптации. Прежде всего, отметим, что знак этих корреляций был таким же, как и в случае интегрального показателя адаптации: почти все подшкалы коррелировали негативно с этическими оценками поступка и моральных качеств предпринимателя. Исключением была подшкала Эскапизм (избегание проблем): ее корреляции с оценками поступка и предпринимателя были положительными. Но поскольку эскапизм по логике авторов опросника отрицательно связан с интегральным показателем адаптации, то подобное направление корреляций соответствует общей логике.

Наибольшее количество значимых корреляций с этическими оценками имела подшкала доминирование (13 корреляций). В основном эти корреляции относились к таким приемам как «виноват бухгалтер», «отдал другу», «сам в срок не отдает долги» и «без объяснения». Как мы видим, в отношении зависимых людей были эффективны приемы объяснения, использующие самые различные психологические механизмы. Этические оценки зависимых изменялись под воздействием просоциального оправдания («отдал другу»), простого извинения («виноват бухгалтер»), отсылки к принципу взаимности («око за око») («сам в срок не отдает долги»). Кроме того, такие люди изначально были настроены более лояльно по отношению к проступку и самому предпринимателю (речь идет о ситуации «без объяснения»). Это не удивительно, поскольку само понятие зависимости предполагает уступчивость и принятие в ситуациях межличностного взаимодействия.

Помимо доминирования с этическими оценками часто коррелировала и такая составляющая социально-психологической адаптации как интернальность (11 корреляций). Как известно, для людей с интернальным локусом контроля характерно принятие ответственности за происходящее в их жизни, объяснение результатов деятельности собственным характером и способ-

ностями. Экстерналы, напротив, приписывают причины происходящего внешним факторам: окружающей среде, судьбе или случаю.

Поскольку интерналы ответственны и предъявляют к себе высокие требования, то можно предположить, что и в других людях они ценят подобные качества, а значит негативно воспринимают проявления безответственности и неорганизованности. Если же проанализировать приемы объяснения неэтичного поступка, оказавшиеся особенно неэффективными по отношению к интерналам («забыл», «виноват бухгалтер»), то все они «репрезентируют» образ безответственного и неорганизованного человека. Таким образом, наблюдается явное несоответствие поведения предпринимателя жизненным установкам лиц с интернальным локусом контроля. Возможно именно поэтому они и дают низкие оценки порядочности поступка и предпринимателя при таких вариантах объяснения. Эти результаты свидетельствуют о том, что устойчивость адаптивных личностей к воздействию приемов объяснения неэтичного поведения во многом проистекает из присущего им интернального локуса контроля.

Как показало наше исследование, социально-психологическая адаптация человека - объекта воздействия оказалась важным фактором эффективности воздействия. Чем выше был его уровень адаптированности, тем слабее действовали на него приемы объяснения неэтичного поведения. Таким образом, низкий уровень социально-психологической адаптации сочетался с пониженной сопротивляемостью воздействию. Особенно значимым в данном отношении было наличие у человека таких психологических особенностей как зависимость и экстернальный локус контроля.

Рассмотрим, какое влияние на эффективность приемов объяснения неэтичного поведения оказывал макиавеллизм. Значимые корреляции этой переменной с этическими оценками имели место при таких вариантах объяснения как «реалии бизнеса» (2 корреляции), «забыл» (1 корреляция) и «без объяснения» (1 корреляция).

В случае использования приема «реалии бизнеса» у лиц с выраженным макиавеллизмом отмечались более позитивные оценки совершенного поступка и порядочности предпринимателя, его совершившего. Почему же этот прием оказался эффективным в отношении макиавеллистов? По нашему мнению, возможно следующее объяснение его эффективности. Имело место совпадение картины мира, на которую опирается предприниматель в своей аргументации («В мире бизнеса мало кто вовремя отдает долги») и представлений макиавеллистов о мире, считающих что большинство людей слабы, порочны, обладают слабой волей, лгут, хорошо работают только под угрозой наказания и т. д. В результате пред-

лагаемый вариант оправдания неэтичного поступка воспринимался лицами с высоким макиавеллизмом как вполне допустимый и приемлемый, что находило отражение в более высоких оценках поступка и порядочности предпринимателя.

Два других приема объяснения («забыл», «без объяснения»), наоборот, оказались неэффективными по отношению к макиавеллистам. Видимо, ссылку на забывчивость и отсутствие объяснений совершенного проступка они не посчитали веской причиной для снисхождения.

По сравнению с социально-психологической адаптацией (27 % значимых корреляций) и макиавеллизмом (14 % значимых корреляций) переменные, характеризующие субъективное экономическое благополучие (СЭБ), слабее коррелировал с этическими оценками (12 значимых корреляций из 168 максимально возможных, т. е. около 7 %). Наибольшее количество значимых корреляций с этическими оценками отмечалось для таких подшкал опросника СЭБ как Финансовая депривированность, отражающей степень достатка или недостатка финансовых средств (5 корреляций), и Экономическая тревожность, характеризующей степень выраженности финансового стресса (3 корреляции). Кроме того, с этическими оценками коррелировали следующие подшкалы: Благосостояние семьи, касающаяся субъективной оценки материального положения семьи (1 корреляция), Экономический оптимизм, свидетельствующий об оптимистической или пессимистической оценке внешних и внутренних условий изменений материального благополучия (2 корреляции), Адекватность дохода, отражающая субъективную адекватность дохода запросам и потребностям личности (1 корреляция).

Указанные корреляции отмечались для 6 приемов объяснения: «Виноват бухгалтер», «Забыл», «Отдал другу», «Реалии бизнеса», «Плохо пошли дела», «Сам в срок не отдает», «без объяснения». Почти для всех подшкал — составляющих СЭБ (за исключением Экономической тревожности) прослеживалась одна и та же закономерность: чем выше был достаток респондента, тем ниже были его оценки поступка и моральных качеств предпринимателя. Таким образом, указанные приемы были эффективны в отношении так сказать «бедных» респондентов, «богатые» же не откликнулись на эти приемы.

В проведенном исследовании на материале таких психологических характеристик как социально-психологическая адаптация, макиавеллизм и субъективное экономическое благополучие было продемонстрировано влияние психологических особенностей объекта воздействия на эффективность воздействия. Социально-психологическая адаптация человека - объекта воздействия оказалась важным фактором его устойчивости к воздействию. Чем выше был ее уровень, тем слабее дей-

ствовали приемы объяснения неэтичного поведения. Таким образом, низкий уровень социально-психологической адаптации сочетался с уязвимостью к воздействию.

В отношении макиавеллизма наблюдалась селективность действия приемов воздействия: одни приемы были более эффективны в отношении лиц с высоким макиавеллизмом, другие — с низким его уровнем. Приме-

нительно к субъективному экономическому благополучию отмечалась следующая закономерность: чем выше был материальный достаток человека, тем более устойчивым к действию различных приемов воздействия он оказывался. Таким образом, недостаток финансовых средств и перспектив их получения приводил к большей подверженности воздействию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметзянова А.И. Феномен социально-психологической адаптации в отечественной и зарубежной науке: история изучения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2018. Т 12. № 2. С. 5-10.
2. Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 16-22.
3. Каменева Г.Н. Особенности социально-психологической адаптации студентов // Вестник РУДН. серия Психология и Педагогика, 2015. № 1. С. 67-70.
4. Ларионова С.А. Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель и диагностика: монография. Белгород, 2002. 200 с.
5. Латынов В.В. Психология коммуникативного воздействия - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
6. Латынов В.В. Психологические закономерности объяснения неэтичных поступков // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 61-70.
7. Латынов В.В. Пол как фактор эффективности воздействия // Психология дискурса. Проблемы детерминации, воздействия, безопасности. Сер. «Труды Института психологии РАН» Под редакцией А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. Москва, 2016. С. 143-161.
8. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. - М. Изд-во Института Психотерапии. 2005.
9. Хащенко В.А. Психология экономического благополучия - М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2012.
10. Briñol P., Petty R.E. Individual differences in persuasion // The Handbook of Attitudes and Attitude Change / D. Albarrachin, B. T. Johnson, M. P. Zanna (eds). Hillsdale, NJ: Erlbaum. 2005. P. 575–616.
11. Chang C. Self-congruency as a cue in different advertising-processing contexts // Communication Research. 2002. V. 29. P. 503–536.
12. Chen, J., Haber, E., Kang, R., Hsieh, G., Mahmud, J. Making use of derived personality: the case of social media ad targeting // Proceedings of the Ninth International AAAI Conference on Web and Social Media. 2015. P. 51-60.
13. Crano, W.D., Gardikiotis, A. Attitude formation and change // Wright, J.D. (Ed.). International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2nd edition, V. 2. Oxford: Elsevier. 2015. P. 169–174.
14. Gunnthorsdottir A., McCabe K., Smith V. Using the machiavellianism instrument to predict trustworthiness in a bargaining game // Journal of Economic Psychology. 2002. V. 23. P. 49–66.
15. Krotzek, L.J. Inside the voter's mind: The effect of psychometric microtargeting on feelings toward and propensity to vote for a candidate // International Journal of Communication. 2019. V. 13. P. 3609–3629.
16. Matz, S., Kosinski, M., Nave, G., Stillwell, D. Psychological targeting as an effective approach to digital mass persuasion // Proceedings of the National Academy of Sciences U.S.A. 2017. V. 114. P. 12714–12719.
17. Shultz J. S. Situational and dispositional predictions of performance: A test of the hypothesized Machiavellianism X structure interaction among sales persons // Journal of Applied Social Psychology. 1993. V. 23. P. 478–498.

© Латынов Владислав Викторович (vladlat5@lenta.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЫЗЫВАНИЕ РЕЧИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА ПОСРЕДСТВОМ ПРИЕМОВ СЕНСОМОТОРНОГО РАЗВИТИЯ

THE EVOCATION OF SPEECH IN PRESCHOOL CHILDREN WITH DISORDERS AUTISTIC SPECTRUM THROUGH TECHNIQUES SENSORIMOTOR DEVELOPMENT

**S. Leshchenko
N. Peshkova**

Summary: The article reveals the relevance of studying the speech development of preschool children with autism spectrum disorders and developing a program to induce speech in this category of children through sensorimotor development techniques. The features of the development of expressive speech in preschool children with autism spectrum disorders are considered. The program for speech evocation in this category of preschoolers by means of sensorimotor development techniques is described in detail, and the evaluation of the program's effectiveness is presented. This article will be of interest to specialists working with preschoolers with autism spectrum disorders.

Keywords: preschool children with autism spectrum disorders, expressive speech, sensorimotor development, correctional and developmental work.

Лещенко Светлана Геннадьевна

*К.псих.н., доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
svet-lanal@mail.ru*

Пешкова Наталья Александровна

*К.псих.н., доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
na_peshkova@mail.ru*

Аннотация: В статье раскрыта актуальность изучения развития речи дошкольников с расстройствами аутистического спектра и разработки программы по вызыванию речи у данной категории детей посредством приемов сенсомоторного развития. Рассмотрены особенности развития экспрессивной речи у дошкольников с расстройствами аутистического спектра. Подробно описана программа по вызыванию речи у данной категории дошкольников посредством приемов сенсомоторного развития, а также представлена оценка эффективности программы. Данная статья будет интересна специалистам, работающим с дошкольниками с расстройствами аутистического спектра.

Ключевые слова: дошкольники с расстройствами аутистического спектра, экспрессивная речь, сенсомоторное развитие, коррекционно-развивающая работа.

Введение

В последнее время в мире возрастает число детей с различной патологией. Среди многочисленных форм нарушений развития проблема расстройства аутистического спектра (РАС) является одной из наиболее актуальных.

Расстройство аутистического спектра всегда является последствием неврологического нарушения центральной нервной системы ребенка. Как самостоятельное проявление, без неврологической причины, РАС существовать не может.

Одно из серьезных нарушений при РАС – это нарушение развития речи. Речь, как наиболее молодая функция центральной нервной системы, страдает в болезни в первую очередь и восстанавливается постепенно, поэтапно. Исходя из вышеописанных фактов, предлагаем направить все усилия на развитие и коррекцию гнозиса, праксиса детей с РАС, что повысит их эмоциональный тонус, и будет активизировать центральную нервную

систему. А также рекомендуем стимулировать речевое развитие аутичных детей путем занятий по физическому, сенсорному и музыкальному воспитанию.

Литературный обзор

Фундаментом умственного развития ребенка является сенсорное воспитание. Зрение, слух, обоняние и другие виды чувствительности входят в состав чувственного познания, разные уровни которого – ощущение, восприятие и представление – образуют его структуру.

Г. Фолькельт, Ф. Крюгер показали, что восприятие на ранних ступенях неотделимо от эмоциональной реакции. Ф. Крюгер предложил назвать восприятие «чувствоподобным» и отметил, что лишь с течением времени восприятие постепенно освобождается от связи с непосредственным аффектом, то есть с непосредственной эмоцией ребенка [2].

Многие исследования природы и структуры особенностей развития детей с РАС подтверждают гипотезу

о гиперсензитивном восприятии, свойственном им на ранних этапах онтогенеза. При РАС большинство поступающих сенсорных сигналов воспринимаются как избыточные, ребенок вынужден обучаться процессам «игнорирования», снижения интенсивности поступающего сигнала. Формируется механизм защиты от «внешних воздействий». Вместо последовательного развития и совершенствования сенсорных систем в направлении изучения окружающего мира развивается механизм игнорирования внешних сигналов. Ребенок с РАС тренирует механизмы фиксации, добиваясь максимального самопоглощения свойствами выделяемого объекта. То есть дети воспринимают минимум сенсорной информации, избегают яркие сенсорные стимулы, не формируется синтез различных сенсорных систем, бинакулярное зрение и бинауральный слух, но формируются аутостимулирующие, «замещающие» и «подкрепляющие» стереотипии.

В зависимости от тяжести дефекта РАС во многом оказывает влияние на различные стороны развития детей: могут возникнуть трудности при формировании познавательных процессов, нарушается воображение, речевое развитие, отмечаются проблемы при мыслительных операциях, трудности в общении, может происходить нарушение социального и эмоционального взаимодействия в эмоционально-волевой и сенсорной сферах.

РАС накладывает на процесс познания окружающего мира определенный отпечаток, вносит специфику, проявляющуюся в динамике развития и накопления языковых средств, выразительных движений, своеобразии соотношения слова и образа, содержания лексики, некотором отставании формирования речевых навыков, не остаются в стороне и проблемы при формировании словаря, лексической, фонетической грамматической стороны речи, все это сказывается на общем развитии ребенка.

Проблемами РАС в нашей стране занимались В.М. Башина [1], К.С. Лебединская [3], М.М. Либлинг [4], С.С. Мнухин [6], О.С. Никольская [8] и другие. Самое раннее упоминание об аутизме (1943г.) принадлежало американскому клиническому психологу Л. Каннеру. Параллельно ему, педиатр из Австрии Г. Аспергер в 1944 году описал этот синдром. А в 1947 году русский исследователь С.С. Мнухин предоставил свою работу по данной проблеме [6].

В настоящее время наиболее известными и авторитетными работами по РАС являются труды К.С. Лебединской [3], О.С. Никольской [8], М.М. Либлинг [4]. О.С. Никольской принадлежит классификация детей с РАС, учитывающая степень проявлений аутизма [8].

Все ученые отмечают особый характер нарушений

речи, и в первую очередь подчеркивается нарушение ее коммуникативной функции: имеющиеся речевые возможности не направлены на социальное взаимодействие, а при отсутствии речи ни жест, ни мимика не используются в целях компенсации.

Несмотря на увеличение в последнее время исследований, связанных с выявлением особенностей развития детей с РАС, проблема развития речи данной категории детей изучена недостаточно, несмотря на то, что сейчас наиболее часто встречаются именно неречевые дети с РАС. По данным зарубежных авторов (Л. Каннер, С. Эдельсон, Б. Римланд и др.), мутизм отмечается примерно у 50% детей с РАС, отечественные авторы чаще указывали частоту в 25-30% (Т.И. Морозова, К.С. Лебединская, О.С. Никольская и др.), но в последние годы появилось все больше оснований согласиться с западными коллегами. Таким образом, в настоящее время остро существует потребность в разработке программы по вызыванию речи у дошкольников с РАС посредством приемов сенсомоторного развития.

Методы исследования

Для решения поставленных целей и задач в работе использовались следующие методы исследования:

- организационные: сравнительный, лонгитюдный;
- эмпирические: психолого-педагогический эксперимент в единстве трех этапов; психодиагностические (С.С. Морозова, С.В. Исханова, О.С. Никольская, Л.Г. Нуриева, М. Уокер) [7].
- анализ продуктов речевой деятельности;
- количественный и качественный анализ результатов исследования;
- интерпретационные методы.

Морозова С.С. предлагает диагностировать импресивную и экспрессивную стороны речи, как в спонтанной ситуации, так и в направленном обследовании [7]. Для обследования импресивной речи в спонтанной ситуации берутся параметры понимания высказываний, которые содержат аффективно значимые слова, выполнение инструкций в контексте ситуации и выполнение инструкций вне контекста. В направленном обследовании Морозова С.С. применяет параметры понимание названий предметов, понимание названий действий и понимание названий качеств предметов. При обследовании экспрессивной стороны речи в спонтанной ситуации берутся параметры вокализации внегортанные и звукообразные, подражание, выражение желаний, собственные высказывания. Экспрессивная речь оценивается по следующим параметрам: подражание, произносительная сторона речи, лексика, грамматическая структура речи.

Исследование было осуществлено в два этапа:

Первый этап – наблюдение за детьми, организация и проведение констатирующего этапа эксперимента на основе выделенных параметров и критериев оценок.

Второй этап – исследование на основе взаимодействия с ребенком.

В исследовании приняли участие 10 дошкольников с расстройствами аутистического спектра.

Ход эксперимента и его результаты

Анализ продуктов речевой деятельности показал, что у дошкольников с РАС отмечается низкий уровень речевого развития. Понимание названий предметов если присутствует, то на бытовом уровне или в рамках своей темы. Отсутствует понимание действий и качеств предметов. Видно, что уровень развития пассивного словаря у детей с РАС выше, чем активного. Экспрессивная речь отсутствует у всех продиагностированных детей. У детей с РАС при ряде речевых нарушений отмечается общая моторная недостаточность, выраженная в разной степени, а также отклонения в развитии движений пальцев рук. Так как, формирование речевых областей совершается под влиянием кинестетических импульсов от пальцев рук и всего тела в целом, мы предусматриваем коррекционно-развивающие мероприятия в данном направлении.

Цель программы: стимуляция речевой активности детей с РАС посредством приемов сенсомоторного развития.

Задачи программы:

1. формирование и развитие речевой активности;
2. создание доверительных отношений детей со взрослыми (ведущим группы и помощниками), формирование и развитие взаимодействия детей с РАС с педагогами;
3. смягчение общего фона сенсорного и эмоционального дискомфорта, тревоги, страхов;
4. физическое развитие (расширение индивидуального двигательного опыта ребенка, воспитание физических качеств, развитие координации движений, равновесия, умения ориентироваться в пространстве, развитие мелкой моторики, укрепление здоровья ребенка, поддержание у него бодрого жизнерадостного настроения);
5. сенсорное воспитание (развитие и уточнение зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса, барического чувства и стереогноза);
6. развитие интереса к изобразительной деятельности, музыке;
7. формирование целенаправленного поведения.

Форма организации образовательного процесса – групповая и содержит три блока.

Первый блок занятия проходит в сенсорной комнате, где происходит прием детей в группу, реализуется свободная деятельность детей, приветствие на наборном полотне, отметка в календаре и игры в кругу. «Круг» включает в себя следующие игры и упражнения: приветствие (на данном этапе происходит формирование указательного жеста и других способов несловесной коммуникации. Для вызывания речи и стимуляции речевой активности мы используем стихотворения с вопросами и ответами, повторами и восклицаниями. Данные игры и стихи способствуют развитию умения сказать «я» и указать на себя); ритмические игры с эмоциональным заражением (эмоциональное заражение способствует вызыванию речи: учим детей понимать смысл самых простых слов и произносить их. При рассказывании стихов-потешек, взрослые сопровождают их простыми действиями (раскачивания, наклоны, хлопки) и вовлекают детей в эти движения); сенсорные игры (способствуют развитию коммуникативных возможностей, стимуляции речевой активности, развитию познавательного интереса и сенсорно-двигательной активности ребенка. Передавая по кругу звучащую или вибрирующую игрушку, шишку, раковину с «шумом моря», баночки с запахами, зеркальце и т.д., учим детей пониманию простых действий: «дай, возьми, на» [9]); игры на подражание (развитие речевого подражания, развитие мелкой и крупной моторики, научение детей повторять движения отраженно. Особое внимание уделяется побуждению ребенка к проявлению собственной активности, запоминанию сложных моторно-двигательных программ, специальным упражнениям (например, стимулирующим межполушарное взаимодействие). Дети с тяжелыми нарушениями развития учатся брать игрушку, совершать с ней простые игровые действия, ставить ее в определенное место. Одно и то же действие поочередно выполняется каждым ребенком, как, например, в играх «Ты, веревочка, крутись...», «Строим дом». В играх с предметами дети могут усвоить бытовые подробности, важные для развития представлений об окружающем их предметном мире (например, «Одеваем куклу»). Детям с выраженными нарушениями психо-эмоционального развития предлагают передавать друг другу интересную игрушку. В этом случае взаимодействие между участниками Круга становится более активным, дети положительно воспринимают друг друга); игры по правилам (развитие коммуникативных способностей, понимание и выполнение простых речевых инструкций. Один из детей исполняет роль водящего. Чаще всего эта роль сводится к совершению одного действия – кинуть мячик кому-нибудь, найти игрушку, спрятанную у другого, выбрать кого-то из детей и позвать его к себе. Становясь водящим в игре, ребенок оказывается в поле внимания других детей. Он должен проявить себя, совершить выбор. Таким образом, у ре-

бенка развивается представление о собственном «я»); окончание Круга (формирование различных способов коммуникации и взаимодействия детей друг с другом. Дети и взрослые становятся в круг и, держась за руки, увеличивают его. После того как все максимально расходятся, «пузырь лопаётся» со звуком «Ш», и круг опять становится маленьким).

Ведущим специалистом этого блока является логопед, а дефектолог и психолог выступают в роли помощников.

Важным элементом среды является ее эмоциональное и сенсорное наполнение. Для занятия подбираются игры, которые содержат разнообразные сенсорные воздействия (в том числе тактильные). Эмоциональная насыщенность – необходимое условие проведения Круга. Взрослые «заражают» детей своими эмоциями, стремятся все время находиться в контакте с ними. Организовать внимание и активность детей в Кругу помогает ритм. Он побуждает ребенка к активности, деятельности. Аутичным детям, для которых ситуация общения является очень напряженной, ритм дает возможность сначала просто удержаться в ней, а потом и начать участвовать [5].

Целью второго блока занятия является коррекция психического развития ребенка с помощью методов сенсорной стимуляции (в работе используются настольно-печатные игры, работа с сенсорными альбомами, упражнения на развитие графомоторных навыков, продуктивная деятельность (рисование, аппликация, лепка). Занятия направлены на стимуляцию развития и уточнения чувственного опыта детей, развитие мотивации к активной познавательной деятельности, снижение агрессии, тревожности. Развитие сенсорной чувствительности – необходимое условие для дальнейшей успешной работы по коррекции уровня психофизического развития ребенка. Все действия во время занятий сопровождаются четкими и понятными речевыми инструкциями.

Третий блок – музыкальное или физкультурное занятие.

Работа по физическому воспитанию проводится один раз в неделю в физкультурном зале, длительность занятия составляет 30 мин.

Основными задачами по моторно-двигательному развитию являются: развитие кинестетического восприятия, стимулирование двигательной активности, формирование представления о собственном теле, развитие ориентировки в пространстве и координации движений обеих рук, рук и ног, формирование умения выполнять движения по подражанию, по образцу, по команде, фор-

мирование ритмичности движений и умения выполнять движения под музыку.

Работа по музыкальному воспитанию проводится один раз в неделю музыкальным руководителем по своей утвержденной программе, длительность занятия составляет 30 мин.

Занятия способствует коррекции эмоциональной и сенсорной сферы, внимания, речи, представлений об окружающей действительности, произвольности, серийности и выразительности движений и пр.

Также к основным задачам по музыкальному воспитанию относятся: релаксация психологического тонуса, переживание собственной успешности в музыкальной деятельности, развитие чувства ритма и музыкального восприятия (высота, сила, темп), развитие умения прислушиваться к звучанию музыкальных инструментов и самостоятельно действовать звучащими игрушками, инструментами, воспитание у детей интереса к музыкальным занятиям, желания участвовать в музыкальных играх, поддержание активности детей, стимулирование увлеченности и заинтересованности на занятиях.

Каждый блок занимает по 30 минут. Продолжительность одного занятия – 1 час 30 минут; периодичность – два раза в неделю.

Все занятия необходимо проводить в присутствии родителей или помощников. Выступая в роли активных участников игр, взрослые поддерживают интерес к игре, помогают каждому ребенку чувствовать себя комфортно.

Для оценки результативности и эффективности составленной нами программы, направленной на вызывание речи у дошкольников с РАС было проведено повторное обследование речи у детей экспериментальной группы. При этом характер предлагаемых заданий остался неизменным.

Анализ результатов проведенной нами работы на контрольном этапе эксперимента показывает, что у детей с РАС при исследовании пассивного запаса речи улучшилось понимание высказываний, содержащих значимые слова, они стали лучше выполнять инструкции в рамках ситуации, больше понимать названия действий, но не качеств предметов. При исследовании активного запаса речи больше детей смогли ситуативно образовывать звуки и произносить слово. Следовательно, систематическая, последовательная и целенаправленная работа по вызыванию речи у детей с РАС посредством приемов сенсомоторного развития эффективна, но требует более длительного времени на реализацию.

Заключение

Представленные результаты свидетельствуют о необходимости проведения работы по вызыванию речи у детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра посредством приемов сенсомоторного развития. Благодаря эмоциональному заражению дети с

РАС начинают постепенно воспринимать сенсорную информацию, активизируя центральную нервную систему. Таким образом, путем занятий по физическому, сенсорному и музыкальному воспитанию идет и стимуляция речевого развития детей с РАС, так как речь является одной из функций центральной нервной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башина В.М. Аутизм в детстве. М.: Медицина, 1999.
2. Выготский Л.С. Лекции по психологии. СПб.: Союз, 1997. 144 с.
3. Лебединская К.С., Никольская О.С. Диагностика раннего детского аутизма. М.: Просвещение, 1991.
4. Либлинг М.М. Подготовка к обучению детей с ранним детским аутизмом Дефектология, 1998, № 1. С. 69
5. Мамайчук И.И. Психокоррекционные технологии для детей с проблемами в развитии. М.: Генезис, 2010. 400 с.
6. Мнухин С.С., Зеленецкая А.Е., Исаев Д.Н. О синдроме «раннего детского аутизма» или синдроме Каннера у детей // Ж-л невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1967. № 10 С. 1501-1506.
7. Морозова С.С. Аутизм: коррекционная работа при тяжелых и осложненных формах М.: Гуманитар, ВЛАДОС, 2007. 176 с.
8. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок. Пути помощи. М.: Теревинф, 2000.
9. Янушко Е.А. Игры с аутичным ребенком. Установление контакта, способы взаимодействия, развитие речи, психотерапия. М.: Теревинф, 2004.

© Лещенко Светлана Геннадьевна (svet-lanal@mail.ru), Пешкова Наталья Александровна (na_peshkova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

ETHNOCULTURAL FEATURES OF THE INTELLECTUAL EDUCATION OF CHILDREN

*I. Muskhanova
A. Yahyaeva*

Summary: This article analyzes the development of children's intellectual abilities in an ethnocultural educational environment. It is emphasized that communication, language, family, and learning are the structural components of the development of children's intellectual abilities.

Keywords: intellectual abilities, development, family, children, ethnocultural educational environment.

Мусханова Исита Вахидовна,

*Д.п.н., профессор, ФГБОУ ВО Чеченский государственный педагогический университет,
vinter_65@mail.ru*

Яхьяева Амина Хасановна,

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО Чеченский государственный педагогический университет
amina.sp@mail.ru*

Аннотация: В данной статье проводится анализ развития интеллектуальных способностей детей в этнокультурной образовательной среде, подчеркивается, что структурными компонентами развития интеллектуальных способностей детей выступают общение, язык, семья, обучение, рассматриваются категории «Лела хаар», «Кхетам», «Хьекъал».

Ключевые слова: интеллектуальные способности, развитие, семья, дети, этнокультурная образовательная среда.

Главными векторами развития образования является необходимость сохранения гуманистических традиций и этнической самобытности народа. В связи с этим необходимо исследовать и выявлять образовательный и воспитательный потенциал этнической культуры для внедрения в учебно-воспитательный процесс общеобразовательных учреждений. Развитие интеллектуальных способностей детей – сложный процесс расширения и углубления отличительных особенностей интеллектуальной системы. Это и объем рабочей памяти, и способность к прогнозированию, логика, умение дифференцировать информацию, гибкость и подвижность ума, критичность и широта мышления, а также социальный интеллект.

Как известно, в психологической науке интеллект определяется как способность к познанию, эффективно-му решению задач, адаптация в условиях быстро меняющегося мира. В контексте вышесказанного главная задача современной школы заключается в подготовке подрастающего поколения к конкурентоспособной жизни в современном мире. А это во многом определяется качеством учебно-воспитательного процесса, направленным на передачу обучающимся этнокультурного опыта.

В связи с этим, нами в данной статье поставлена цель - выявить механизмы, способствующие развитию интеллектуальных способностей в этнокультурной образовательной среде. Прежде чем говорить о компонентах развития интеллектуальных способностей в этнокультурной образовательной среде необходимо рассмотреть понятие «этнокультурная образовательная среда» являющееся концептуальным в психолого-педагогическом дискурсе.

Воздействие этнокультурной образовательной среды на развитие интеллектуальных способностей рассматривалось в трудах зарубежных и отечественных педагогов, психологов: К.А. Гельвеция, Я.А. Коменского, Р. Оуэна, Ж.Ж. Руссо, П.Ф. Каптерева, О.Б. Крупениной, Л.Н. Толстого, В.П. Шульгина и др. Современные исследования проблемы отмечаются в работах Г.Н. Волкова, О.Д. Мукаевой, А.Б. Панькина, И.В. Мусхановой.

С точки зрения П.Ф. Каптерева педагогический процесс должен быть обусловлен национальными ценностями (язык, традиции, обычаи, быт), нужно развивать в детях этническую идентичность [2].

В культурно-исторической концепции Л.С. Выготского отмечается значимость интеллектуального развития детей, которое основывается на родной культуре. Национальное самосознание, этническая идентичность, навыки межнационального общения – являются показателем развития интеллектуальных способностей детей [1]. А.Б. Панькин в работе [3] этнокультурную среду рассматривает как средство воспитания, развития детей.

В чеченской народной педагогике особое место занимает интеллектуальное и умственное воспитание личности. С самого раннего детства ребенок в чеченском обществе находится в условиях обучения: как вести себя по отношению к родителям, взрослым, ровесникам и т.д. [4].

Формирование этнокультурной личности происходит, в первую очередь, в семье. На ранних этапах социализации ребенок усваивает модель поведения, демонстрируемую взрослыми. Интеллектуальное воспитание связано с умением вести себя [6].

Развитие интеллектуальных способностей в этнопедагогике чеченцев имеет большое значение для решения проблем воспитания в современной школе. Опыт народной педагогики чеченцев отражает бытовые условия, менталитет и национальные чувства народа. Народная педагогика чеченцев представляет собой опыт традиционного воспитания, накопленный на протяжении длительного времени. Следует отметить, что главным в развитии и воспитании чеченцев – закрепление у детей уважение, чувства долга и чести, скромность и т.д. Важным условием жизнедеятельности чеченского народа является хозяйственная деятельность. В этнопедагогике чеченцев воспитание – это не только трудовые навыки и умения, но также культура общения, творческая самореализация. Таким образом, народная педагогика отражает опыт воспитания, образования и бытовой уровень народа, народная педагогика теоретически не осмыслена. А этнопедагогика – это теоретическое, обобщенное осмысление народной педагогики.

На наш взгляд, развитие интеллектуальных способностей детей в этнокультурной образовательной среде – способность к успешной адаптации учебном, трудовом коллективе, а также в условиях инокультурного воздействия. Структурными компонентами развития интеллектуальных способностей детей в этнокультурной образовательной среде являются: язык, национальное самосознание, традиции, обычаи, система ценностей, нормы, этническая идентичность. В этнокультурной образовательной среде чеченцев уровень развития интеллектуальных способностей детей определяется категорией «Лела хаар» - умения себя вести в обществе, дома, в гостях. «Лела хаар» взаимосвязано с категориями «Кхетам» - разум, сознание и «Хьекъал» - ум, интеллект.

Понятие «Кхетам» (разум, сознание) чеченцы понимают как объем знаний, умение анализировать, уровень развития мышления. «Хьекъале стаг» (умный человек) должен обладать такими качествами как настойчивость в познавательной деятельности, самостоятельность, умение применять знания на практике, инициативность и настойчивость. У чеченцев бытует мнение, что «хьекъал»

(ум) во многом обусловлен наследственными факторами. Понятие «Кхетам» (сознание) шире, чем хьекъал (ум). «Кхетам болу стаг» – это человек, имеющий глобальное мышление, умеющий не только анализировать, но и прогнозировать события. С «кхетам» связано умение следовать собственным этническим традициям, адаптироваться в инокультурной среде. Кхетам включает в себя не только пылливый ум, наблюдательность и смекалку, но это еще показатель собственной организации интеллектуального и личностного развития.

В чеченском обществе корреляция «Кхетам» и «Хьекъал» наглядно демонстрируется поведенческим компонентом (Лела хаар) (умение вести себя). У чеченцев «Лела хаар» проявляется и в коммуникативном поведении, которая строго регламентирована по принципу: старший-младший; мужчина-женщина; родители-дети; муж-жена и т.д. Бестактность, допущенная в перечисленной нами иерархии, позволяет выносить оценочные суждения о «Лела хаар». Совокупность категорий «Лела хаар», «кхетам», «хьекъал» формирует представление чеченцев о совершенной личности, наивысшей нравственности степень, которой проявляется в «Нохчалла» (чеченскость).

Как известно, семейное воспитание, ориентированное на формирование смысловой сферы, нравственных норм и жизненных принципов, является определяющим в жизни каждого человека. В контексте вышесказанного огромное значение имеет этнопедагогика семьи, где в наибольшей мере представлены духовные и, прежде всего, идейно-нравственные ценности народа, идеалы добра и красоты, нравственно - этическое восприятие им действительности: отношение к семье, к роду как к ближайшему окружению человека, этносу и межэтнические взаимоотношения [5].

Таким образом, этнокультурная образовательная среда формирует знания в области родной культуры, культуры других народов, развивает этнокультурную идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 3. –М., 1983.
2. Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения. –М., 1982
3. Панькин А.Б. Этнокультурная коннотация образования: монография. Элиста: Изд-во Калм. Гос. Ун-та, 2009. С.380
4. Муханова И.В. Использование этнопедагогических знаний чеченцев в гуманистическом воспитании молодежи.// Монография. Назрань, 2009. 162 с.
5. Муханова И.В. Психолого-педагогические условия формирования этнокультурной личности в семье. Журнал «Психология и психотехника». 2011. № 5 (32). С. 81-84.
6. Яхьяева А.Х. Интеллектуальное развитие детей в чеченской семье. Сборник: Актуальные проблемы современной семьи: теория и практика Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). 2016. С. 260-265.

© Муханова Исита Вахидовна (vinter_65@mail.ru), Яхьяева Амина Хасановна (amina.sp@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПТИМИЗАЦИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ В СТРУКТУРЕ ПРОГРАММЫ РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ ИНСУЛЬТОМ

OPTIMIZATION OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL CONSTRUCTS IN THE STRUCTURE OF THE PROGRAM OF REHABILITATION OF STROKE PATIENTS

**S. Rybnikova
E. Nikolaev**

Summary: The analysis of literary data concerning issues of psychology of rehabilitation of stroke patients was carried out. The author conducted a study assessing the need to differentiate the directions of psychological assistance to patients with different localisation of the lesion focus. The author emphasizes that disorders caused by stroke need competent psychological assistance. It is proposed to pay attention to the integration of psychophysiological constructs during the development of correction programs.

Keywords: stroke, stroke patients, rehabilitation, psychological rehabilitation.

Рыбникова Светлана Михайловна,

аспирант, Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары,
rybnikova_sm@mail.ru

Николаев Евгений Львович,

Д.м.н., профессор, Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Аннотация: Проведен анализ литературных данных, касающихся вопросов психологии реабилитации инсультных пациентов. Автором проведено исследование, оценивающее необходимость дифференцировать направления психологической помощи больным с различной локализацией очага поражения. Автором подчеркивается, что нарушения, вызванные инсультом, нуждаются в грамотной психологической помощи. Предлагается, при разработке программ коррекции, уделить внимание моделированию психофизиологических конструктов.

Ключевые слова: инсульт, инсультные пациенты, реабилитация, психологическая реабилитация.

Реабилитация больного человека представляет собой многовековую проблему, однако вместе со становлением современного человека нарастает его зависимость от новых факторов его бытия и многогранной деятельности, приводящей часто к новым формам заболеваний. Одним из феноменов, перечёркивающих нормальную жизнедеятельность человека, является инсульт, проявляющий себя не только как нарушение мозгового кровоснабжения, но и физическое разрушение коры головного мозга, деформация её структуры. Известно, что это заболевание проявляло себя как результат разрушения кровеносных сосудов в различной форме. Диалектический подход к этой проблеме подсказывает, что для предотвращения или избавления человека от инсульта, прежде всего, надо выяснить его причину, далее, осмыслить механизм его проявления в психофизиологической деятельности человека и научиться выявлять и упреждать тенденции развития, прогрессирования заболевания. Все три перечисленных момента исследования проблемы инсульта отвечают целостному принципу системности необходимой медикосоциальной помощи человеку в условиях напряжённой его жизнедеятельности, приводящей к поражению центральной нервной системы, а как следствие этого – психо-физиологические функциональные расстройства. Проявляется это в виде потери трудоспособности, инвалидности. Одной из важных психосоциальных задач, связанных с людьми, перенесшими инсульт,

является их реабилитация и возвращение к нормальной жизнедеятельности.

Мы полагаем, что арсенал методов восстановления, несмотря на свой широкий спектр и богатое содержание, требует дальнейшего наращивания, поскольку картина инсультного проявления, с возрастанием научно-инструментальных возможностей современной медицины, раскрывает новые аспекты природы инсульта. Особенно актуальным на наш взгляд является системный анализ психофизиологического фактора реабилитации.

Целью исследования является моделирование психофизиологических конструктов, встраиваемых в программу восстановления, позволяющих выявить их функциональные связи с факторами реабилитации деятельности мозга, рассматриваемого как высшая психическая форма, результат функционирования и взаимодействия двух полюсов в контексте решения задач нейропсихологической реабилитации.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи.

1. Осмыслить и предложить различные модели психофизиологических конструктов. Определить исследуемые параметры.
2. Экспериментально исследовать выбранные кон-

структы на предмет выявления связи с факторами реабилитации деятельности мозга на уровне высших психических форм

3. Показать результаты влияния конструкторов левого полушария и правого полушария по отдельности и во взаимодействии на результаты реабилитационного процесса.
4. Предложить принципы оптимизации программы реабилитации путём структурирования и использования психофизиологических конструкторов воздействия на комфорт жизни.

Общее количество включенных в исследование пациентов составило 180, находившиеся в остром периоде нарушения мозгового кровообращения. Проходившие обследование и лечение стационарно. Длительность нарушения составил от трех до 16 дней. Были взяты пациенты от 48 до 65 лет с геморрагическими и ишемическими формами инсульта, подтвержденными нейровизуальными и клиническими способами. Среди них 60 пациентов, перенесших левополушарный инсульт, и 60 пациентов, перенесших правополушарный инсульт. Контрольную группу пациентов составили больные, в количестве 60 человек, которые не проходили реабилитационные мероприятия, получали только симптоматическое лечение.

Критерия для исключения и препятствующие реабилитационной работе явились выраженные когнитивные нарушения, тотальная афазия, а также эпилептического синдрома. Исследование проводилось в ранний реабилитационный период. Согласие на психологическое исследование было получено отдельно у каждого [5, с. 33].

В процессе ранней реабилитации в условиях стационара перенесших острое нарушение мозгового кровообращения использовали комплекс по психологическому консультированию, психологической коррекции, релаксационные упражнения с применением аутогенной тренировки, активно применяли БОС – терапию. Занятия проводились как в индивидуальной, так и групповой форме.

Эффективность оценивалась в течении двух недель, анализируя до и после прохождения мероприятий.

Методы исследования. Состояние функций центральной нервной системы оценивалось с помощью классических методов пато- и нейропсихологического исследования. Использовалась методика краткая шкала оценки психического статуса (MMSE), анкетирование динамики жалоб. Изучение эмоциональной сферы проводилась при помощи HADS (госпитальной шкалы оценки тревоги и депрессии), методики реактивной тревожности Спилберга – Ханина [4, 9].

Статистический анализ расчетов достоверности различий производился с применением Хи – квадрат Пирсона, который проверяет значимость расхождения эм-

пирических от теоретических, с использованием пакета «Статистика» Microsoft Excel.

Проводился сравнительный анализ показателей, полученных при изучении пациентов с левополушарной и правополушарной локализацией очага поражения. Исследование распределения статистики.

Результаты исследования Анкетирование. До начала терапии, у пациентов, с пострадавшим левым полушарием (далее ЛП) из 60 человек жалобы предъявляли 47. После терапии – 29 человек. Практически в 2 раза снижение жалоб.

До начала терапии, у пациентов, с пострадавшим правым полушарием (далее ПП) из 60 человек жалобы предъявляли 45 человек. После терапии – 26 человека.

Жалобы на нарушение сна:

- в группе ЛП, до терапии – 18 человек. После – 15 человек. Не значительный положительный эффект;
- в группе ПП, до терапии – 36. После – 22 человека. Достаточно значительная положительная динамика, которая качественно влияет на качество жизни;
- в контрольной группе, до терапии – 23. После – 21 человек. Не значительная динамика, связанная с субъективной оценкой.

Нарушение памяти:

- в группе ЛП, до терапии – 47. После - 36 человек. За 14 дней улучшение высшей нервной деятельности (далее ВНД) у 9 человек – отличный результат;
- в группе ПП, до терапии – 32. После – 27 человек. Не такая хорошая динамика, но она положительная, что делает прогноз на реабилитацию лучшим;
- в контрольной группе, до терапии – 30, после – 19 человек. Значительный прогресс.

Эмоциональный фон:

- в группе ЛП, до терапии и после терапии статистически значимых результатов не обнаружено. Большая часть исследуемых была в стабильном эмоциональном фоне – 42 человека. После – 45- в группе ПП, до терапии было всего лишь 25 человек со стабильным эмоциональным фоном, а с пониженным 29 человек. После терапии – 53 человека со стабильным и лишь 7 со сниженным.

В контрольной группе не удалось получить значимых результатов, пациенты из сниженного эмоционального состояния перешли в категорию повышенного эмоционального состояния.

Жалобы на головные боли:

- в группе ЛП, до терапии – 13 человек. После – 3;
- в группе ПП, до терапии – 20 человек. После – 1.

В контрольной группе не удалось получить показательных результатов.

Значительный прогресс в плане снятия болевого синдрома, что позволяет пациентам не отвлекаться и не концентрироваться на болях. Быть в тонусе и сохранять позитивный настрой. Также пациенты сразу отмечают эффект от лечения и могут надеяться на выздоровление.

Из данных анкетирования получается, что с пациентами необходимо работать практически сразу, чем раньше начинать терапию, тем лучше результаты. Считаем, что важно внимательно относиться ко всем указанным пара-

метрам, не забывая, что пациент может зафиксироваться на своих жалобах и будет проблематично работать с ним дальше. Результаты методики MMSE приведены в таблице 1.

Как видно из данных таблицы 1 – отмечается улучшение когнитивных способностей у пациентов с поражением ЛП более чем в 2 раза. Но что важнее, из группы преддеменционных нарушений значительное количество пациентов «переведено» в первую группу.

Результаты методики исследования реактивной тревожности Спилбергера - Ханина приведены в таблице 2.

Таблица 1

Результаты методики MMSE

ПДО MMSE	ЛП (до), n=60 чел		ЛП (через 14 дней), n=60 чел		Хи-кв.	p-уров.
	n	%	n	%		
Нет нарушений	8	13,3	39	65	33,61	0,01
Преддем.когн. нарушения	52	86,7	21	35		
ПДО MMSE	ПП (до), n=60 чел		ПП (через 14 дней), n=60 чел		Хи-кв.	p-уров.
	n	%	n	%		
Нет нарушений	24	40	31	51,6	1,64	0,20
Преддем.когн. нарушения	36	60	29	48,4		
ПДО MMSE	Контроль (до), n=60 чел		Контроль (через 14 дней), n=60 чел		Хи-кв.	p-уров.
	n	%	n	%		
Нет нарушений	8	13,3	11	18,3	0,56	0,45
Преддем.когн. нарушения	52	86,7	49	81,7		

Таблица 2

Результаты методики исследования реактивной тревожности Спилбергера - Ханина

Реактивная тревожность	ЛП (до), n=60 чел		ЛП (через 14 дней), n=60 чел		Хи-кв.	p-уров.
	n	%	n	%		
Низкий уровень	19	31,6	35	58,3	8,60	0,04
Умеренный ур.	31	51,7	24	40	1,64	0,20
Высокий уровень	10	16,7	1	1,6	8,10	0,01
Реактивная тревожность	ПП (до), n=60 чел		ПП (через 14 дней), n=60 чел		Хи-кв.	p-уров.
	n	%	n	%		
Низкий уровень	36	60	43	71,7	1,82	0,18
Умеренный ур.	19	31,7	12	20	2,13	0,14
Высокий уровень	5	8,3	5	8,3	0,00	1,00
Реактивная тревожность	Контроль (до), n=60 чел		Контроль (через 14 дней), n=60 чел		Хи-кв.	p-уров.
	n	%	n	%		
Низкий уровень	17	28,4	26	43	2,94	0,09
Умеренный ур.	32	53,3	30	50	0,13	0,72
Высокий уровень	11	18,3	4	7	3,73	0,05

Также пациенты с поражением ЛП как и контрольная группа, после терапии снизили свое присутствие из группы высокого уровня по реактивной тревожности. То есть качество жизни, оценка происходящего вокруг для таких пациентов становится лучше и понятнее. Снижение стресса также важно для пациентов, которые перенесли ОНМК.

Результаты методики исследования уровня тревоги и депрессии (по шкале HADS) приведены в таблицах 3 и 4.

Опять же пациенты с поражением ЛП показывают лучший результат, количество человек в группе «норма» выросло значительно. Так же снижение в группе выраженного уровня тревоги и депрессии позволяет специалистам рассматривать их как вне группы риска по суицидальным мыслям, не желанием работать над собой и справляться с жизненными ситуациями.

Клинически выраженная группа депрессии у пациен-

Таблица 3

Результаты методики исследования уровня тревоги и депрессии (по шкале HADS)

HADS шкала тревоги	ЛП (до), n=60 чел		ЛП (через 14 дней), n=60 чел		Хи-кв.	p-уров.
	n	%	n	%		
Норма	3	5,4	29	48,6	28,81	0,01
Субклинически – выраж.	47	78,4	29	48,6	11,6	0,01
Клинически – выраж.	10	16,2	2	2,7	5,93	0,01
HADS шкала тревоги	ПП (до), n=60 чел		ПП (через 14 дней), n=60 чел		Хи-кв.	p-уров.
	n	%	n	%		
Норма	28	46,5	36	60,5	2,14	0,14
Субклинически – выраж.	29	48,8	20	32,5	2,79	0,10
Клинически – выраж.	3	4,7	4	7	0,15	0,70
HADS шкала тревоги	Контроль (до), n=60 чел		Контроль (через 14 дней), n=60 чел		Хи-кв.	p-уров.
	n	%	n	%		
Норма	17	28,1	21	34,4	0,62	0,43
Субклинически – выраж.	36	59,4	28	46,85	2,14	0,14
Клинически – выраж.	8	12,5	11	18,75	0,56	0,45

Таблица 4

Результаты методики исследования уровня тревоги и депрессии (по шкале HADS)

HADS шкала депрессии	ЛП (до), n=60 чел		ЛП (через 14 дней), n=60 чел		Хи-кв.	p-уров.
	n	%	n	%		
Норма	16	27	21	35,5	0,98	0,32
Субклинически - выраж.	36	59,5	39	64,5	0,32	0,57
Клинически - выраж.	8	13,5	0	0	-	-
HADS шкала депрессии	ПП (до), n=60 чел		ПП (через 14 дней), n=60 чел		Хи-кв.	p-уров.
	n	%	n	%		
Норма	22	37,2	29	47,6	1,67	0,20
Субклинически - выраж.	27	44,2	29	49	0,13	0,71
Клинически - выраж.	11	18,6	3	4,7	5,17	0,02
HADS шкала депрессии	Контроль (до), n=60 чел		Контроль (через 14 дней), n=60 чел		Хи-кв.	p-уров.
	n	%	n	%		
Норма	30	50	31	51,2	0,03	0,86
Субклинически - выраж.	23	37,5	19	31,25	0,59	0,44
Клинически - выраж.	8	12,5	11	18,75	0,57	0,45

тов с пострадавшим ПП стала меньше, то есть мы получаем так же возможность не относить пациентов к группе высокого риска по суициду, не желанием работать и получать лечение.

Выводы

По результату нашей работы, можно утверждать, что нововведения психологической реабилитации абсолютно необходима пациентам, перенесшим инсульт. Сравнительно не большой срок работы с пациентами (14 дней) позволил оценить положительную динамику от работы

с пациентами. Необходимо расширять данное исследование, чтобы была возможность работать с пациентами дольше, чем 14 дней. Такие пациенты нуждаются в постоянной работе с психологами, как индивидуально, так и групповая терапия. Так же важна работа всех других специалистов, как физиотерапевтов, логопедов.

Важно понимать, что необходимо начинать работу с пациентами сразу в остром периоде инсульта, пока эффективность от встраивания психофизиологических конструкторов наиболее высока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутина, Т.В. Клинико-психологическая диагностика и клинико-психологическая реабилитация пациентов с нарушениями памяти при повреждениях головного мозга / Т.В. Ахутина, Н.А. Варако, Ю.П. Зинченко и др. // *Consilium medicum*. - 2016. - Т. 18, № 2.1. - С. 68-81.
2. Балун, О.А. Факторы, определяющие устойчивость уровня реабилитации постинсультных больных: метод. рекомендации / О.А. Балун, Т.Д. Демиденко. - СПб. : Изд-во С.-Петерб. психоневрол. науч.-исслед. ин-та им. В.М. Бехтерева, 2015. - 16 с.
3. Балун, О.А. Динамика очаговых неврологических нарушений у больных, перенесших инсульт / О.А. Балун, Я.Н. Кушнеренко // *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*. - 2016. - № 5. Т. 101. - С. 4-8.
4. Белова, А.Н. Шкалы, тесты, опросники в медицинской реабилитации / А.Н. Белова, О.Н. Щепетова. - М. : Антидор, 2016. - 440 с.
5. Белова, А.Н. Нейрореабилитация / А.Н. Белова // *Руководство для врачей*. - 2-е изд. - М. : Антидор, 2017. - 1288 с.
6. Демиденко, Т.Д. Основы реабилитации неврологических больных / Т.Д. Демиденко, Н.Г. Ермакова. - СПб. : Фолиант, 2014. - 304 с.
7. Ермакова, Н.Г. Психологические особенности больных с последствиями инсульта в левом и правом полушарии головного мозга в процессе реабилитации / Н.Г. Ермакова // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Медицина*. - 2018. - Вып. 3. - С. 24-32.
8. Ермакова Н.Г. Психологическая коррекция самоотношения у больных с когнитивными нарушениями после инсульта / Н.Г.Ермакова // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. - 2017. - № 167. - С. 90-103.
9. Ермакова Н.Г. Психологическая реабилитация больных с последствиями инсульта в условиях восстановительного лечения // *Медицинская психология в России*. - 2018. - Т. 10, №2. - 9 с.
10. Рубинштейн, С.Я. Экспериментальные методы патопсихологии и опыт их применения в клинике / С.Я. Рубинштейн. - 3-е изд. - М. : Изд-во Института психотерапии, 2017. - 384 с.
11. Чуканова, Е.И. Хроническая ишемия мозга, нейропластичность, возможности терапии / Е.И. Чуканова, А.С. Чуканова // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. - 2017. - 9(2). - С. 102-107. DOI: 10.14412/2074-2711-2017-2-102-107
12. Thomas, S.A. Predictors of emotional distress after stroke / S.A. Thomas, N.B. Lincoln // *Stroke*. - 2018. - 39(4). - P. 1240-1245.

© Рыбникова Светлана Михайловна (rybnikova_sm@mail.ru), Николаев Евгений Львович.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ У СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Фёдоров Александр Фёдорович

*К.псх.н., доцент, с.н.с., ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва;
доцент, Владимирский государственный университет
им. В.Г. и В.Г. Столетовых
zimbur79@mail.ru*

FORMATION OF CULTURE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION AT EMPLOYEES OF THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

A. Fedorov

Summary: The article indicates that the success of pedagogical activity is determined by the level of formation of the penitentiary system employee culture of professional communication. Pedagogical communication is determined by the professional and social interpersonal interaction of convicts and employees and educational activities aimed at establishing mutual understanding.

Keywords: culture, convict, correctional institution, activity, professional communication, psychological characteristics of an individual, employee.

Аннотация: В статье указано, что успешность педагогической деятельности определяется уровнем сформированности у сотрудника уголовно-исполнительной системы культуры профессионального общения. Педагогическое общение определяется профессионально-социальным межличностным взаимодействием осужденных и сотрудников и воспитательной деятельности, направленное на установление взаимопонимания.

Ключевые слова: культура, осужденный, исправительное учреждение, деятельность, профессиональное общение, психологические особенности личности, сотрудник.

Развитое массовое правосознание, культура профессионального общения у сотрудников уголовно-исполнительной системы являются основой верховенства права в цивилизованном обществе, фундаментом правового государства. Исследователи отмечают довольно развитую систему законодательства в России, но множество законов не обеспечивают режима законности.

Проблема формирования культуры профессионального общения у сотрудников уголовно-исполнительной системы имеет большое значение.

Успешность педагогической деятельности во многом определяется уровнем сформированности у сотрудника уголовно-исполнительной системы культуры профессионального общения. От умения сотрудников общаться с осужденными зависят морально-психологический климат в коллективе, усвоение осужденными духовных ценностей и нравственных норм, увлеченность, настроение, их психологическое здоровье, уровень индивидуально-творческого развития.

Особое внимание к культуре общения необходимо уделять в колонии, которое связано с пониманием сложности влияния на внутренний мир человека духовных ценностей, которые нельзя передать путем объяснения, заучивания, приказа, строгого контроля, внешнего целеполагания. Культура общения формируется образом

жизни, сознательным жизнетворчеством, нравственным поступком, духовным единством и направленностью на достижение наиболее благоприятных условий для интеллектуального и эмоционально-волевого саморазвития, усвоения духовной культуры. Поэтому при обучении сотрудников педагогическому общению необходимо опираться на особенности процесса передачи и усвоения знаний и умений, как части социального опыта. Для того чтобы какие-то умения были усвоены личностью, необходимо выполнение двух условий: включение самой личности в практическую деятельность; осуществление постоянной коррекции неправильных действий со стороны воспитателей.

Основной задачей подготовки сотрудников является научить общаться с осужденными, управлять ими на основе деловых и личностных контактов с ними; постоянной коррекции отдельных составляющих взаимодействия с осужденными со стороны воспитателей; осознания своей деятельности и ее влияния на развитие и воспитание осужденных.

Различают два вида общения: деловое (межролевое) и межличностное. Особенностью педагогического общения является то, что в нем доминируется деловое общение. Межличностные отношения между осужденными и сотрудниками возникают на основе деловых отношений, связанных с профессиональной деятельностью и досугом осужденных.

В процессе профессионального становления особую, главную роль играют формы и культура взаимодействия, которые определяются через непосредственное общение осужденных и сотрудников, умение быть услышанным.

В педагогике понятие культуры в широком плане включает все области внешней и внутренней культуры человека и культуру поведения (этикет), нравственное воспитание, правила обхождения с людьми и поведение в общественных местах культура быта, включающую характер личных потребностей и интересов, организацию личного времени, эстетические вкусы в выборе предметов потребления (умение одеваться, украсить жилище), эстетические свойства присущие человеку мимики и пантомимики, грацию. Особо выделяют культуру общения.

Главное назначение педагогического общения - его обращенность к внутреннему миру личности, ее индивидуальности, понимание как цели, а не средства для достижения более «высших» субъективных целей педагогической деятельности. Образовательный процесс предполагает равенства положения всех его участников, так как на основе уважения личности возможно их общение и сотрудничество. Педагогическое общение определяется профессионально-социальным межличностным взаимодействием осужденных и сотрудников и воспитательной деятельности, направленное на установление взаимопонимания.

Для эффективного обучения профессиональному общению П.Е. Решетников [4] определяет систему условий обучения деловому и межличностному общению сопереживанием, ответственным отношением своему призванию, постоянным усилием стать профессионалом своего дела.

Современный исследователь О.В. Стукалова рассматривает профессиональное становление специалистов «как динамичный, многоаспектный, осознаваемый и управляемый процесс» [5]. Но вся эта сложная многостадийная и многоаспектная система будет бесполезна, как подчеркивает О.В. Стукалова, без самообразования и самосовершенствования. Первое условие включает в себя организацию постоянной разносторонней воспитательной деятельности с осужденными. Для этого необходимо регулярно работать с осужденными на протяжении всего периода отбывания наказания. При этом необходимо выстроить определенную систему взаимодействия проведения занятий, что обеспечивает высокое качество подготовки специалистов. Творческое сотрудничество определяет необходимую социальную почву делового и межличностного контакта.

Вторым важным условием эффективного обучения профессиональному общению является формирование у них установки на выработку положительной аттрак-

ции. Аттракция означает привлечение, притяжение одного человека к другому. Сформировать положительную аттракцию означает вызвать к себе симпатию, чувство расположения со стороны осужденных и педагогов.

Третьим важным условием эффективного обучения коммуникативным умениям и навыкам является обеспечение оперативной коррекции общения.

Четвертым наиболее важным условием эффективности процесса обучения сотрудников профессиональному общению является формирование у них установки на духовное взаимодействие с воспитанниками. Учить сотрудников духовному общению, одухотворению деятельности означает, что они должны учить осужденных видеть в материализованных объектах духовные ценности, нравственное саморазвитие. Поэтому пятым условием эффективного обучения педагогов педагогическому общению является включение их в процесс самовоспитания коммуникативных качеств и отслеживание их развития. Особенностью самовоспитания коммуникативных качеств является то, что оно строится на основе осознания ими реальной потребности в самоконтроле и самосовершенствовании их. Функция самоконтроля подвержена целенаправленному развитию в процессе профессионализации личности [2].

Достижение положительного результата общения связано с накоплением и правильным обобщением информации друг о друге. Это зависит от уровня развития коммуникативных умений преподавателя, его способности к эмпатии и рефлексии, зависит от умения слушать, понимать студента. Важную роль играет психолого-педагогическая компетентность преподавателя в области закономерностей общения и совместной деятельности.

Педагогическое общение, основанное на субъект-субъектных отношениях, проявляется в сотрудничестве, которое осуществляется в атмосфере творчества и способствует гуманизации образования. Такое сотрудничество-обучение предполагает переход от типичной схемы обучения «услышал - запомнил - пересказал» к схеме познания путем совместного поиска «поиск - осмысление - применение полученных знаний в жизни». Педагог должен обладать умением развивать мотивацию, в результате которой определенная деятельность порождает познавательный интерес личности [1].

Учиться самому и обучать общению осужденных - задача каждого сотрудника. Технология развития педагогического общения определяется спецификой функций и профессиональных умений педагога в общении с осужденными, педагогическим коллективом. Коллективный характер педагогической деятельности хорошо показал А.С. Макаренко, который говорил, что «должен быть коллектив воспитателей...» [3, с. 179].

Обучение профессиональному общению основано на постоянном наблюдении. На протяжении всех лет необходимо учить методам эффективного общения и коррекции в общении, технология обучения должна иметь личностный характер со стороны сотрудников. Это позволит оптимизировать процесс усвоения профессионального опыта. Такую технологию необходимо строить на основе увлеченности совместной творческой деятельностью и дружеского расположения при корректировке коммуникативных действий сотрудников.

В исследовании, проведенном в колониях Тульской области, был проведен опрос испытуемых с профессиональной и личностной точек зрения назвать трудности, которые они испытывают во взаимоотношениях с подростками, и подростков - назвать трудности, которые они испытывают в общении. В исследовании участвовало 56 человек. Ответы распределились следующим образом: отсутствие общего языка, взаимопонимания с сотрудниками - 56%; проявление неуважения к подросткам со стороны сотрудников - 24%; необъективный подход сотрудников к осужденным - 20% ответов. Осужденные пишут, что многие сотрудники не знают и не понимают их, не интересуются их внутренним миром, заботами и переживаниями, не учат их возрастным интересам. Например: «Не могу с некоторыми сотрудниками найти общий язык» - 10%; «Некоторые сотрудники не могут мне помочь» - 8%; «Сотрудники не понимают наших проблем, у нас нет общего языка» - 9%; «Сотрудники строги в обращении, не дружелюбны» - 7%. Очень многие отмечают необъективность сотрудников: одних осужденных они постоянно хвалят, других постоянно ругают и даже если осужденный меняется (в ту или иную сторону), мнение сотрудников о нем остается прежним. Выделяются следующие особенности поведения сотрудников, которые, с точки зрения осужденных, препятствуют нормальному процессу общения двух сторон, а именно: невыдержанность сотрудников, применение авторитарных методов воздействия. Среди высказываний осужденными встречается и мнение о том, что воспитатели слишком уверены в собственной непогрешимости и никогда не

признают своих ошибок. Подростки так же обвиняют сотрудников в необоснованной критике и употреблении обидных слов и выражений в присутствии коллектива. Иногда подростки считают, что трудности во взаимоотношениях происходят по их вине: «Если я не понимаю, то виноват я сам». Большая часть воспитателей - 36%, при ответе на тот же самый вопрос видят трудности во взаимоотношениях с осужденными в трудностях воспитательного процесса. Трудности возникают при общении с осужденными из конкретных семей, где детям уделялось очень мало времени и родители не являются примером и другом своим детям.

40% сотрудников отметили, что вообще не видят трудностей во взаимоотношениях с подростками. 14% педагогов полагают, что трудности в общении происходят исключительно по вине самих подростков, которые проявляют неуважение, душевную грубость и черствость, отсутствует чувство благодарности и почтения. И лишь 10% воспитателей понимают, что сложности во взаимоотношениях могут происходить в результате неглубокого проникновения во внутренний мир воспитанников, неадекватного представления о потребностях, мотивах деятельности подростков, недостаточных знаний по возрастной психологии.

Таким образом, лишь небольшая часть опрошенных сотрудников, анализируя свои взаимоотношения с подростками, пытается найти причину возникновения конфликтов. Необходимо научиться слушать и слышать каждого осужденного, видеть его внутренние побуждения и стремления, направленность его потребностей и мотивов, научиться влиять на эту направленность, обрести гуманный и демократический стиль общения и взаимодействия с осужденными.

Все сказанное свидетельствует о том, что в подростковом возрасте необходимо правильно и разумно строить свои отношения с осужденными с учетом тех изменений, которые происходят в их психике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гафуров Х.М. Педагогическая технология и педагогическое мастерство: конспект лекций. Ташкент, 2008. - 57 с.
2. Кузьмина Н.В. Акмеологическая теория повышения качества подготовки специалистов образования. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2001. - 144с.
3. Макаренко А.С. Сочинения: в 7 т. М.: АПН, 1958. Т. 5. 558 с.
4. Решетников П.Е. Нетрадиционная технологическая система подготовки учителей: Рождение мастера. - М.: ВЛАДОС, 2000. - 304с. - (Педагогическая мастерская).
5. Стукалова О.В. Педагогические особенности профессионального становления будущих специалистов в сфере культуры и искусства // Психология образования в поликультурном пространстве. 2011. № 15. Т. 3. С. 109-115.

© Фёдоров Александр Фёдорович (zimbur79@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КУРСАНТОВ В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

SPECIFICITY OF MANIFESTATIONS OF MORAL RELATIONS OF CURSANTS IN OFFICIAL ACTIVITIES

D. Kharchenko

Summary: The article discusses the moral features of the border cadets. Attention is paid to the specifics of the border service. The concept of moral relations of cadets is interpreted. The bases of moral relations, such as spirituality, operational thinking, military mentality, are examined. The formation of moral relations is considered from the point of view of the activity approach. The conclusion is drawn about the importance of moral self-control.

Keywords: moral relations, morality, spirituality, military mentality, border service.

Харченко Денис Владимирович,

Адъюнкт, Военный университет
Министерства Обороны Российской Федерации
d_xarchenko@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности нравственной сферы курсантов-пограничников. Уделяется внимание специфике пограничной службы. Интерпретируется понятие нравственных отношений курсантов. Рассматриваются такие основания нравственных отношений, как духовность, операциональное мышление, военная ментальность. Формирование нравственных отношений рассматривается с точки зрения деятельностного подхода. Делается вывод о важности нравственного самоконтроля.

Ключевые слова: нравственные отношения, мораль, духовность, военная ментальность, пограничная служба.

Актуальность проблемы формирования нравственных отношений курсантов, проявляемых в служебной деятельности, обусловлена тем, что повседневная жизнь и служба офицера-пограничника основана на огромном количестве самоограничений. Она проходит в самых отдаленных рубежах нашей страны, где бывает так, что до ближайшего населенного пункта, где есть хоть какая – то социальная инфраструктура – сотни километров.

Бесспорно, что для подготовки офицера к службе в вышеописанных условиях у него должна быть сформирована особая нравственная позиция, основанная на глубоком патриотизме и идейной убежденности в необходимости выполнения воинского долга по защите Родины, с готовностью к «жертвенному служению», включающему большинство цивилизационных благ из повседневной жизнедеятельности человека.

При этом, развитие нравственных качеств возможно при интеграции профессиональной этики офицера пограничной службы в систему общечеловеческих моральных норм и ценностей, основанных прежде всего на принципе гуманизма [4].

Для этого уже на этапе воспитательного процесса в образовательных организациях пограничного профиля требуется особая система психолого-педагогического сопровождения становления нравственного отношения курсанта к миру, к другим людям и к себе. В рамках системно-деятельностного подхода формирование

нравственных отношений курсантов и их проявления в исполнении служебных обязанностей рассматривается нами как непрерывный процесс личностных преобразований учащих военных вузов. Нравственные отношения личности курсантов – это активные, сознательные, интегральные, избирательные связи, основанные на интериоризованном из военно-профессиональной среды опыте социального взаимодействия по реализации нравственных ценностей.

Нравственные отношения курсантов, реализуясь во всех сферах их жизнедеятельности отражаются в их нравственных суждениях; нравственном поведении и нравственных чувствах, что, соответственно, позволяет говорить о когнитивном, поведенческом и эмоционально-чувственном компонентах структуры нравственных отношений.

Кроме того специфика военной службы выдвигает требования к особому аспекту воинской нравственности: к мотивационным и волевым ее проявлениям. Нравственные отношения курсантов отражают весь набор когнитивных образований, сложившихся у личности в процессе общей и профессиональной социализации в ходе военной службы. Это все те понятия, правила и законы, которые курсант усвоил в процессе воинского обучения и воспитания, результатом которого стало его психологическое новообразование «Я- военнотружущий».

Это переведенные во внутренний план и «принятые

как свои» требования воинской службы и осмысленная готовность подчиняться правилам и требованиям Уставов и нормативных документов, предписывающих те или иные нормы поведения.

Моральные новообразования курсантов, возникающие в период обучения, включают, прежде всего, моральные ценности: добро, справедливость, честность, благо, достоинство и т.д.

Еще одним новообразованием в нравственной сфере курсантов можно считать появление особой военной «ментальности». Ментальность – это понятие включающее в себя взгляды, оценки, ценности, нормы поведения и морали, умонастроения, религиозную принадлежность и многие другие нюансы, характеризующие ту или иную группу людей.

Содержанием ментальности курсанта, определяющей его нравственное отношение к специфической окружающей его действительности, к другим людям в ней, и к себе самому становятся все те знания, понятия и осмысленные установки, которые становятся личными жизненными ценностями, составляющими ту призму нравственных образцов, через которую будет проходить процедура оценивания и принятия решения о совершении того или иного действия или поступка.

Итак, основой нравственных отношений курсантов военных являются нравственные знания, то есть знания нравственных принципов и норм воинского поведения и профессиональная идентичность «Я – русский офицер-пограничник».

Нравственное развитие курсантов тесно связано с духовной сферой сознания и личности. Невозможно формирование устойчивых нравственных отношений, если человек движим только базовыми потребностями. Моральное сознание личности входит в духовный внутренний мир, наряду с эстетическим мировосприятием, смысло-жизненными основаниями самосознания. Обусловленная общечеловеческими истинами добра, любви и красоты и т.п., духовность непосредственно связана с нравственностью, ибо нравственный компонент в человеке – это комплекс характеристик мотивационной и информативной сферы жизнедеятельности, основу которого определяет система ценностей, установок и мотивов поведения индивида в обществе.

Можно согласиться с мнением Д.А. Леонтьева, который предлагает рассматривать духовность как высший уровень человеческой саморегуляции, присущий зрелой личности (считая, что в этом аспекте духовность тесно связана с самодетерминацией) [1, с. 18].

Н. В. Марьясова рассматривает духовность как прин-

цип саморазвития и самореализации человека, обращения к высшим ценностным инстанциям конструирования личности, считая, что и развитие, и самореализация духовного Я субъекта начинается тогда, когда он осознает необходимость определения для себя того, как он конкретно должен понимать общечеловеческие духовные ценности – истину, добро, красоту [2, с. 79].

Формирование личностной зрелости, духовности и нравственных отношений современными исследователями рассматривается как один из аспектов когнитивного развития личности. Так, А.Т. Москаленко и В.Ф. Сержантов подчеркивают, что «когнитивное развитие состоит не только в углублении познания, но и в таком качественном видоизменении интеллекта, которое связано с изменением позиции познающего субъекта по отношению к миру. Переход к операциональному мышлению обеспечивает преодоление эгоцентризма, и, следовательно, становление личностного самосознания, оформление «Я-концепции» [3, с. 36].

Ж. Пиаже указывает на социальные факторы, влияющие на развитие

познавательных способностей индивида - наряду с психическим созреванием, - это социальная среда и индивидуальный опыт [5]. Переход к периоду формирования операционального мышления связан, с одной стороны, с ходом созревания, а с другой - с последовательностью воздействий социальной среды, в форме обучения и воспитания.

Начав сознательно подбирать способы общения в служебном

подразделении, курсант осваивает путь совершенствования значимых для себя качеств личности. В период профессиональной подготовки в вузах ФСБ России пограничного профиля характер учебно-служебной деятельности содействует тому, что возникают новые мотивы учения, связанные с осознанием жизненной перспективы, собственного места в жизненном и профессиональном пространстве. На этой почве формируется более высокий уровень познавательных интересов. Интересы становятся более устойчивыми, перестают носить эпизодический характер. Под воздействием потребности в новом, курсантами прилагаются специальные усилия для расширения знаний в различных областях действительности, в том числе профессиональном, личностном, нравственном развитии.

Однако, процесс реализации потребности курсанта в познании как любой процесс развития, обладает внутренним противоречием. Оно выражается в присутствии молодому человеку слабом багаже знаний, являющемся основой осуществления познавательного процес-

са. Слабые знания, среди которых могут иметь место и знания негативного порядка, благодаря случаю, могут направить познавательные интересы курсанта в направлении, совершения аморального или противоправного поведения. Познавательные интересы, способствующие усвоению негативной информации, приводят к разрушению личности, приобщению ее к таким видам деятельности, которые наносят вред как обществу, так и самой личности.

Особенности проявления нравственных отношений курсантов в служебной деятельности обусловлены спецификой военно-профессиональной деятельности и во-

енно-образовательного процесса в вузе. Нравственные отношения проявляются в основанном на развитой духовности как осознанности своих действий, операциональном мышлении, усвоенных моральных ценностях и нормах поведении при исполнении военно-служебных обязанностей и в повседневной жизни. Это невозможно без самоконтроля и саморегуляции, без того, чтобы взвешивать свои действия с учетом сформированных на уровне самосознания моральных императивов и военной ментальности. Подобные самоконтроль и саморегуляция необходимы в условиях тех лишений и ограничений, с которым сопряжена военно-профессиональная деятельность офицера-пограничника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев Д.А. Духовность, саморегуляция и ценности // Гуманитарные проблемы современной психологии. Изв. Таганрогского гос. радиотехн. ун-та. – 2005. – № 7. – С. 16–21.
2. Марьясова Н.В. Духовность личности как социокультурный феномен // Психология человека в современном мире. – Т 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Мат-лы Всерос. юбил. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна / отв. ред. А.Л. Журавлев и др. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – С. 77–85.
3. Москаленко А.Т. Личность как предмет философского познания. / А.Т. Москаленко, В.Ф. Сержантов. – Новосибирск: Наука. – 1984. – 264 с.
4. Мяготин А.В. Профессиональная этика сотрудника пограничных органов как социальная система (социально-философский анализ): Дис... докт... филос. наук. – М., 2011. – 392 с.
5. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 351 с.

© Харченко Денис Владимирович (d_xarchenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военный университет Министерства Обороны Российской Федерации

МОТИВАЦИЯ КАК АКМЕОЛОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ СТАНОВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

MOTIVATION AS THE ACMEOLOGICAL CONDITION OF FORMATION OF PARENTAL IDENTITY

*Yu. Chistyakova
V. Tsapova*

Summary: This publication reviews: a) relevance of the research the concept of «identity»; b) a survey of the research of the concept of «identity» in foreign and domestic psychological science; c) definition of professional identity in the mainstream of acmeology; d) parental identity in the context of personal or family identity; e) conscious parenthood as a phenomenon of a sociocultural environment.

As a result of the research, the concept of «parental identity» as the formed image of oneself as a parent through a system of appropriate values, attitudes, norms of parental behavior. The process of formation of the parental identity through the system of components (motivational, cognitive, affective, behavioral) has been analyzed. A definition of «conscious parenthood» is given. The role of motivation in achieving a parent's acme is described. The groups of motives that make up the motivational component of the parental identity are singled out.

Keywords: identity, professional identity, parental identity, motivation, motives, components of parental identity, conscious parenthood, acme parent.

Чистякова Юлия Сергеевна

аспирант, Калужский государственный университет
имени К.Э. Циолковского
chistyakovays@yandex.ru

Цапова Виктория Григорьевна

аспирант, Калужский государственный университет
имени К.Э. Циолковского
toruchka@mail.ru

Аннотация: В данной публикации рассмотрены: а) актуальность исследования понятия «идентичность»; б) обзор исследований понятия «идентичность» в зарубежной и отечественной психологической науке; в) определение профессиональной идентичности в русле акмеологии; г) родительская идентичность в контексте личностной или семейной идентичности; д) осознанное родительство как феномен социокультурной среды.

В результате исследования определено понятие «родительская идентичность» как сформированный образ себя в качестве родителя через систему соответствующих ценностей, установок, норм родительского поведения. Проанализирован процесс становления родительской идентичности через систему компонентов: мотивационного, когнитивного, аффективного, поведенческого. Дано определение понятию «осознанное родительство». Описана роль мотивации при достижении акме родителя. Выделены группы мотивов, составляющие мотивационный компонент родительской идентичности.

Ключевые слова: идентичность, профессиональная идентичность, родительская идентичность, мотивация, мотивы, компоненты родительской идентичности, осознанное родительство, акме родителя.

В современной психологической науке понятие «идентичность» встречается достаточно часто. Это связано, во многом, с тем, что проблема поиска, нахождения и оценки себя как члена общества, как носителя и транслятора его знаний, культуры, традиций в обширном информационном потоке сейчас достаточно актуальна.

При этом критика многозначности использования данного понятия не ослабевает. Как отмечает К. Кэлхун, дискурс самости и характер эпохи постмодернизма оказались тесно взаимосвязанными. Именно этим и обусловлен интерес к идентичности, поскольку «нас больше, чем наших предков, интересует, кто мы такие. Нам также трудно приемлемым образом поддерживать собственную идентичность по ходу жизни и добиваться её признания другими» [8].

Обращаясь к современным литературным источникам, в частности, к Новой философской энциклопедии (далее – НФЭ), можно обнаружить следующую трактовку понятия «идентичность», предложенную В.М. Малаховым.

Идентичность – это понятие (категория) социально-гуманитарных наук, применяемая для описания индивидов и групп в качестве «относительно устойчивых целостностей, тождественных самим себе» [5].

Исходя из данного определения видно, что идентичность, скорее, рассматривается не как свойство, присущее индивидам и группам, а как некое субъективное отношение, которое формируется в процессе их (индивидов и групп) взаимодействия. Таким образом, идентичность следует понимать как самоопределение индивида в его исторической обусловленности и культурно-контекстной детерминации.

В связи с этим становится актуальным проведение теоретического обзора рассмотрения понятия «идентичность» в отечественной и зарубежной психологической науке прошлого и нынешнего века.

Понятие «идентичность»

Одним из первых вопросу идентичности уделил внимание Э. Эриксон, который в своей работе «Иден-

тичность: юность и кризис» рассматривал ряд психосоциальных кризисов, которые переживает индивид на протяжении всей жизни. Там же он упоминает о чувстве идентичности как о некоем субъективном переживании непрерывной самоидентичности, выражающемся в интенсивном и глубоком «ощущении собственной активности и жизненной силы» [12].

Э. Эриксон считал, что именно в подростковом возрасте у индивида формируется «психическая целостность» как некое субъективное ощущение, чувство внутренней идентичности, с помощью которого человек способен проследить временные связи между самоощущением в прошлом, настоящем и будущем, а также собственным представлением о себе, соотносимым с взглядами о себе других людей [12].

В то же время ряд других авторов, среди которых представители зарубежной психологии (Р. Мейли, Г. Олпорт, К. Роджерс, Х. Салливан, Ю. Хабермас, А. Гидденс) и отечественной психологии (К.А. Абульханова-Славская, М.М. Бахтин, Э.В. Ильенков, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.Г. Спиркина) в своих работах так или иначе также обращается к исследованию проблематики идентичности.

Среди зарубежных авторов, исследующих данную проблематику, достаточно известен Дж. Марсиа, который определял идентичность как структуру эго, как внутреннюю самосоздающуюся динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории [9].

В отечественной психологии одним из первых, кто затронул данную проблематику в своих исследованиях, был И.С. Кон. Он рассматривал идентичность как условный конструкт личности, который содержит динамические мотивационные тенденции, уравнивающие внешние и внутренние импульсы [4].

В рамках акмеологии подробно рассматривается профессиональная идентичность, что находит своё отражение в трудах Е.П. Ермолаевой, Н.Л. Ивановой, Е.Н. Кирьяновой, Е.В. Конева, Т.В. Мищенко, Ю.П. Поваренкова, Л.Б. Шнейдер и др.

Так Л.Б. Шнейдер рассматривает профессиональную идентичность сквозь призму психолого-педагогической проблематики. Автор высказывает мнение о том, что идентичность является результатом активного процесса, отражающего представления субъекта о самом себе, собственном пути развития [11].

В свою очередь И.В. Брестер определяет профессиональную идентичность как некий «образ Я-профессионала», устойчивый во времени и являющийся

результатом «сформированной системы профессиональных установок и ценностей» [1].

В данной работе мы будем рассматривать такое понятие, как «родительская идентичность», которое на сегодняшний день является достаточно скромно изученным, что объясняется, во многом, некоторой противоречивостью его конструкта и многозначностью трактовки.

Определение родительской идентичности

Как правило, родительская идентичность рассматривается в контексте личностной идентичности. Это можно обнаружить в работах Ю.В. Борисенко, О.С. Донцовой, А.Н. Елизарова, И.С. Морозовой, Г.Т. Хоментаускаса.

К примеру, В.Р. Орестова при исследовании идентичности подростков в области семьи и семейных взаимоотношений определила в качестве показателя достигнутой идентичности осознанно созданную субъективную модель семьи на основе анализа собственной родительской семьи [7].

Другими исследователями (Н.В. Лукьянченко, О.А. Минеевой, Е.А. Савковой) родительская или семейная идентичность понимается как образ родителя через систему значений, которые используются для восприятия не только окружающего мира, но и, прежде всего, себя внутри семьи и себя в качестве родителя [6].

В работах Т.А. Гурко, Е.И. Захаровой, И.С. Кона, Г.Г. Филлиповой отмечается, что родительскую идентичность следует рассматривать в связи с наступлением родительства, которое, в свою очередь ведёт за собой изменения в личности взрослых людей [10].

Мы будем понимать родительскую идентичность как сформированный образ себя в качестве родителя через систему соответствующих ценностей, установок, норм родительского поведения.

Действительно, становление родительской идентичности – процесс, зачастую, длительный, требующий соответствующих условий.

Е.И. Захарова, Ю.А. Торчинова при исследовании условий становления материнской идентичности определили её взаимосвязь с характером ценностной направленности женщин. Речь идёт, прежде всего, о направленности на ребёнка [2].

Компоненты родительской идентичности

На наш взгляд, становление родительской идентичности следует рассматривать через систему развития следующих компонентов:

- мотивационного,
- когнитивного,
- аффективного (рефлексивного),
- поведенческого.

Мотивационный компонент родительской идентичности включает в себя ценностные ориентиры родителя, включает образ Я-родителя и характеризуется направленностью на ребёнка и на семью, обладающих безусловной ценностью.

Когнитивный компонент родительской идентичности в своей основе базируется на сформированных представлениях индивида о себе как о родителе. Формирование данных представлений во многом будет зависеть от собственной родительской среды, из которой вышел тот или иной индивид, присвоив себе конкретные образы, стереотипы, установки, паттерны будущей родительской идентичности.

Аффективный (рефлексивный) компонент родительской идентичности способствует формированию эмоциональной оценки себя в качестве родителя на предмет соответствия уже сформированным паттернам родительства.

Поведенческий компонент родительской идентичности включает соответствующие действия, акты, направленные на удовлетворение базовых потребностей ребёнка, реализующие различные формы родительского поведения, адекватные запросам ребёнка и непротиворечащие собственным представлениям о родительстве.

Ведущую роль здесь играет мотивационный компонент, являясь неким движущим фактором для развития последующих компонентов в то же время развивающийся параллельно с ними. Обладая такой двойной функцией, мотивация способствует формированию осознанного родительства через становление родительской идентичности.

Рассматривая процесс становления как деятельность, следует отметить, что деятельность, по А.Н. Леонтьеву, характеризуется иерархической системой мотивов, в том числе, смыслообразующих и побудительных [3]. В процессе становления родительской идентичности оба вида мотивов могут выступать как единое целое. Способствуя формированию ценностного отношения к ребёнку, к себе как к родителю (смыслообразующая часть), одновременно мотив выступает в качестве стимула к осуществлению осознанной родительской деятельности (побудительная часть).

На наш взгляд, становление родительской идентичности можно представить в виде вектора акме, движение к вершине которого будет являться стремлением к

формированию осознанного родительства. Рассмотрим данное понятие.

Осознанное родительство – это психологическое явление, базирующееся на сформированных родительских ценностях, характеризующееся позитивным восприятием себя в качестве родителя и выражающееся в адекватном родительском поведении.

Как феномен, осознанное родительство характеризуется процессуальностью и динамичностью. Особую роль в его формировании играет родительская идентичность. Каждый из вышеназванных компонентов родительской идентичности в совокупности способствует движению к вершине акме осознанного родителя.

В качестве акмеологического условия такого движения выступает, прежде всего, мотивация, включающая ряд мотивов:

- *мотивы деятельности*, как совокупность внутренних и внешних условий, побуждающих родителей к проявлению активности и совершению действий, обусловленных родительскими чувствами, ценностями, установками, характеризующимися выполнением родительских функций в контексте родительского поведения адекватного той или иной ситуации;
- *мотивы ценностного отношения к ребёнку*, формирующиеся в контексте социально-культурной обусловленности, характеризующиеся направленностью на ребёнка и способствующие не только удовлетворению его потребностей и желаний (биологическая составляющая), но и восприятию его как отдельного индивида, личности (социальная составляющая);
- *мотивы ценностного отношения к родителю*, формирующиеся в контексте социально-культурной и психолого-педагогической обусловленности. Данный вид мотивов способствует формированию позитивной самооценки родителя.

Мотивы деятельности, таким образом, отвечают за побудительную часть, а мотивы ценностного отношения к ребёнку и к родителю будут составлять смыслообразующую часть мотивационного компонента процесса становления родительской идентичности.

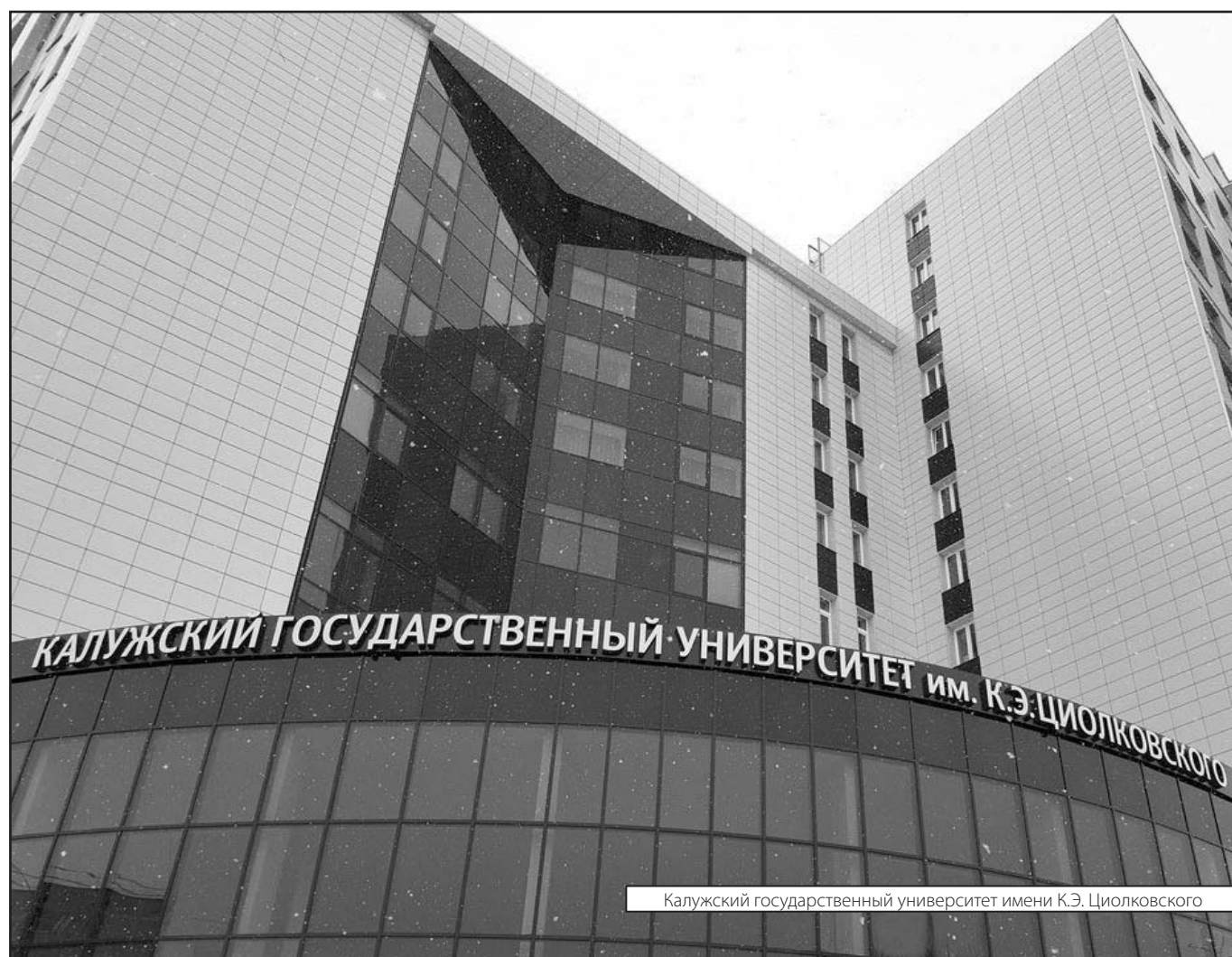
Таким образом, мы рассмотрели процесс становления родительской идентичности через систему компонентов, в которой ведущую роль играет мотивационный компонент, в свою очередь, состоящий из группы мотивов, обладающих побудительной и смыслообразующей характеристиками. Становление родительской идентичности запускает движение к вершине акме осознанного родительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брестер И.В. Методологические основы создания акмеологического пространства становления профессиональной идентичности студентов// Проблемы современной науки и образования, 2015. № 34.
2. Захарова Е.И., Торчинова Ю.А. Условия становления материнской идентичности// Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2012. № 28. С. 1234-1239.
3. Карabanова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
4. Кон И.С. Открытие «Я» / И.С. Кон. - М., 2008. – 367 с.
5. Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. Т. 3. – 692 с.
6. Минеева О.А. Возрастные и гендерные особенности содержания имплицитных теорий семьи. Автореф. дисс. . . канд. психол. наук. М.: МГУ, 2011. – 35 с.
7. Орестова В.Р. Формирование личностной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте: дисс. . . канд. психол. наук. М., 2001. – 178 с.
8. Розин В.М. Гуманистическая идентичность как форма проявления идентификации и как фасад и прикрытие нового эгоизма / В.М. Розин// Мир психологии: Научно-методический журнал / Ред. Д. И. Фельдштейн. – 2012. – №1 (69) январь-март 2012. – с.195-203.
9. Татарко С.А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсиа // психологическая диагностика, 2009. № 1. – С. 1-39.
10. Филиппова Г.Г. Психология материнства: Учебное пособие. — М.: Изд-во Института Психотерапии. 2002. – 240с.
11. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Монография. М.: МОСУ, 2001 г. 272 с.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.

© Чистякова Юлия Сергеевна (chistyakovays@yandex.ru), Цапова Виктория Григорьевна (toruchka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТВОРЧЕСТВО КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ПСИХИКИ

Шемет Ирина Сергеевна

*Д.псих.н., АНО ВПО "Национальный Институт имени Екатерины Великой" г. Москва
irashemet@yandex.ru*

CREATIVITY AS THE INTEGRATION MECHANISM OF PSYCHICS

I. Shemet

Summary: The article describes the understanding of creativity from the point of view of the author's concept of integration of the psyche. Creativity realizes the basic need for the integration of the psyche and arises on the basis of the development of the emotional sphere. Learning destroys creativity. Creativity characterizes the highest level of integration of the psyche.

Keywords: creativity, integrative mechanisms of the psyche, level of integration of the psyche.

Аннотация: В статье изложено понимание творчества с позиции авторской концепции интеграции психики. Творчество реализует базовую потребность в интеграции психики и возникает на основе развития эмоциональной сферы. Обучение уничтожает творчество. Творчество характеризует высший уровень интеграции психики.

Ключевые слова: творчество, интегративные механизмы психики, уровень интеграции психики.

Современные тенденции развития общества требуют и, одновременно, высвобождают огромное количество человеческих ресурсов - в первую очередь, творческий потенциал отдельного человека. Феномен творчества перешел из границ искусства в повседневную жизнь миллионов людей, в связи с чем, является самостоятельной и одновременно многоплановой темой для изучения, которая представляет интерес не только для психологии, но и для целого ряда наук, таких как философия, социология, медицина, экономика. Из общей структуры этой комплексной проблемы можно выделить некоторые исключительно психологические аспекты. Исследование творчества в качестве интегративного механизма психики является весьма актуальным для современного общества, поскольку дает возможность социально-педагогического ответа на рост психических отклонений у населения, который связан не только с социальными условиями, но и, в первую очередь, с индивидуальными особенностями личности.

Наше понимание творчества основано на авторской концепции интеграции психики. Мы понимаем психику как систему управления жизнью и поведением индивида. Интегративный подход предполагает, что психика является открытой, самоорганизующейся системой, и имеет механизмы поддержания целостности структуры и функции, по аналогии с биологическими механизмами гомеостаза. Мы называем их «интегративные механизмы психики», которые реализуют базовую потребность индивида – самосохранение в процессе развития.

Интегративные механизмы психики не являются отдельными психическими процессами или состояниями, они представляют собой сложные функции, встроен-

ные в другие системы управления жизнью, поведением, общением и деятельностью. Можно выделить следующие интегративные механизмы психики: сон (базовый биологический механизм) и сноподобные состояния, связанное осознанное дыхание, взаимосвязь с природой, расслабление и спонтанное движение тела, положительные эмоции и эмоциональную память, повторное переживание и осознание прошлого опыта, мышление, созидательную деятельность и творчество, социальную интеграцию, любовь и духовную интеграцию [14, с. 6].

Исходя из приведенной концепции, **творчество – это интегративный механизм психики**, результатом которого является приведение психики в более интегративное, т. е. целостное состояние. С позиций концепции интеграции психики **творчество понимается максимально широко**, а именно: как созидательная (конструктивная) активность, в противовес разрушительной (деструктивной) активности. Необходимым аспектом творчества является **самодетерминация**. Таким образом, **творчество как интегративный механизм психики – это самодетерминированная созидательная активность**. Она может быть направлена на самого себя, а также на физическое и социальное окружение. Если ребенок сам разложил по полкам свои игрушки, посадил цветы в палисаднике, помог младшей сестренке одеться – это будет творчество в широком смысле этого понятия, как внесение порядка в этот мир. Игра ребёнка – это творческий процесс.

Творчество – внешнее проявление способности психики к интеграции, упорядочиванию внешней и внутренней реальности. Творческий акт имеет следующие последствия:

1. создается творческий продукт, имеющий собственную ценность;
2. возникает эмоциональный подъем;
3. повышается организованность содержания психики, его осмысленность;
4. расширяется сознание;
5. возрастает самосознание;
6. повышается сама творческая, организующая способность психики.

Во многих классических психологических теориях имманентно присутствует идея об интегрирующем воздействии творчества на психику.

З. Фрейд считал творчество сублимацией, то есть защитным механизмом, позволяющим преодолеть внутреннее напряжение и перевести сексуальную энергию в социально приемлемую деятельность, а также воплотить в продуктах творчества неосознаваемые стремления и переживания [10, с. 214].

А. Адлер рассматривает науку, искусство и другие области культуры как способ компенсации человеком своих недостатков [1, с. 46].

В гештальтпсихологии творчество – это приведение в единое целое (гештальт) разрозненных фактов, фрагментов знания, что приводит к озарению (Келлер, 1930) [3, с. 25].

Э. Фромм рассматривает творчество как «способность к глубокому осознанию своего опыта» [11, с. 89].

А. Маслоу пишет, что «творчество – универсальная функция человека, которая ведет ко всем формам самовыражения» [8, с. 311].

В отечественной психологии также есть максимально обобщенные, интегративные подходы к творчеству. Творчество понимается как феномен развития, обновления и предпосылка будущей адаптации (А.И. Суббото) [12, с. 167], как специфическая активность по преодолению отчуждения человека от природы (В. М. Вильчек) [2, с. 38], как механизм психического развития (Я. А. Пономарев) [9, с. 163].

Творчество - это процесс создания нового, который объективно осуществляется в природе или человеке. Продуктами творчества являются открытия, изобретения, новые художественные образы, произведения. Раскрывая сущность творчества, стоит отметить, что под творчеством понимается процесс создания чего-то нового для отдельного субъекта.

Во всех приведенных подходах творчество понимается как процесс, ведущий к исцелению и развитию

психики, что в наших терминах есть интегративное развитие или интеграция. Это развитие происходит на разных уровнях, в соответствии с чем, феноменологически сильно отличается.

Многие деятели искусства так же указывали на исцеляющий характер художественного творчества. Что касается психологической практики, то психотерапевтическая роль творчества давно известна, и в настоящее время оформилась в самостоятельное направление практической психологии – арт-терапию. Арт-терапия представляет собой лечебно-профилактическую и коррекционную деятельность с использованием искусства, сложный синтез научных знаний педагогики, психологии, искусства, медицины, эргономики [7, с. 66]. Ее использование предполагает воздействие на процессы эмоциональной децентрации, эмоционально-волевого регулирования, невербально-коммуникативную культуру, развитие сенсорной культуры личности.

Существуют различные взгляды на определение указанного термина, среди которых «арт-терапия» это:

- динамическая система взаимодействия между участником (ребенком, взрослым), продуктом его изобразительной творческой деятельности и арт-терапевтом (психологом, педагогом) в арт-терапевтическом пространстве (Листовская Л.) [7, с. 67];
- здоровьесберегающая инновационная технология (Забара Л.) [5, с. 124];
- метод, связанный с раскрытием творческого потенциала индивида, освобождением его скрытых энергетических резервов, нахождением им оптимальных способов решения своих проблем (Евтушенко Г., Белова Е.) [4, с. 86];
- фактор личностно-ориентированного воспитания, который предполагает использование средств искусства для активизации личностного роста и творческого саморазвития (Иванова И., Косогорова Л.) [6, с. 49].

В современной психологической практике используются различные виды психотерапии через творческую деятельность, а именно: игровая терапия, сказкотерапия, драмотерапия, танцевальная терапия, музыкотерапия, куклотерапия, изотерапия, песочная терапия и др.

Приведенный краткий обзор подходов к пониманию и использованию творчества в психологической науке и практике показывает, что существует научная и практическая база для интерпретации творчества как интегративного механизма психики.

Для оценки уровня развития интегративных механизмов нами разработана 5-бальная шкала (уровни от -2 до +2). Показатели шкалы суммарно выражают результат

действия как интегрирующих, так и дезинтегрирующих факторов. В совокупности их влияние создает уровень интеграции психики, который имеет характерную феноменологию и является наблюдаемым.

Приведем выдержку из **таблицы феноменологии** (преобладающего поведения) взрослого человека на творческой стадии по 5 уровням:

Уровень «-2». Деструктивная направленность во всем.

Уровень «-1». Конструктивная направленность на себя и деструктивная на окружение.

Уровень «0». Конструктивная направленность на себя и умеренно-конструктивная на физическое и социальное окружение.

Уровень «+1». Созидательная и творческая деятельность в различных сферах.

Уровень «+2». Творческое отношение к жизни, к себе, к людям, конструктивная направленность во всем.

Выдержка из **таблицы феноменологии для детей** дошкольного возраста (преобладающее поведение и состояние ребёнка) на творческой стадии по 5 уровням:

Уровень «-1». Деструктивная направленность во всем. Самоагрессия. Грызет ногти, бьется головой об стену, причиняет себе боль. Занимается онанизмом. Нет навыков самообслуживания и гигиены.

Уровень «-2». Конструктивная направленность на себя и деструктивная на окружение. Ломает игрушки, портит мебель, одежду, ломает карандаши, топчет клумбы, мучает животных, ломает деревья, бросается предметами. Не доводит начатое до конца.

Уровень «0». Конструктивная направленность на себя и умеренно-конструктивная на физическое и социальное окружение. Ленив. Отсутствие интереса к деятельности, безынициативен. Выполняет поручения только с подачи взрослого.

Уровень «+1». Созидательная деятельность в различных сферах. С удовольствием помогает по хозяйству. Аккуратно делает поделки на занятиях. По собственной инициативе поливает растения, ухаживает за животными. Настойчив в достижении цели.

Уровень «+2». Творческое отношение к жизни, к себе, к людям, конструктивная направленность во всем. Занимается созидательной деятельностью, создаёт на занятиях оригинальные поделки, необычно использует предметы. Самостоятельно ставит цели. Инициативен.

Из приведённых уровней таблиц феноменологии видно, что творчество как общепонимаемый психологический феномен характеризует только высший уровень интегративного развития психики - «+2». Таким образом, творчество в узком смысле слова, как деятельность по созданию уникальных продуктов, возникает на более высоком уровне развития психики.

Интегративные механизмы психики походят в онтогенетическом развитии несколько стадий: 1. Стадия телесной интеграции (ведущие механизмы этой стадии: дыхание, сон, физическая активность, взаимосвязь с природой). 2. Стадия эмоциональной интеграции (ведущие механизмы: эмоции и эмоциональная память, переживание). 3. Стадия творческой интеграции (ведущие механизмы: творчество и созидательная деятельность). 4. Стадия мыслительной интеграции (ведущий механизм - мышление). 5. Стадия социальной интеграции (социальные механизмы интеграции). 6. Стадия сознательной интеграции (ведущие механизмы: экстерниоризация опыта, деятельность сознания). 7. Стадия духовной интеграции (механизмы духовной интеграции, любовь в широком смысле).

В онтогенезе каждая стадия интеграции развивается на основе предыдущих, надстраивается над ними. При недостаточном развитии предыдущих стадий интеграции невозможно развитие последующих. Более поздние стадии интеграции не компенсируют недостаток предыдущих стадий, либо компенсируют незначительно. Эта закономерность проявляется не только в онтогенетическом развитии, но и в процессе психокоррекционных занятий, а так же в педагогическом процессе. Данная закономерность выведена из практики психокоррекционной работы с детьми и взрослыми и экспериментально подтверждена. Это так называемый «закон последовательного развития интегративных механизмов» обладает большим объяснительным и прогностическим потенциалом при интерпретации различных психических феноменов и педагогических закономерностей.

Закон последовательного развития интегративных механизмов дает важный инструмент для социального воспитания: раннее формирование более высоких уровней интеграции возможно лишь на основе развития предыдущих, но не на основе их замещения или подавления, иначе происходит дезинтеграция самой системы интеграции. Для перехода на следующую стадию интегративного развития необходимо достичь хотя бы нулевого значения на предыдущей стадии. Например: невозможно добиться конструктивной направленности в поведении, если у ребенка преобладает страх и агрессия. Точно также невозможно научить ребенка нестандартному мышлению, если он склонен разрушать предметы и бить одноклассников.

С точки зрения практики данная закономерность важна при создании технологий психокоррекции. Современные традиции компенсирующего обучения направлены на работу с интеллектуальным уровнем, хотя зачастую проблематика находится в слабости эмоциональной интеграции. Наши эксперименты с детьми с задержкой психического развития показывают, что оптимизация интегративных процессов телесного и эмоционального уровней автоматически приводит к улучшению умственной и творческой деятельности ребенка [15, с. 54]. Исходя из этой закономерности можно конкретизировать задачу психосоциального воспитания: при развитии ребенка важно прежде всего целостно сформировать систему интеграции психики, которая одновременно будет и системой защиты, и системой исцеления, и системой развития.

Для развития интегративных механизмов, в том числе творчества, необходимо учитывать, что каждой стадии развития интегративных механизмов соответствует определенный тип коммуникации и социального контроля. *Телесная интеграция* – физический контакт и физические методы воздействия. Этому соответствуют спортивное и танцевальное творчество, выращивание растений и забота о животных, подвижные игры. *Эмоциональная интеграция* – эмоциональный контакт и воздействие на эмоциональную сферу. Этому соответствуют музыкальное творчество, пение. *Творческая интеграция* – совместные игры и созидательная деятельность. Механизмы управления – эмоциональное и лидерство, ролевая позиция. Этой стадии соответствует художественное творчество, рукоделие, создание поделок, конструирование. *Мыслительная интеграция* – коммуникация как обмен информацией и идеями. Управление через соглашение, инструкции и общий интеллектуальный контекст. На данной стадии характерно интеллектуальное творчество, нестандартное мышление, постановка и решение новых задач, интеллектуальное лидерство. *Социальная интеграция* – партнерство, то есть функциональное разделение в достижении совместных целей. Способ управления – целеполагание. На этой стадии творчество представляет собой самостоятельную постановку социальных целей, организационное и деловое лидерство, принятие ответственности, создание социальных групп. *Сознательная интеграция* – экстерниоризация опыта, обмен убеждениями, доверие, свобода и ответственность. Управление через предоставление возможностей. Творчество проявляется в осмыслении себя и мира, сочинительстве, философствовании, создании мировоззренческих концепций. *Духовная интеграция* – любовь и единение с Богом, обмен смыслами, растворение индивидуальности, безусловная вера. Способ управления: самоуправление. Творчество как жизнетворчество: спонтанное креативное созидательное существование во всех сферах бытия [16, с. 315].

При включении человека в определенный способ коммуникации, в нем развиваются соответствующие интегративные механизмы. В онтогенетическом развитии возникают новые уровни психики, появляются новые виды активности, в связи с этим, сменяются и ведущие интегративные механизмы. Интегративное развитие психики – это развитие в сторону большей целостности, которое характеризуется динамическим соответствием сложности организации (количеством элементов в системе) и уровнем организованности (мерой связи элементов). Мы считаем, что адекватная цель педагогического и психологического воздействия на человека – это обеспечение интегративного развития его психики.

Если на человека оказывается негативное воздействие или деструктивное влияние, то на интегративные механизмы психики ложится дополнительная нагрузка по их преодолению. Для творческой стадии интеграции деструктивными будут следующие факторы: жесткий контроль и ограничение свободы действий; насмешки и негативная оценка творчества и способностей ребенка, особенно, разрушение созданных продуктов; наказание за инициативу; бедность сенсорно-перцептивных стимулов, отсутствие адекватной социальной среды и поддерживающей коммуникации; бедный репертуар игр; постоянное аутсайдерство в игре; негативные внушения («у тебя ничего не получится», «ты ничего не умеешь» и тому подобное).

Из трактовки творчества как интегративного механизма психики следуют некоторые **выводы**:

Во-первых, творчество – это процесс с определенной мотивационной спецификой: он реализует базовую потребность в интеграции психики. Творчество не нуждается во внешней мотивации. Это самодетерминированный процесс.

Во-вторых, творчество возникает при определенном уровне интеграции психики, а именно на основе развития эмоциональной сферы, преобладания положительного эмоционального тона. Если в эмоциональной сфере человека преобладают негативные эмоции, творчество не может возникнуть. В этом случае необходимо развивать, либо корректировать предыдущие стадии интеграции – телесную и эмоциональную (восстанавливать дыхание, движение, устранять источники страхов и агрессии).

В – третьих, для развития творчества нужно дать человеку разнообразную предметную среду, благоприятный эмоциональный климат, свободу в деятельности. Обеспечить творческую безоценочную коммуникацию с референтными лицами. Создать игровые (ролевые) ситуации и дать примеры творческого поведения и деятельности. Включить в совместную созидательную де-

тельность.

В-четвёртых, обучение убивает творчество, творчеству не нужно учить как алгоритму. Алгоритмы, паттерны, образцы, смыслы – это процессы следующей стадии интеграции – мыслительной, которая приходит на смену творчеству. В современной педагогической практике развитие творчества понимается в основном как обучение художественным ремеслам, искусству. Перспектива соединения образования и творчества видится нам не как обучение творчеству (ему не надо учить, оно – природа человека), а как использование творчества в качестве инструмента обучения, то есть творческая интеграция знаний.

В-пятых, творчество как интегративный механизм психики, обладает уникальными особенностями: оно проявляется на всех стадиях, доступно внешней организации, а также является социально полезным феноменом. Мы рекомендуем развивать любые виды творческой деятельности для социального и психического оздоровления населения.

Высказанное в статье понимание сущности творчества подтверждено экспериментально на группах детей и взрослых с различным уровнем интеграции психики [13, с.142]. На основе авторской концепции интеграции психики были проведены 12 детских и молодёжных лагерей. Эмпирические и экспериментальные исследования в этих лагерях показали, что при восстановлении интегративных механизмов телесной и эмоциональной стадии (сна, связного дыхания, спонтанного движения, положительного эмоционального фона) у испытуемых спонтанно возникали творческие процессы в рисунке, поэзии, танце, музыке. При этом, чем выше был исходный уровень интеграции психики у группы, тем более необычными были их творения. Например, дети-сироты, пострадавшие в результате военных действий, на занятиях по арт-терапии рисовали могилы и взрывы, актуализируя и интегрируя свою эмоциональную проблематику. Дети из социального актива, у которых был базовый положительный эмоциональный фон, на занятиях с такой же программой, рисовали яркие картины, а на четвёртом занятии сами начали роспись по телу – «боди-арт» и сделали живую выставку фантазийных животных.

При достижении высокого уровня интеграции психики, дети начинают заниматься не только художествен-

ным, но и социальным творчеством. Например, старшие девочки в лагере «Актив-релакс» сами, по собственной инициативе и без помощи вожатых, устраивали каждый день новое, костюмированное сказочное представление в палате для малышей, чтобы те с желанием уходили раньше всего лагеря спать. Сами сочиняли сказку, репетировали, брали в костюмерной костюмы. Старшие юноши сами договорились с соседним лагерем и организовали турнир по футболу, хотя ни физрука, ни спортивных занятий в программе нашего лагеря не было. Сами создали команду, тренировались, организовали игры, нанесли судей и, в итоге, победили.

В соответствии с выделенными стадиями интеграции психики можно на каждой стадии описать наиболее высокий уровень развития, когда феноменологически будет проявлено творчество. *Телесная интеграция* – воспитание животных и растений; кулинарное творчество; танец, цирковое искусство; самооздоровление, «здоровый образ жизни», строительство тела (фитнес, бодибилдинг и др.), спорт высших достижений; туризм (в том числе охота и рыбалка), экстремальный спорт; интегративные практики самосовершенствования (йога, цигун и др.), боевые искусства, сексуальное творчество. *Эмоциональная интеграция* – игра на музыкальных инструментах, диджеинг, исполнение и сочинение музыки и песен; спортивные игры. *Творческая интеграция* – рукоделие, прикладное искусство, художественное творчество; дизайн внешности, одежды и быта; строительство и отделка помещений; инженерная деятельность и конструирование; изобретательство. *Мыслительная интеграция* – стихосложение, сочинительство, инсайты и прозрения, решение нестандартных задач, создание концепций и теорий, научное творчество, интеллектуальные игры и спорт. *Социальная интеграция* – организация и руководство социальными группами (в том числе создание семьи), управление социальными процессами, педагогическое творчество (в том числе воспитание собственных детей), экономическое и социальное предпринимательство, карьера. *Сознательная интеграция* – создание собственного социального имиджа (в том числе вэб-сайтов), журналистика (в том числе блоги и видеоблоги), литературное творчество, создание текстовых художественных произведений (в том числе дневников и мемуаров). *Духовная интеграция* – создание психологических, религиозных и философских концепций, теорий, и практик; духовная трансценденция и трансформация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. - М.: Академический проект, 2015. – 240 с.
2. Вильчек В.М. Алгоритмы истории. - М.: Прометей, 1989. – 132 с.
3. Дикая Л.А., Дикий И.С. Творческий мозг: монография / Л.А. Дикая, И.С. Дикий; Южный федеральный университет. - Ростов-на-Дону: Издательство Южно-

- го федерального университета, 2015. – 218 с.
4. Евтушенко Г.Н., Белова Е.А. Роль артпедагогики и арт-терапии в гармоничном развитии ребенка с проблемами // Интерактивная наука. – 2016. – № 2. – С. 85-88.
 5. Забара Л.И., Якина Л.Н. Арт-терапия как инновационная технология социально-педагогической деятельности с детьми: к проблеме теории и методологии // Педагогические технологии. – 2017. – № 3. – С. 122-131
 6. Иванова И.В., Косогорова Л.А. Арт-терапия как средство самопознания и развития творческого потенциала личности // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 48-50.
 7. Листовская Л.В. Арт-терапия - форма организации творческого процесса // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2014. № 2 (28). С. 65-69.
 8. Маслоу А.Х. Дальние пределы человеческой психики. - СПб.: Питер, 2018. – 448 с.
 9. Пономарев Я.А. Актуальные проблемы психологии творчества // Вопросы психологии. - 1982. - № 5. - С. 161-166.
 10. Фрейд З. Введение в психоанализ. - М.: Азбука, 2017. – 448 с.
 11. Фромм Э. Кризис психоанализа. - М.: АСТ, 2017. - 256 с.
 12. Человек и общество. Ноосферное развитие / под ред. В.Н. Василенко, С.И. Григорьева, В.И. Петрушева, А.И. Суббето. – Белгород: Белгородская областная типография, 2011. – 480 с.
 13. Шемет И.С. Интеграция психики: концепция, метод, эксперимент. М.: Редакционно-издательский центр Консорциума «Социальное здоровье России», 2006. – 192 с.
 14. Шемет И.С. Методы интеграции психики: автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. психол. наук (19.00.01) - Москва, 2006. - 54 с.
 15. Шемет И.С. Потребность в интеграции и её реализация на разных ступенях интегративного развития человека // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Психологические науки: «Акмеология образования»: Науч.-методич. журнал – Кострома, 2009. – Т. 15. – С. 50-55.
 16. Шемет И.С. Системогенез жизнедеятельности // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: матер. IV Всерос. науч.-практич. конф./ под науч. ред. Ю.П. Поварёноква. – Яр: Изд-во ЯГПУ, 2009. – С. 314-316.

© Шемет Ирина Сергеевна (irashemet@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный Институт имени Екатерины Великой

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ ВОСПИТАТЕЛЕЙ К ПАРТНЕРСКОЙ ПОЗИЦИИ ПРИ СОЗДАНИИ РАЗВИВАЮЩЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ДОШКОЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

PSYCHOLOGICAL READINESS OF EDUCATORS FOR A PARTNER POSITION IN CREATING A DEVELOPING EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN A PRESCHOOL INSTITUTION

*L. Shibayeva
O. Sobakinskikh*

Summary: The purpose of the research presented in the publication was to characterize the readiness of kindergarten teachers to implement a partner position when they jointly plan activities for the development of age-related neoplasms of preschool children. Diagnostic methods for identifying psychological difficulties of educators in solving planning tasks in productive interaction are described, and errors in the implementation of value-target and operational-technical levels of interaction organization are characterized when creating plans for the implementation of educational programs for preschoolers within a week. The results of content analysis of the array of weekly plans of kindergarten teachers are presented, and indicators of the representation of difficulties and errors at each of the levels are given.

The diagnostic results allow us to substantiate the model of organizational and psychological conditions that contribute to the dynamics of psychological readiness of teachers to create a developing educational environment that meets the requirements of Federal state educational standard.

Keywords: kindergarten teachers, psychological readiness, developing educational environment, partnership, operational and technical, value-target component of joint activity, content analysis method, organizational and psychological conditions for changes in psychological readiness.

Шibaева Людмила Васильевна

*Д.псих.н., профессор, Сургутский государственный педагогический университет
shibaeva2003@gmail.com;*

Собакинских Оксана Владимировна

*аспирант, Сургутский государственный педагогический университет
mixvel@yandex.ru*

Аннотация: Цель исследования, представленного в публикации, состояла в характеристике готовности воспитателей ДОУ к реализации партнерской позиции при совместном планировании ими деятельности по развитию возрастных новообразований дошкольников. Описаны диагностические приемы выявления психологических затруднений воспитателей при решении задач планирования в продуктивном взаимодействии, дана характеристика ошибок при реализации ценностно-целевого и операционно-технического уровней организации взаимодействий при создании планов реализации развивающих программ для дошкольников в масштабе недели. Представлены результаты контент-анализа массива недельных планов воспитателей ДОУ и приведены показатели затруднений и ошибок на каждом из уровней.

Результаты диагностики позволяют наметить модель организационно-психологических условий, способствующих динамике психологической готовности воспитателей к созданию развивающей образовательной среды, отвечающей требованиям современных ФГОС ДО.

Ключевые слова: воспитатели ДОУ, психологическая готовность, развивающая образовательная среда, партнерство, операционно-технический и ценностно-целевой компонент совместной деятельности, метод контент-анализа, организационно-психологические условия изменения психологической готовности.

В настоящее время одним из актуальных направлений реализации ФГОС ДО [12] выступает необходимость создания развивающей образовательной среды (ОС) для воспитанников, требующая от воспитателей преодоления профессиональных стереотипов проведения регламентированных занятий по формированию у детей дискретных умений и навыков, вовлечения их в локальные фестивально-праздничные мероприятия. Современный ФГОС ориентирует педагогов ДОУ при планировании на приоритеты возрастнo-нормативных достижений дошкольников, что делает необходимым для воспитателей научиться пользоваться при описании

результатов совместной деятельности характеристикой возрастных новообразований и прилагать усилия при организации деятельности детей к созданию ситуаций их формирования. Это предполагает изменение профессионального мышления воспитателей ДОУ, оформления у них новых способов стратегического планирования, ориентировки на партнерство с коллегами по созданию развивающей образовательной среды (РОС).

Проблема исследования, представленного в публикации, состояла в выявлении исходного уровня готовности воспитателей ДОУ к реализации партнерской

позиции при планировании совместной деятельности развития возрастных новообразований дошкольников.

Исследование проводилось в контексте разработки и последующей апробации модели организационно-психологических условий, способствующих профессионально-личностному развитию воспитателей, профилактике профессионально-личностных кризисов при их переходе к обновленным способам профессиональной деятельности, ориентированным на ФГОС.

В настоящее время предложены варианты подходов к характеристике образовательных сред [1, 2, 3, 6, 11, 15, 16]. Среди них большое значение приобретает подход, ориентированный на коммуникативно-ориентированную модель, разрабатываемый В.В. Рубцовым, К.И. Поливановой, И.В. Ермаковой [8, 9]. В ее основе - представление об ОС как форме коммуникативного взаимодействия, создающего особую общность субъектов образования в процессе сотрудничества.

Согласно В.В. Рубцову ОС это сложившаяся «полиструктурная система прямых и косвенных воспитательно-обучающих воздействий, реализующих явно или неявно представленные педагогические ценностные установки педагогов, характеризующие цели, задачи, методы, средства и формы образовательного процесса в данной школе» [9, с 177]. Основные структурные компоненты: направленность на ценности развития учащихся, социально-психологическая структура коллектива, объединенного общими целями, созидательный психологический климат.

В настоящее время приобретает все большее значение «экопсихологический» подход [7]. Он формировался в рамках психо-дидактической парадигмы развивающего образования. Согласно данному подходу, педагогические и психологические условия создаются для раскрытия проявившихся и потенциальных способностей обучаемых на основе требований возрастной социализации и задатков. Развивая данный подход, В.И. Панов определяет ОС как динамическое образование, системный продукт взаимодействия участников [7]. Среди основных принципов реализации такого подхода важным является ориентация создаваемых условий на соответствие возрастным этапам развития детей, включение их в различные виды совместной деятельности, актуализация зоны ближайшего развития с одновременной опорой на развитие актуального уровня способностей.

В.И. Панов, выделяя три основных компонента – деятельностный (технологический), коммуникативный и пространственно-предметный, описывает следующие организационно-психологические условия, необходимые для их формирования:

- развитие интересов и способностей посредством включения в разнообразные виды деятельности;
- уход от репродуктивных форм педагогической деятельности - передачи знаний, умений и навыков – к продуктивным. К подобным формам относят сотрудничество субъектов в процессе коллективно-распределенной деятельности;
- формирование рефлексивной позиции педагогов, поощряя развитие способности «анализировать себя со стороны [7].

При характеристике взаимодействия участников, создающих развивающие ОС, подчеркивается значимость ценностно-смысловой синхронизации деятельности. Так В.И. Слободчиковым педагогическое сообщество характеризуется как психологически особая со-бытийная общность [11]. Подчеркивается то, что развивающая образовательная среда возникает с началом взаимодействий педагогов – в их совместной деятельности, ориентированной на ценности развития участников. Ценностное единение участников придает ситуациям взаимодействий статус со-бытийности [10, 11].

В русле данного подхода весьма актуальной становится проблема исследования того, как преодолеваются психологические затруднения при переходе воспитателей ДОО от ориентировки на индивидуальную работу по созданию строго регламентирующей деятельность детей программ организации занятий в течение дня, недели, месяца – к ценностно-смысловой консолидации деятельности на основе стратегии и тактики взаимодействия по сопровождению возрастных новообразований детей.

Это направление предполагает овладение воспитателями позиции партнерства в условиях продуктивного взаимодействия с коллегами, создающими развивающее образовательное пространство на основе соучастия в целевых программах, ориентированных на становление возрастных новообразований воспитанников.

В исследованиях Л.В. Шибяевой подчеркивается значение адресных целевых программ, объединяющих педагогов при создании РОС школы [14]. Автором прямо соотносится развивающий потенциал образовательной среды с готовностью педагогов выступать лидерами и участниками масштабными развивающих программ, которые объединяли бы комплекс учебно-воспитательных ситуаций, ориентированных на интегративные психические новообразования учеников и служили бы объединению усилий педагогов по достижению совместных развивающих результатов [14].

Необходимо подчеркнуть недостаточность исследований развивающих образовательных сред как продук-

тов совместной продуктивной деятельности участников дошкольных образовательных учреждений, ориентирующихся на ценности развития возрастных новообразований дошкольников.

В процессе становления воспитателей в позиции участников создания РОС при характеристике ценностно-целевого компонента собственной деятельности необходима ориентация на психологические закономерности развития детей, технологии и методы проектирования целевых программ, опосредованных приоритетом ценностей развития ведущих новообразований в дошкольном детстве. В этом отношении большое значение приобретает овладение способами стратегического и тактического взаимодействия с партнерами, актуализации рефлексивного компонента при анализе затруднений в столь приоритетных профессиональных задачах. Теоретическими основаниями для характеристики динамики готовности воспитателей ДОО к высоким уровням реализации профессионального взаимодействия в нашем исследовании выступили положения деятельностного подхода [4, 5, 13]. Они позволяют выделить такие компоненты в реализации совместной деятельности как ценностно-смысловой и операционно-технический [4]. Достижение согласованности этих компонентов в партнерском взаимодействии и рассматривалось как достижение наиболее высоких уровней совместной продуктивной деятельности [5].

Объектом исследования выступало профессиональное развитие воспитателей ДОО как участников совместной деятельности по созданию развивающей образовательной среды.

Предмет исследования – психологическая готовность педагогов к партнерству при планировании профессиональной деятельности по сопровождению возрастнo-нормативных достижений дошкольников

Исследование включало осуществление диагностики психологической готовности воспитателей к планированию совместной развивающей деятельности в группе детского сада. В состав экспериментальной группы (ЭГ1) вошли 22 воспитателя ДОО №20 и 22 воспитателя контрольной группы (ЭГ2) ДОО №26 г. Сургута. Для первичной диагностики был выбран такой масштаб реализации профессиональной деятельности как неделя и такой этап профессиональной деятельности как ее планирование. В качестве эмпирического материала выступали тексты 44 планов в ЭГ1 и 44 планов в ЭГ2.

Для выявления готовности педагогов к партнерству при планировании профессиональной деятельности как совместной необходимо было разработать шкалу оценки качества планов и отражения в них всех компонентов,

характеризующих направленность на взаимодействие при достижении развивающих результатов работы с дошкольниками.

Реализовалось два направления диагностики готовности воспитателей быть участниками создания развивающей образовательной среды ДОО:

1. ориентировка на стратегические программы работы с детьми для обеспечения возрастнo-нормативных достижений;
2. согласованность у воспитателей, работающих в одной группе детей, ценностно-смысловых ориентаций на достижение ведущих психических новообразований дошкольников, которая выражалась бы критериях удовлетворенности собственной деятельностью, выявляемых в процессе рефлексии достижений и неудач.

В первом направлении исследования в качестве основного метода изучения готовности воспитателей к реализации взаимодействия на операционно-техническом уровне выступал метод анализа продуктов деятельности - текстов планов работы в группе на неделю. В качестве метода, который позволял бы выявить готовность воспитателей к реализации продуктивного взаимодействия на ценностно-смысловом уровне деятельности, выступал метод контент-анализа результатов рефлексивной беседы.

Диагностические приемы должны были позволить выявлять затруднения и дифференцировать ошибки воспитателей в достижении качества планов, описывающих программы развития психических новообразований дошкольников в соответствующих возрастнo-нормативных видах и формах деятельности.

При реализации контент-анализа текстов планов были использованы следующие индикаторы, характеризующие оптимальный вариант тех условий, которые могли бы свидетельствовать об ориентировке воспитателей на развивающие результаты:

1. Ориентация на достижение динамики возрастнo-нормативных показателей развития детей. Это должно было находить выражение в формулировке целей и задач. От описания целей на языке частных умений, знаний и навыков детей воспитатели должны были переходить к описанию на языке возрастнo-нормативных достижений.
2. Обеспечение единства замысла и преемственности запланированных мероприятий, средств, способов в контексте темы недели и итогового результата деятельности (культурно-образовательного события).
3. Установление соответствия форм и содержания деятельности возрастным характеристикам вос-

питанников.

Критерии оценки качества продукта совместной деятельности при создании плана образовательной работы на неделю с воспитанниками представлены в таблице 1 Приложения 1.

Анализ того, насколько оказывались воспитатели готовы руководствоваться согласованными ценностно-целевыми ориентирами при планировании деятельности с партнером, осуществлялся на основе контент-анализа рефлексивной беседы с воспитателями (Приложение 2).

В качестве индикаторов оценки проявления готовности воспитателей ориентироваться во взаимодействии с партнером на развивающие цели и готовности осуществлять их в партнерстве выступали критерии, представленные в таблице 2 и Приложения 2. К таким индикаторам были отнесены такие эмпирические показатели как умение описать эталон продукта совместной деятельности, адекватно соотнести эталонный продукт с тем, который был получен в процессе взаимодействия с партнером.

К индикаторам, свидетельствующим о готовности к партнерству, относились рефлексивные высказывания о ценностях и целях возрастного развития детей как результатах совместной с партнером деятельности, о качестве собственных действий в позиции партнера, оценке партнера как участника совместной программы.

Проведенная диагностика позволила выявить долю воспитателей в двух детских садах с разным уровнем психологической готовности к реализации партнерской позиции при решении таких профессиональных задач как планирование деятельности в масштабе недели, ориентированной на возрастно-нормативные достижения дошкольников. Обобщенные результаты представлены в таблице 1.

Доля педагогов ДОУ с разным уровнем готовности к партнерству при создании развивающих программ деятельности с воспитанниками

Таблица 1

Показатель		Низкий	Средний	Высокий
Уровень качества продукта совместной деятельности (план работы на неделю)	ЭГ1	72,7%	18,2%	9,1%
	ЭГ2	63,6%	27,3%	9,1%
Уровень выраженности ценностно-смыслового компонента СПД по подготовке плана	ЭГ	68,1%	27,3%	4,6%
	КГ	59,1%	31,8%	9,1%

Как показали результаты диагностики, высокий уровень готовности оказался одинаково мало представленным у воспитателей двух детских садов.

Анализ работы педагогов по планированию деятельности с воспитанниками на неделю позволил выявить низкий уровень ориентации на определенные требования к качеству данного документа, отражающие преемственный характер развивающей деятельности с детьми по достижению возрастно-нормативных уровней развития. Вызывало затруднение осмысление принципов партнерства при создании планов – прослеживается опора на индивидуальные способы деятельности. Это выразилось в показателе, описывающем распределение ролей при подготовке к реализации планов.

При оценке операционно-технического компонента, который проявлялся в качестве текста планов, был зафиксирован низкий уровень, по мнению экспертов, у большинства педагогов. Это выражалось в несоблюдении параметров преемственности запланированных видов работы с детьми в контексте темы недели и итогового культурно-образовательного события, формулировке целей и задач не на языке развития возрастных новообразований. Было выявлено, что педагоги не всегда могут описать характерные для своей возрастной группы детей новообразования, что затрудняет постановку целей и задач планируемой с детьми образовательной деятельности.

Проведенное исследование позволило наметить стратегию сопровождения воспитателей для преодоления затруднений и формирования их готовности реализовать принципы партнерства при планировании работы с воспитанниками.

Результаты исследования положены в основание разработки модели организационно-психологических условий формирования компетенций педагогов в процессе организации ими эффективного взаимодействия при решении задач обеспечения возрастно-нормативных достижений воспитанников. Программа направлена на активизацию рефлексии ценностно-смыслового компонента деятельности воспитателей и осмысление способов взаимодействия участников при организации овладения детьми новыми видами развивающей деятельности на уровне профессионального партнерства. Данная модель может быть применена для разработки организационно-психологической программы повышения квалификации воспитателей в системе их непрерывного образования.

Критерии оценки качества продукта совместной деятельности при создании плана образовательной работы на неделю с воспитанниками

Таблица 1

КРИТЕРИЙ	ПОКАЗАТЕЛЬ	ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ	балл
Формулировка целей и задач на языке описания динамики возрастнo-нормативных достижений	Наличие слов-маркеров формулировки целей и задач на языке целевых ориентиров развития детей	Присутствуют	3
		Частично присутствуют	2
		Отсутствуют	1
Преимственность различных видов деятельности в течении недели	Виды деятельности, запланированной с детьми взаимосвязаны друг с другом	Наличие взаимосвязи всех видов запланированных занятий	3
		Частично взаимосвязаны между собой	2
		Каждый вид деятельности обособлен, нет преемственности	1
Соотнесение содержания запланированной деятельности с темой недели	Каждый из запланированных видов деятельности с детьми соответствует тематике недели	Да	3
		Частично (не менее половины)	2
		Менее половины	1
Соотнесение содержания различных видов деятельности с итоговым продуктом недели(культурно-образовательным событием)	Деятельность, осуществляемая детьми при выполнении данного занятия, создает вклад в итоговое культурно-образовательное событие	Полностью - каждое занятие приносит свою пользу в «копилку» КОС	3
		Частично (не менее половины)	2
		Единичные занятия соотносятся с итоговым КОС	1
Соответствие форм работы возрасту воспитанников и поставленным задачам	Выбранные формы работы адекватны возрасту воспитанников	Полностью соответствуют	3
		Частично (не менее половины)	2
		Не соответствуют	1
	Выбранные формы работы актуальны для реализации поставленных задач и целей	Полностью соответствуют	3
		Частично (не менее половины)	2
		Не соответствуют	1

Уровень готовности к выполнению роли инструктора:

- 1 – низкий (0-11 баллов)
- 2 – средний (12-22 балла)
- 3 – высокий (23-33 балла)

Экспертная оценка особенностей ценностно-смыслового компонента партнерской деятельности педагогов в процессе рефлексивной беседы.

Беседа с педагогами в рамках семинара по представлению планов деятельности с воспитанниками

1. Удовлетворены ли вы полученным результатом? Отвечает ли ваш план основным требованиям:
 - цели и задачи сформулированы в соответствии с ориентирами развития детей данной возрастной группы;
 - выдержана преемственность различных видов деятельности;
 - запланированные мероприятия соотносятся с темой недели;
 - запланированная деятельность соотносится с итоговым продуктом недели;
 - формы работы соответствуют возрасту детей.
2. В чем проявились затруднения при достижении более качественного результата и от чего они зависели?
3. Какими мотивами вы руководствовались при составлении плана? Можете ли вы назвать вашу позицию активной? Чем, по-вашему, руководствовался партнер, опишите его позицию.
4. Как строилась работа по подготовке недельного плана деятельности с воспитанниками? Какие договоренности были созданы и как распределена совместная работа?
5. Присутствовало ли партнерство в вашей паре? В чем это выражалось?
6. Удовлетворены ли вы способами организации взаимодействия с партнером при достижении результата?

Критерии и показатели оценки ценностно-смыслового компонента готовности педагогов к осуществлению совместной деятельности

Таблица 2

КРИТЕРИЙ	ПОКАЗАТЕЛЬ	ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ	балл	
Способность к рефлексии мотивационно-целевого компонента взаимодействия с партнером	Уровень осознанности мотивационно-целевого компонента СПД	Высокий Может осознать и вербализовать: — мотивы и цели осуществления взаимодействия: — направленность при взаимодействии — активность	3	
		Средний Частично описывает мотивы СПД, направленность при взаимодействии	2	
		Низкий Затрудняется в описании мотивов и целей совместной деятельности	1	
Способность к вербализации и осмыслению взаимодействия с партнером в СПД	Уровень осознанности собственного участия в совместной деятельности	Высокий	Указывают недостатки выполнения собственных действий в роли партнера	2
		Низкий	Указывают характеристики партнера, как не владеющего способами кооперации	1
	Уровень осознания взаимодействия как совместной деятельности	Высокий	Указывают недостатки совместной договоренности о плане деятельности	2
		Низкий	Не указывают недостатки совместной договоренности о плане деятельности	1
Способность к вербализации качества взаимодействия	Уровень вербализации качественно взаимодействия	Высокий	Описывают качества слаженной кооперации, характеризуют ее результат и описывают компоненты коммуникации, которая привела к этому	3
		Средний	Указывается необходимость ориентироваться на партнера при выполнении кооперации, потребность во владении способами коммуникации	2
		Низкий	Не дают ответа на вопросы, затрудняются в подборе слов и выражений	1
Способность оценить качество продукта совместной деятельности с позиции эксперта	Уровень качества оценки созданных продуктов, ее объективность, способность осмыслить эталон качества и соотнести с ним готовый продукт	Высокий	Осмысливают в качестве эталона планирования документ, обладающий комплексными характеристиками (т.е. соблюден весь перечень требований к плану). При соотнесении собственных продуктов объективно отмечают успешные и несоответствующие черты собственного плана.	3
		Средний	При определении эталона не учитывают весь спектр требований. Соотнося собственный продукт с эталоном частично отмечают удавшиеся и несоответствующие черты.	2
		Низкий	Вызывает затруднение определение эталона планирования. При анализе собственного продукта затрудняются в соотнесении с требованиями, отметке качества плана.	1

Уровень сформированности мотивационно-целевого и ценностно-смыслового компонента взаимодействия в совместной деятельности:

- 1 – низкий (0-8 баллов)
- 2 – средний (9-16 баллов)
- 3 – высокий (17-24 балла)

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабанова Н.В. Образовательная среда школы и проблемы социализации личности: Монография. — Краснодар, 2002.
2. Беляев Г.Ю. Формирование термина «образовательная среда» в психолого-педагогической литературе конца XX – начала XXI века (Образовательная среда как предмет профессиональной деятельности педагога-воспитателя). – URL: <http://dzd.rksmb.org/science/bel06.htm>.
3. Григорьева М.В. Понятие «образовательная среда» и модели образовательных сред в современной отечественной педагогической психологии // Ученые записки. – 2010. Т. 3. Сер. Психология. Педагогика. № 4 (12) – с. 3-11
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 511 с.
5. Ляудис, В.Я. Структура продуктивного учебного взаимодействия -[Электронный ресурс / В.Я. Ляудис/ – Электрон. дан. – [Б. м.], [2007]. Режим доступа: http://www.ido.rudn.ru/psychology/pedagogical_psychology/ch8_4.html
6. Образовательная среда школы как фактор психического развития учащихся / под ред. В.В. Рубцова, Н.И. Поливановой. – Москва– Обнинск: ИГ–СОЦИН, 2007. – 288 с.
7. Панов, В.И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. — СПб.: Питер, 2007. — 352 с.
8. Поливанова К.Н., Ермакова И.В. Образовательная среда урока: психологическая характеристика // 2-я Российская конференция по экологической психологии: Тезисы. (Москва, 12–14 апреля 2000 года).– М., 2000. – С. 205–207.
9. Рубцов В.В. Оценка образовательной среды школы // 2-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. (Москва, 12–14 апреля 2000 года). – М., 2000. – С. 176-177.
10. Слободчиков В.И. Образовательная среда: реализация целей образования в пространстве культуры // Новые ценности образования: культурные модели школ. – М., 1997. - Вып. №2 7.
11. Слободчиков В.И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования // 2-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. (Москва, 12–14 апреля 2000 года) – М., 2000. – С. 172–176.
12. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования»
13. Цукерман, Г.А. Взаимодействие ребенка и взрослого, творящее зону ближайшего развития [Текст]. — / Г.А. Цукерман // Культурно-историческая психология, – 2006. № 4. С. 61–73
14. Шibaева Л.В. Становление учащегося как субъекта образования в условиях развивающего обучения/ Л.В. Шibaева — Сургут, 2010. — 267с.
15. Щербакова Т.Н. К вопросу о структуре образовательной среды учебных учреждений // Молодой ученый. — 2012. — №5. — С. 545-548. — URL <https://moluch.ru/archive/40/4867/> (дата обращения: 24.01.2020).
16. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

© Шibaева Людмила Васильевна (shibaeva2003@gmail.com), Собакинских Оксана Владимировна (mixvel@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сургутский государственный педагогический университет

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ИНТЕРНЕТ

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND INTERNET

S. Abdullayeva

Summary: The author in the article considers the attitude of the Russian Orthodox Church to the Internet and its further interaction with the virtual space, in the context of global Internet globalization, which eventually affected all spheres of human life, including the religious worldview, which gave rise to such a phenomenon as the «Internet Church». For today, the Russian Orthodox Church has adapted quite well to the virtual reality, having managed to create its own Orthodox official websites, portals and channels on the world wide web in a small amount of time, thus being able to positively influence a large number of Russian youth and adults through the Internet as part of spiritual and moral education.

Keywords: Russian Orthodox church, internet space, website, Orthodox Internet, cyber education.

Абдуллаева Сабина Шихсеидовна

Ассистент, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых;

преподаватель Колледжа инновационных технологий и предпринимательства Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

amirseidova.sabina@yandex.ru

Аннотация: В статье автором рассматривается отношение Русской Православной Церкви к интернету и ее последующее взаимодействие с виртуальным пространством, в контексте всемирной интернет глобализации, которая затронула в итоге все сферы человеческой жизнедеятельности, включая и религиозное мировосприятие, породившее такой феномен как «интернет-церковь». На сегодняшний день РПЦ довольно хорошо приспособилось к виртуальной реальности, сумев за небольшое количество времени создать свои собственные православные официальные сайты, порталы и каналы в мировой паутине, тем самым, получив возможность положительно в рамках духовно-нравственного воспитания влиять на большое количество российской молодежи и взрослого поколения через интернет.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, интернет-пространство, сайт, православный интернет, кибеобразование.

В настоящее время с появлением интернета (далее: интернет пространство, виртуальная сеть, виртуальная реальность, виртуальное пространство, всемирная или мировая паутина, киберсеть, киберпространство) человеческое сознание подверглось кардинальным изменениям. Виртуальная сеть (виртуальная реальность, англ., VR – virtual reality) стала неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, что в итоге привело как к положительным, так и к отрицательным изменениям нашей духовной жизни. Благодаря развитию информационных технологий интернет становится некой повсеместно доступной «паутиной», где пользователи не только находят, интересующую их информацию, но и создают впоследствии собственные информационные блоги (англ., information blog), персональные страницы (англ., personal page) или же страницы участника интернет форума (англ., online forum). Следовательно, благодаря киберпространству люди приобретают новых знакомых, общаются, находят необходимую информацию, получают профессиональное образование, занимаются самообразованием, а также проводят свой досуг. В итоге необходимо подчеркнуть тот факт, что всемирная киберсеть начинает проникать во все сферы не только светской жизни человека, но и в область религиозного мировосприятия, т.е. в духовную сферу. В итоге возникает такой феномен как «интернет-церковь» – довольно распространенное явление на западе. Например, интернет-церковь Христа (англ., The Internet Church Of Christ, активная ссылка: <http://www.internetchurchofchrist.org>), I-Церкви (англ., I-Church, активная ссылка: <http://www.i-church.org>), интернет-церковь св. Иоанна (англ., The St. John's Internet Church, активная ссылка: <http://www.religionnet.com>).

Ричард Томас (англ., Richard Tomas, 1951 г.), директор по связям Оксфордской Епархии, отмечает, что «желание знать и быть известным, принадлежать к благосклонному сообществу, не будучи ограниченным одним местом и одним временем, и есть неотъемлемая необходимость создания «интернет-церкви». Следовательно, вы можете принадлежать к церкви независимо от того, где вы территориально находитесь, как часто вы путешествуете и насколько трудно находиться в воскресенье утром в храме [1]. Кроме того, Р. Томас подчеркивает важность существования «интернет-церкви» для тех, кто физически не способен добраться до обычной церкви, но также нуждается в духовной поддержке и может ее получить от «кибер-сообщества».

Что же касается непосредственного религиозного образования во многих высших образовательных учреждениях и религиозных институтах, то они предлагают пройти дистанционное обучение через интернет. Данная тенденция значительно выросла за последние десять – пятнадцать лет. Многие религиозные институты и академии имеют собственные интернет-сайты, которые, безусловно, помогают учащимся в процессе обучения, а также содействуют привлечению абитуриентов. Напри-

мер, Московская Духовная Академия (активная ссылка: <http://www.mpda.ru>), Санкт-Петербургская Духовная Академия и Семинария (активная ссылка: <http://www.spbda.ru>), Казанская Духовная Семинария (активная ссылка: <http://www.kds.eparhia.ru>), Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (активная ссылка: <http://pstgu.ru>), Свято-Филаретовский Институт (активная ссылка: <http://www.sfi.ru>), Заокская Духовная Академия Адвентистов Седьмого Дня (активная ссылка: <http://www.seminary.ru/rus/index>), Теологическая Семинария Евангелическо-Лютеранской Церкви (активная ссылка: <http://www.novosaratovka.org>).

Русская православная церковь (далее: РПЦ) в общем не имеет чисто негативного отношения к виртуальной реальности в целом, но и очень осторожно относится к возможностям «всемирной паутины», так как количество православных интернет ресурсов постоянно растет и служители православной церкви уже не могут игнорировать эту сферу. В итоге, делаются попытки систематизации православных сайтов, например «в 2006 в Москве состоялась торжественная церемония подведения итогов первого конкурса православных сайтов Рунета «Мрежа-2006», где были названы лучшие православные сайты», на которые можно без опасения опираться как в вопросах веры, так и в поисках достоверной религиозной информации. По итогам конкурса были выдвинуты следующие официальные церковные сайты: официальный портал Московской Патриархии «Патриархия.ru» (активная ссылка: patriarchia.ru); сайт «Сестры.Ru» Ново-Тихвинского женского монастыря, г. Екатеринбург (активная ссылка: sestry.ru – стал победителем конкурса «официальные церковные сайты»); официальный сайт Украинской Православной Церкви «Украина Православная» (активная ссылка: pravoslavnye.org.ua). Другими лауреатами в данной номинации стали сайты: Владивостокско-Приморская епархия (активная ссылка: vladivostok.eparhia.ru); Вознесенский Печерский мужской монастырь Нижегородской епархии (активная ссылка: recherskiy.nne.ru); Знаменский храм в с. Холмы Истринского района Московской области (активная ссылка: znamenie.org); Донбасс православный (активная ссылка: ortodox.donbass.com); Казанская епархия Русской Православной Церкви (активная ссылка: kazan.eparhia.ru); Московская епархия Русской Православной Церкви (активная ссылка: meparh.ru); Нижегородская епархия Русской Православной Церкви (активная ссылка: nne.ru); Отдел по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви (активная ссылка: diaconia.ru); Смоленская и Калининградская епархия Русской Православной Церкви (активная ссылка: smolenskerparhi.ru); Храм св. Иоанна Богослова с. Богословское-Могильцы Московской обл. (активная ссылка: hram-usadba.ru) [3].

Часть православного интернета расположена на сер-

вере «Россия православная» (активная ссылка: <http://orthodoxy.ru/>). Этот кибер ресурс объединяет более пятьсот сайтов православной тематики: сайты монастырей, интернет порталы общественных организаций, а также персональные интернет блоги. Наиболее популярным сайтом в православной среде является интернет портал: Православие.ru (активная ссылка: <http://www.pravoslavie.ru/>), содержащий большое количество аудио, фото и видео материалов, исторические документы, новости, а также православный календарь. Сайт имеет как русскоязычную, так и англоязычную версии, имеет свои группы в популярных социальных сетях и в «живом журнале» (англ., LiveJournal.ru – блог-платформа для ведения онлайн-дневников (блогов), а также отдельный персональный блог, размещенный на этой платформе). Обратная связь реализована в виде «вопросов к священнику», структурированные по тематическим разделам. Сайт имеет встроенный поисковик, позволяющий быстро найти необходимый материал, также пользователи могут подписаться на почтовую рассылку, исходящую с данного интернет ресурса. Таким образом, сайт Православие.ru использует многие достижения современного построения интернет сайтов и информационных порталов, и является одним из самых популярных в русскоязычном православном киберпространстве.

РПЦ имеет свой канал на видео сервере «Youtube». Он был открыт по благословию патриарха Кирилла в 2010 году. Такая форма присутствия православной церкви во всемирном информационном пространстве уже обрела популярность. Размешенное на этом канале приветствие патриарха посмотрело около семидесяти тысяч пользователей. В соответствии с данными о посещении и регистрации на канале (декабрь 2019 г.), данный информационный портал имеет почти сорок тысяч девятьсот постоянных подписчиков. В настоящее время РПЦ стала достаточно положительно относиться к присутствию церкви в мировом киберпространстве, придавая этому процессу богословское осмысление, в соответствии с которым православная церковь должна соответствовать современной информационной картине мира, что подтверждает наличие в «живом журнале – LiveJournal.ru» сообщества «Религия и киберпространство» [2]. Но, несмотря на тот факт, что РПЦ довольно давно находится в интернет пространстве она до сих пор не имеет официального «интернет покровителя». Регулярно поступают предложения от пользователей официальных православных сайтов сделать ответственным за интернет сеть Феофана Затворника или Иоанна Богослова, но официальное решение еще не принято.

На сегодняшний день РПЦ показывает себя как развивающийся и умело приспособляющийся к современным условиям институт, который за короткое время сумел не только правильно воспользоваться интернет ресурсами, но и создать свои собственные православ-

ные официальные сайты, порталы и каналы на киберплощадке, тем самым, получив возможность положительно в контексте духовно-нравственного воспитания влиять на большое количество российской молодежи и взрослого поколения через интернет. РПЦ довольно активно использует различные официальные способы рационального влияния на общество и позитивного

распространения православных идей и ценностей, посредством внедрения православной лексики и терминологии в повседневную жизнь людей. Представители РПЦ создают формальные православные форумы, активно используя при этом смс-рассылки и создание «телефонов доверия», а также проводят религиозные проповеди в режиме онлайн.

ЛИТЕРАТУРА

1. Thinking Anglicans. Why internet Church? [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.thinkinganglicans.org.uk/499-2/> (дата обращения 21.01.2020).
2. Правмир. Религия и киберпространство. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://community.livejournal.com/cyber_theology/ (дата обращения 11.01.2020).
3. Правмир. Лучшие сайты православного интернета. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/vybrany-luchshie-sajty-pravoslavnogo-interneta/> (дата обращения 11.01.2020).

© Абдуллаева Сабина Шихсеидовна (amirseiidova.sabina@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ИДЕЙНЫМИ НАПРАВЛЕНИЯМИ ОРГАНИЦИЗМА В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМЫ ОРГАНИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Антюшев Иван Игоревич

Аспирант, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
ivan_antyushev@inbox.ru

CONTRADICTIONS BETWEEN THE MAIN APPROACHES OF ORGANICISM IN THE CONTEXT OF THE ORGANIC OUTLOOK

I. Antyushev

Summary: Basic theoretical and methodological settings of the organicism looks like an important part of the development of modern scientific concepts (cybernetics, synergetics and system approach). It is proved that the main settings from the organicism correlate with the outlook which is based on the multidiscipline concepts of modern science. There are two parts of organic theory – classical Russian organicism and organic school in sociology. When researchers tried to figure out theoretical and methodological settings of organicism, they have to choose one of these approaches and deny other. It is necessary to make a comprehensive analysis these approaches. Only then organic outlook creates a holistic picture of the world.

Keywords: organicism, organic outlook, organic wholeness, synergistic integrity, dialectic.

Аннотация: Базовые теоретико-методологические установки концепции органицизма оказали значительное влияние на развитие современных научных теорий – кибернетики, синергетики, системного подхода. Исходные принципы органицизма, определяющие структуру органического мировоззрения, сообразны установкам, на которых базируются вышеназванные теории. Органическая концепция включает два направления: классический российский органицизм и органическую школу в социологии. Определяя теоретико-методологическое содержание и изучая генезис органицизма, исследователи склонны брать за основу одно из данных направлений, при этом принципиально отрицая роль другого. Чтобы разрешить противоречия, необходимо провести комплексный анализ обозначенных направлений, что позволит отразить целостную систему органического мировоззрения.

Ключевые слова: органицизм, органическое мировоззрение, органическое целое, синергичная целостность, диалектика.

В современной науке отчетливо прослеживается тенденция формирования междисциплинарных отраслей, при этом заметно размываются границы между социально-гуманитарным и естественнонаучным знанием. Научные парадигмы, такие как синергетика и кибернетика, стремятся рассмотреть многомерный мир как целое, разветвленную самоорганизующуюся систему. В силу данных тенденций актуализируются научные концепции, в основу которых заложен диалектический подход. Органицизм – одна из таких концепций. Принципы и идейные установки, составляющие концептуальное ядро органицизма, заложены в основу многих научных отраслей, рассматривающих мир как глобальную, целостную систему, наделенную способностью к самоорганизации.

Разработка теоретических и методологических положений органицизма ведется философами с первой половины XIX века. Органическая теория включает два основных направления: классический российский органицизм и органическую школу в социологии. Если мы обратимся к осмыслению генезиса органицизма современными исследователями, то натолкнемся на проблему, связанную с тем, что каждый из них выбирает какое-либо из двух указанных направлений и утверждает,

что именно оно является теоретико-методологической основой органицизма, при этом роль второго направления в становлении органицизма отрицается в принципе. На наш взгляд, подобный подход неприемлем, поскольку он противоречит идейному содержанию органицизма, согласно которому любой объект – это целостная система, рассматриваемая с позиций диалектики, самостоятельное органическое целое. Органическое целое – это универсальный концепт, позволяющий рассматривать любую систему, учитывая при этом ее внутренние противоречия между преобразующей деятельностью и стремлением к упорядоченности. Поэтому необходимо рассматривать генезис органицизма в синтезе данных направлений, лишь тогда мы сможем всесторонне осмыслить теоретико-методологический потенциал рассматриваемой концепции.

Классический российский органицизм формируется в начале XIX века, связано это, прежде всего, с проникновением в российскую философскую мысль идей, ранее высказанных Шеллингом. Механицизм в то время начал исчерпывать свой концептуальный потенциал, в противовес ему формируется мировоззрение, ядром которого выступает диалектический подход. Так, один из родоначальников органицизма Д.М. Велланский отмечал, что

динамичность и внутренняя противоречивость являются главными детерминантами существования любой целостной системы. Система перманентно пребывает в состоянии движения, посредством которого «происходят и действуют все вещи в природе, и по которому каждое действие должно быть полярным» [Велланский 1831, 8]. Велланский, рассматривая мир единого целого (всеобщего универсума), выдвинул один из основных принципов органицизма – принцип всеобщности жизни. В его представлении, каждый организм в структуре мироздания идентичен природе в целом: «высшие организмы суть только дальнейшее развитие низших, восходящих до совершеннейшего организма, который равен общему содержанию всех предыдущих» [Велланский 1831, 46]. Следовательно, единство объективного и субъективно-факторов достигается в их взаимообусловленности.

Каким образом проявляется органический принцип всеобщности жизни? Всеобщность жизни – основная закономерность, детерминирующая бытие органического целого. А.И. Галич осмысливал ее как «изящное, имеющее цель само в себе» [Галич 1825, 20]. Спонтанные проявления изящного имеют место в свободных творческих актах человека, определяющих функционирование, жизнедеятельность и развитие органического целого. Человек, творя нечто совершенно новое, неосознанно черпает идеи из проявлений всеобщей жизненной закономерности.

Попытки нахождения модуса всеобщности жизни предпринимались также в московском «Обществе любобумудрия». Например, Д.В. Вневитинов рассматривает органическое целое как «абсолютный организм, объединенный идеей мира» [Вневитинов 1934, 258]. По его мнению, всеобщность жизни – это существующее в сознании человека представление о единстве и целостности мира, сопряженное с неизменной включенностью человека в глобальный процесс жизнедеятельности органического целого. Идея мира выражена в самопознании человека, которое стимулирует изменение состояния глобальной органической системы мира. Вневитинов считает, что человек сможет построить идеальный мир лишь в том случае, если сможет уравновесить процесс самопознания нравственностью и гармонией с природой. Он утверждает, что «нравственная свобода будет общим уделом, все познания человека сольются в одну идею о человеке, все отрасли наук сольются в одну науку самопознания» [Вневитинов 1934, 136].

Всеобщность жизни в представлении В.Ф. Одоевского «обусловлена слиянием нескольких стихий, действующих с определенной целью» [Одоевский 1975, 177]. Стихии хаотичны, а их спонтанность порождает упорядоченность органического целого. Одоевский отражает данную тенденцию в своем концепте «Безуслов», являющимся в своем роде первичной установкой, универсальной закономерностью, детерминирующей целост-

ность органической системы. Кроме того, Одоевский значительное внимание уделил проецированию органической теории на социальные процессы. Он рассматривает страны и народы как отдельно взятые организмы, в тесном взаимодействии которых устанавливается направление развития общества, взятого в качестве глобального органического целого. Коммуникация народов и взаимопроникновение культур им интерпретируется как некая химическая реакция. Он проводит аналогию между сознанием человека и «Безусловом», утверждая, что действуют они по идентичному алгоритму.

Движение органического целого направлено на достижение системной упорядоченности. В любой органической системе движение ее структурных компонентов представляет собой непрерывный, но, в то же время, циклический процесс. Человек, в силу присущей ему способности проектировать и направлять свои действия, ускоряет самоорганизацию внутри органической системы. Циклическость развития органического целого, по мнению М.Г. Павлова, проявляется в «смене процессов возникновения и уничтожения, олицетворяющих собой дыхание Вселенной» [Павлов 1833, 168]. Руководством циклами занимаются две противоположные по своей сущности силы – расширительная и сжимающая. Посредством их сдержек и противовесов органическое целое сохраняет свою структуру.

В теоретической базе классического российского органицизма важное место занимает принцип целостности, отражающий структуру органического целого. Н.О. Лосский охарактеризовал структуру органической системы следующим образом: «каждая часть существует для целого, целое существует для каждой части, каждая часть и есть целое» [Лосский 1991, 405]. Важно отметить, что органическое целое больше, нежели просто сумма всех его составных частей. Таким образом, в любой органической системе имеет место системный эффект, или эмерджентность, а мир в контексте органического мировоззрения – это синергичное целое.

Идеи, высказанные представителями первого направления, сформировали теоретическую базу органической теории, вывели органицизм на метауровень. Однако методологическая часть данной концепции, на наш взгляд, интенсивнее разрабатывалась в рамках второго направления – органической школы в социологии, получившей свое наибольшее развитие во второй половине XIX века.

Органическая школа в социологии параллельно развивалась как российскими (А.И. Стронин, П.Ф. Лилиенфельд), так и зарубежными философами (Г. Спенсер, А. Шеффле, Р. Вормс). Отметим, что значительное влияние на развитие идей данного направления оказало формирование позитивизма, позволившее обозначить социологию как самостоятельную науку. В основу социологии

заложены рассмотренные нами выше идеи органицизма, что отчетливо прослеживается в ее определении, которое привел О. Конт. По его мнению, социология – это наука, главную цель которой составляет «изучение социальных явлений, рассматриваемых в том же духе, как и явления астрономические, физические, химические и физиологические, то есть как подчиненные неизменным естественным законам, открытие которых составляет специальную цель их исследований» [Лапин 2003, 26]. Естественные законы здесь рассматриваются как отражение «идеи всеобщего согласия» [Конт 2012, 122]. Человечество, как и любая система, действует по закономерностям, установленным данной идеей. Конт определяет общество как некое «великое существо, которое состоит из отдельных элементов, а все его существование покоится на взаимной любви, связывающей постоянно его различные части, причем никакой расчет никогда не мог бы заменить этого инстинктивного чувства» [Конт 2012, 149]. Таким образом, Конт продолжил мысль своего учителя А. Сен-Симона, ранее утверждавшего, что все люди представляют собой организованные тела, поэтому постичь закономерности развития социума можно лишь тогда, когда мы будем «рассматривать наши общественные отношения как явления физиологические» [Сен-Симон 1948, 130]. Следовательно, благодаря позитивистам органическая теория преодолевает умозрительный характер, проецируясь на систему социальных взаимодействий.

Приверженцы идей органической школы в социологии проводили аналогии между биологическими и социальными системами, за что неоднократно подвергались критике. Например, Г. Спенсер утверждал, что общество представляет собой единый живой организм (социальный организм). Общество, как и любой биологический организм, «неизменно растет, его части становятся несходными между собою, оно обнаруживает усложнение строения» [Спенсер 1997, 287]. Кроме того, процесс роста органического целого неизменно сопряжен с «взаимной дифференциацией социального строения и социальных процессов». Именно социальные процессы, перманентно зависимые друг от друга, детерминируют развитие общества в целом. Однако прямые аналогии вовсе не ставят цель отождествить биологические и социальные системы. Их строение хоть и подчиняется одним и тем же закономерностям, но оно вовсе не идентично. Биологический организм, в отличие от социальной системы, дискретен. Социум не является стандартизированным набором объектов, образующих единое целое. В любом живом организме его структурные элементы тесно взаимодействуют друг с другом, тогда как в обществе коммуникация может происходить спонтанно или опосредованно. Кроме того, данный процесс осуществляется посредством эмоциональной и интеллектуальной активности субъектов, что детерминируется разумом. Этот момент проводит еще одну черту сходства органической целостности с живой материей. Однако со-

знание в данных организмах распределяется несходно: в любом живом организме сознание сконцентрировано в определенной области, в то время как в социальном организме оно распространяется повсеместно на каждый отдельный его элемент, иными словами, «все единицы этого агрегата обладают приблизительно равной способностью ощущать счастье и несчастье» [Спенсер 1997, 288]. Приводя подобные аргументы, Г. Спенсер указывал на то, что социальная эволюция – это неотъемлемая часть эволюции универсума. Органическое целое в его представлении – это обширная система, характеризующаяся высокой степенью взаимного влияния ее структурных элементов друг на друга. Она состоит из множества подсистем (внутренней, внешней, распределительной), действующих в неразрывной связке.

Значительное внимание социологи органической школы уделяли обоснованию решающей роли эволюционных процессов в развитии органического целого, что связано с популяризацией в тот период эволюционной теории Ч. Дарвина. Именно тогда начинает формироваться концепция глобального эволюционизма, столь актуальная и в современной науке. Органицизм впитал в себя эволюционные идеи, экстраполировав их на общественную модель. Например, А. Шеффле указывал на то, что естественный отбор – это наиболее объективная закономерность развития социума. Конкурентная борьба в обществе происходит посредством идейно-мировоззренческих противоречий, детерминирующих самосознание и поведенческие установки человека. Духовная сфера общества формируется как закономерный результат естественного отбора. Отметим, что А. Шеффле также не скупился на аналогии между биологическим и социальным организмом, поэтому духовная сфера общества для него идентична нервной системе, которая пронизывает тело и диктует мотивы совершаемых действий. Идеи, высказанные А. Шеффле, подготовили почву для осуществления прямых аналогий между живым организмом и обществом. Они коррелировали с мыслями, высказываемыми российскими коллегами А. Шеффле, несмотря на то, что сами философы никогда не взаимодействовали напрямую. В российской органической школе пошли дальше, развив биосоциальные теории посредством рассмотрения органического целого как живого организма, развивающиеся в пространстве и времени не только идеально, но и реально.

Представители российской органической школы в социологии, называвшие себя «органиками», всецело противопоставляли свои взгляды механистической картине мира. Согласно их точке зрения, социальные процессы детерминируются теми же закономерностями, что и природные явления. Органическое целое – это существующий в реальности живой организм. Данный факт они подтверждают доказательством идентичности структурных алгоритмов на микроуровне. Так, А.И. Стронин в качестве доказательства приводит тезис, указыва-

ющий на то, что «отторжение отдельно взятого органа в теле человека приводит к тем же последствиям, то и отторжение территории у государства» [Стронин 1885, 192]. В его концепции социальная структура наделяется свойствами живой материи, в ней существует главный орган, без которого невозможно адекватное функционирование всего органического целого. Именно поиски подобного органа, удерживающего структуру целостности, в его реальном воплощении и стали основой научных изысканий представителей органической школы. Они пытались доказать реальность существования некой доминанты, с помощью которой можно было бы перманентно сохранять целостность глобальной системы

Не стоит воспринимать прямые аналогии в буквальном смысле. Цель социологов-органиков заключалась в прослеживании единства структурных закономерностей, в доказательстве универсальности системной организации. Например, П.Ф. Лилиенфельд-Тоаль указывает, что реальность социального бытия детерминирована отнюдь не взаимным наружным сходством с живым организмом, а «единством происхождения, строения и функционирования всех организмов» [Лилиенфельд-Тоаль 2012, 161]. Пытаясь преодолеть абстрактность аналогии, он утверждает, что духовные силы человека визуализируются в структуре органического целого посредством социальных явлений, которые рассматриваются в качестве коммуникатора, системы причинно-следственных связей между элементами общества. Рассматривая социальную систему как реальный организм, не стоит сравнивать ее исходные характеристики в контексте любого отдельно взятого биологического организма. В организме человека имеют место сознание и разум, проявляющиеся как результат деятельности мозга, животные же действуют инстинктивно. Органическое целое – это упорядоченная совокупность людей, соответственно не следует его сопоставлять с организмами животных.

Кроме того, П.Ф. Лилиенфельд-Тоаль дополняет свои аналогии, выходя на уровень гомологии, представляющей собой «глубинное, внутреннее сходство, восходящее к генезису» [Лилиенфельд-Тоаль 2012, 36]. Только при совместном применении методов аналогии и гомологии представляется возможным проследить структурно-функциональное единство живых организмов.

В своей концепции П.Ф. Лилиенфельд-Тоаль также затронул проблему определения закономерностей девиаций органического целого, сформулировал представление о социальной патологии и обосновал методологию ее преодоления – социальную терапию. По его мнению, органическое целое будет прогрессивно развиваться в том случае, если в его структуре «осуществляется гармоническая взаимосвязь всех функций в соотношенности с их целевым назначением» [Лилиенфельд-Тоаль 2012, 105]. Если же действия составных элементов нецелесообразны жизнедеятельности органического целого, в

его структуре начинает развиваться социальная патология. Отметим, что он разграничивает понятия девиации (отклонения) и социальной патологии. В его интерпретации под девиацией (отклонением) понимаются спонтанные отклонения от нормы на уровне отдельных компонентов органического целого, тогда как социальная патология – это отклонение, вызывающее разложение целостной системы. Отклоняющиеся тенденции в социальной системе не всегда наделяются исключительно негативной окраской. Например, трансгрессия, выраженная в спонтанности творческих актов человека, может способствовать прогрессивному изменению структуры универсума. Девиация – это неотъемлемая часть жизни разветвленной целостности, тогда как патология представляется явлением, резко диссоциирующим с жизненным процессом. Патологические тенденции понижают структуру системного образования насковзь, это «крайнее проявление заболевания, выраженное в отклонении от социального типа общества» [Кузьмина 2007, 101].

Законы общественного развития определяют жизнедеятельность органического целого, пренебрежение ими вызывает неизбежное развитие социальной патологии. П.Ф. Лилиенфельд-Тоаль отмечает, что «если в органической природе болезнь может охватывать физиологическую, морфологическую или индивидуальную сторону, так и в обществе может приходиться в расстройство экономическая, юридическая или политическая сфера социального развития» [Лилиенфельд-Тоаль 2012, 107]. Любое органическое тело может быть подвержено определенным заболеваниям, которые проявляются как реакция на неблагоприятные условия жизни. Данный процесс имеет место в том случае, когда «приспосабливающие организм к среде способности не в состоянии без нарушений содействовать различным жизненным процессам» [Лилиенфельд-Тоаль 2012, 101].

Кроме того, П.Ф. Лилиенфельд-Тоаль при построении своей концепции оперировал реально-генетическим методом, с помощью которого он смог рассматривать жизнь не как отдельное изолированное и функциональное явление, а как явление планетарное и космическое, исторически закономерное. Эта тенденция в дальнейшем получила развитие в работах В.И. Вернадского, который исходил из идеи единства научного знания и взаимосвязи различных форм движения материи (неорганической, органической и социальной).

Идеи П.Ф. Лилиенфельда-Тоаля нашли свое продолжение в трудах Р. Вормса, определявшего общество как «прочное соединение живых организмов, проявляющих свою деятельность сообща» [Вормс 1997, 16]. Организм в его трактовке представляет собой единую целостность, «живое, состоящее из живых частей» [Вормс 1997, 7]. Согласно его точке зрения, жизнь находит свое проявление лишь в организмах, в иных формах она вопло-

щаться не может. Организм, в свою очередь, наделен тенденцией к постоянному движению, как внешнему, так и внутреннему. В представлении Р. Вормса организм – есть система открытого типа, склонная к перманентному обмену энергией не только с другими системами, но и между своими составными элементами. Органическая целостность поддерживается за счет взаимозависимых противоборствующих внутренних сил. Иными словами, упорядоченность и иерархичность органической структуры достигается посредством диалектической связи ее составных компонентов. С помощью прямой аналогии Р. Вормс указывает на общность структурных закономерностей биологических и социальных организмов. Он пытается показать, что для всех воспринимаемых человеком объектов реальности допустимо восприятие в рамках единой структуры – целостной системы, наилучшим примером которой нам представляется организм.

Таким образом, органическая школа в социологии является закономерным этапом в процессе формирования теоретико-методологической основы органицизма. Если представители классического российского органицизма стремились разработать теоретическое обоснование органического мировоззрения в противовес механицизму, то социологи органической школы своими аналогиями пытались оправдать данное обоснование, отражая органическое мировоззрение через призму социальных процессов. Поэтому, на наш взгляд, неверно отторгать влияние социологов органической школы на становление органицизма как самостоятельной, универсальной теоретико-методологической концепции. Аналогии биологических и социальных процессов, возможно, кажутся тривиальными в контексте органического мировоззрения, однако они необходимы в целях

конкретизации методологической основы органицизма.

Таким образом, органическое мировоззрение – это универсальный способ познания мира, позволяющий провести системный анализ процессов в структуре реальности через призму идеи о синергичной целостности воспринимаемых объектов. Оно обладает значительными перспективами в преодолении дискретности научного познания в структуре современной науки, является своеобразным генератором идей, концепций и теорий, стремящихся синтезировать разрозненные части научного знания в единую систему. Кроме того, оно всесторонне способствует созданию целостной картины мира, что приближает человека к познанию универсальных закономерностей бытия.

Рассмотренные выше направления сформировали теоретико-методологическую основу органицизма. Именно поэтому, приуменьшая значимость какого-либо из них, мы рискуем сузить сферу применения органицизма, снизить объективность осмысления рассматриваемых через его призму процессов и явлений. Философы и социологи утвердили главные закономерности развития универсума, подробно исследовали его сущность, установили связь между его структурными элементами. Благодаря их разработкам, органицизм оформился как самостоятельная теоретико-методологическая концепция, а его идейное содержание оказало значительное влияние на формирование и развитие многих теорий, актуальных в современной науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Велланский Д.М. Опытная, наблюдательная и умозрительная физика. СПб., 1831. С.8.
2. Веневитинов Д.В. Полное собрание сочинений. М.-Л.: изд-во ACADEMIA, 1934. С.258.
3. Вормс Р. Общественный организм; пер. с фр. А.С. Трачевского. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1997. С.16.
4. Галич А.И. Опыт науки изящного. СПб., 1825. С.20.
5. Конт О. Общий обзор позитивизма; пер. с франц. под ред. Э.Л. Радлова. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С.122.
6. Кузьмина Г.П. Органическая теория общества о «болезнях» социального организма // Философия и общество. 2007. № 1. С.101.
7. Лапин Н.И. Когда и как Огюст Конт ввел термин «sociologie» // Социологические исследования. 2003. №4. С.26.
8. Лилиенфельд-Тоаль П.Ф. Мысли о социальной науке будущего: Человеческое общество как реальный организм. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С.101.
9. Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991. С.405.
10. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С.177.
11. Павлов М.Г. Основания физики. М.: Типография Степанова, 1833. С.168
12. Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1; пер. с франц. под ред. Л.С. Цетлина. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. С.130.
13. Спенсер Г. Синтетическая философия; пер. с англ. П.В. Мокиевского; под ред. С.Д. Кошиса. Киев: Ника-Центр, 1997. С.287.
14. Стронин А.И. История общественности. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (Ф. Бенке), 1885. С.192.

© Антюшев Иван Игоревич (ivan_antyushev@inbox.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ПОНЯТИЮ «ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕЙНАЯ ГРУППА»

TO THE CONCEPT OF "ESCHATOLOGICAL IDEOLOGICAL GROUP"

D. Blokhin

Summary: The article discusses the phenomenon of an eschatological ideological group in society, and describes the various ways in which such groups exist in society, analyzes possible ways of interaction of ideological groups with society and their impact on each individual person. The appearance and use of the term "ideological group" is due to the fact that it accurately delineates the boundaries and functions of uniting people on ideological grounds. Particular attention is paid to eschatological ideological groups. In the research process, a method of system analysis and typologization was used.

The stages of development of ideological groups from emergence to completion of its existence are considered. In the period of the formation of an ideological group from the moment the idea appears to the complete cessation of any kind of activity, the group goes through a multi-stage and complex development path. Using the method of typologizing the stages of development of an ideological group, it was possible to distinguish ideological groups according to their individual characteristics and external characteristics.

To establish the causes and factors (external and internal) of the emergence of the ideological group, a system analysis was used. The emergence of an ideological group in society is due to the fact that it goes beyond the framework of tradition in its ideological space, and an idea different from the generally accepted one is opposed to public opinion. The activities of an ideological group can affect society, and society can have an impact on ideological groups.

Keywords: eschatology, idea, eschatological idea, eschatological ideological group, ideological group, typology of ideological groups, analysis of ideological groups.

Блохин Дмитрий Германович

Аспирант, Астраханский государственный университет
yamissioner@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается феномен эсхатологической идейной группы в обществе, и описываются различные способы существования подобных групп в обществе, анализируются возможные способы взаимодействия идейных групп с социумом и их влияние на каждого отдельно взятого человека. Появление и использование термина «идейная группа» обусловлено тем, что он точно очерчивает границы и функции объединения людей по идейным признакам. Особое внимание уделено эсхатологическим идейным группам. В процессе исследования использовались метод системного анализа и типологизации.

Рассмотрены этапы развития идейных групп от возникновения до завершения своего существования. В период становления идейной группы от момента появления идеи до полного прекращения какого-либо рода деятельности, группа проходит многоступенчатый и сложный путь развития. Использование метода типологизации этапов развития идейной группы позволило провести различия идейных групп по своим индивидуальным особенностям и внешним характеристикам.

Для установления причин и факторов (внешних и внутренних) появления идейной группы, был использован системный анализ. Возникновение идейной группы в обществе обусловлено тем, что она выходит за рамки традиции в своём идейном пространстве, а отличная от общепринятых идея противопоставляется общественному мнению. Деятельность идейной группы может повлиять на общество, а общество может оказывать влияние на идейные группы.

Ключевые слова: эсхатология, идея, эсхатологическая идея, эсхатологическая идейная группа, идейная группа, типологизация идейных групп, анализ идейных групп.

В настоящее время в научном сообществе рассматривается идея эсхатологии. Она рассматривается как основная составляющая религиозного верования; как часть мифов и также в качестве самостоятельной темы для мифологии. Однако в качестве основной идеи и формирующего механизма для создания идейного сообщества эсхатология рассматривается редко. В данном исследовании с точки зрения системного социально-философского анализа рассматривается возможный ход событий, при которых формируется эсхатологическая идейная группа. Этот способ проведения анализа даёт новую возможность смоделировать весь ход событий от возникновения до прекращения существования объекта исследования – эсхатологической идейной группы. Проведение системного анализа даёт возможность исследования способа существования эсхатологической идеи в обществе. Анализируемые сообщества необходи-

мы в качестве способа существования эсхатологических идей в обществе в целом. Результатом анализа может стать прогнозирование деятельности и осуществление контроля над деятельностью части общества, находящегося под влиянием какой-либо конкретной эсхатологической идеи или системы идей.

Идея, идейность в рамках данного исследования понимается так, как это сформулировал Лосев: «Если предмет прямо приравнивается идее, то «идея» ничего иного не может обозначать, как собранность, цельность, конкретно-видимую смысловую организованность многого в некое непосредственно данное единство, а это мы как раз и называем интегральностью».[4, с. 108] Следовательно, идея функциональна и является частью мыслительного процесса. «Социальное бытие заново воплощает логику, символику и мифологию и меняет их

отвлечённые контуры до полной неузнаваемости. Поэтому платоновская идея должна предстать перед нами как социальное явление».[4, с. 499] «Четвёртый – диалектический – тип понимания платоновской Идеи есть трансцендентальное понимание, т.е. толкование идеи как логического принципа, как метода, как априорного условия возможности опыта».[4, с. 488]

Здесь под общей идеей понимается тема, которая есть результат мыслительной деятельности на основе предпосылки, затем уверенности, как продукта мыслительной деятельности и убеждённости в чём-либо на основе личных или групповых рассуждений. Далее идея может передаваться другим людям, которые принимают её на веру, возможно и без предоставления каких-либо доказательств. Так возникает и распространяется идея как движущая сила идейной группы в обществе. Как пишет Х. Ортега-и-Гассет: «И здесь мы обнаруживаем иной слой идей. Но как отличаются эти идеи от тех, что приходят нам в голову или нами усваиваются! Эти фундаментальные «идеи», которые я называю «верованиями»». [5, с. 405]

Благодаря вере и рождающейся из нее убежденности, идея, существующая сначала как результат мыслительной деятельности одного отдельно взятого человека или группы людей, может стать социальным феноменом. Идея может послужить также началом продуцируемых из нее других идей. Например, эсхатологическая идейная группа, известная под названием «Миллеритское движение». [1; 6, с. 147 – 159] Началась деятельность группы с ошибочного толкования текстов Священного Писания Библии бродячим проповедником христианства и одновременно масоном У. Миллером. После распространения идеи Второго Пришествия Христа на Землю, которое было запланировано Миллером на весну 1844 года образовалась идейная группа последователей, которые ожидали конкретно этой даты. После наступления разочарования из этой группы взяла своё начало религиозная организация «Адвентисты седьмого дня», существующая по настоящее время. Это яркий пример эсхатологической идейной группы, спонтанно возникшей в обществе.

В статье проанализировано и описано возникновение, и дальнейшее формирование подобных сообществ, имеющих своей основной идеей предпосылки к эсхатологическим событиям, поэтому следует конкретизировать вводимое понятие «эсхатологическая идейная группа». В рамках данного исследования, события, связанные с концом света или прекращением истории называются эсхатологическими, и все они понимаются в качестве составных частей эсхатологической идеи. Отсюда: эсхатологическая идейная группа – это группа единомышленников, имеющих своей основной целью нахождение способа спасения от конца света или обре-

тение безопасности любым другим способом, в зависимости от концепции группы.

Эсхатологическая идея может быть любой – катастрофа или кризис, или конец света, описанный в Священных Писаниях различных религиозных традиций, однако события и результаты этих событий, сопровождающие окончание существования жизни на Земле у всех эсхатологических идей похожи. Это полное, либо частичное истребление всего живого, конец света – апокалипсис. Руководствуясь естественной потребностью человека избежать гибели, чаще всего и формируются группы единомышленников, стремящихся к спасению и сохранению своей жизни любой ценой.

В качестве примера эсхатологической идейной группы можно указать – сообщество «пензенских затворников» или «пензенские закопанцы»,[3] которые закопали себя в пещерах Пензенской области в ожидании конца света. Пётр Кузнецов весной 2008 года объявил, что нашёл способ избавиться от зла и грехов и тем самым избежать конца света. Избежать конца света, по его мнению, можно было посредством заточения самих себя в пещерах. Данный способ был найден посредством собственной трактовки текстов Священного Писания Библии. Петром Кузнецовым была сгенерирована идея избавления, спасения от апокалипсических событий посредством закапывания самих себя в пещерах, предпосылкой же к формированию идеи послужило его мнение о том, что мир нужно спасти от зла.[3] В результате развития его идеи были выработаны, как ему казалось, способы спасения, а, следовательно, и сформулированы были ценности данной эсхатологической идейной группы в виде собственной жизни, морального поведения, абсолютного авторитета Петра Кузнецова. И затем, как способы достижения и сохранения ценностей последовали действия (виды деятельности) – уход к пещерному образу жизни, постничеству и отшельничеству.[7]

По мнению Петра Кузнецова, спастись от всемирной гибели можно было исключительно следующим способом: закопаться под землю в окрестностях молельного дома в селе Никольское Бековского района Пензенской области и пребывать в таком состоянии до получения особых знаков или же до истечения всех угрожающих миру событий. [7] Таким образом, были предприняты действия в соответствии с идеей и ценностями группы. В результате этих действий погибло несколько человек (точно установлена смерть двух пожилых женщин), они скончались от невыносимых условий содержания.[7] В итоге деятельности этой группы общество получило пример появления и возрастания в обществе эсхатологической напряжённости, что является отрицательным опытом в социальной среде.

Как мы видим, из первого примера с пензенскими за-

творниками, эсхатологическая идейная группа формируется спонтанно и целенаправленно, для нее характерно воздействие идеи отдельно на каждого из индивидов, которую он принимает и фокусирует на ней своё внимание. С течением времени формируется группа, которая впоследствии «централизуется» вокруг идеи. Подобную идейную группу отличает общая идея, которая объединяет людей в идейное сообщество. В идейной группе совместное действие членов группы (вплоть до совместного общинного проживания и ведения хозяйства) продиктовано единой идеей, которая не только объединяет людей вокруг себя, но и является движущей силой, приводящей в действие весь механизм данного сообщества. Не обязательно результаты деятельности будут отрицательными. Например, все христианские и авраамические деноминации ожидают конца света и наступления избавления и спасения людей от смерти. В этом случае, мы получаем положительные влияния от присутствия и воздействия от деятельности идейной группы на общество, поскольку эсхатологическая напряжённость в обществе не возрастает.

Таким образом, идея обретает форму в виде сообщества индивидов, собранных для ее реализации. Это идейное сообщество в процессе реализации идеи создает внутреннюю среду, организационную структуру, разрабатывает способы достижения целей идеи. От своего возникновения до прекращения деятельности идейная группа проходит многоступенчатый путь развития и становления. Этапы возникновения и развития идейной группы можно рассмотреть на примере Миллеритского движения [1; 6, с. 147 – 159] как носителя эсхатологической идеи в момент начала своей деятельности:

1 этап: Предпосылка или повод. В самом начале формирования появляется предпосылка для того, чтобы человек или группа людей проявили беспокойство по отношению своей жизни и здоровью или целостности своего имущества. Происходит формирование объекта опасения. Это могут быть либо события, либо какая-то вещь, которая угрожает большой группе людей, либо всему человечеству. В рассматриваемом случае с Миллеритским движением, это совпадение случайных чисел в случайной временной цепочке, построенной на основании описанного в книге пророка Даниила промежутка времени в 2300 вечеров и утр. [2] Предпосылка должна быть завершённой, иметь целостную форму. Ожидание и факт скорого пришествия Христа не представляет собой опасности для людей в том случае, если оно состоится в далёком будущем, поскольку это уже предсказано в текстах Священного Писания. Актуальность предпосылки приобретает в том случае, если это Второе Пришествие состоится в скорейшем будущем и тому есть доказательства. В качестве доказательств Миллер выбрал свою систему отсчёта – он, руководствуясь собственной логикой, выбрал случайную дату, описанную на страни-

цах Священного Писания, которую назвал «временем бесчестия». Следует заметить, что текст книги Даниила написан символическим языком и имеет очень сложную экзегезу, поэтому не составит труда в ходе поверхностного исследования обрести множество смыслов данного текста. В ходе формирования предпосылки или повода ему удалось опереться на имеющиеся схожий смысл тексты Писания, поэтому предпосылка обрела смысл, оформилась и осмыслялась. Появился предмет, которого люди будут опасаться, а также появилось логически завершённое основание для опасения. Подтверждённый повод для опасения. То, чего следует опасаться, в совокупности с тем, почему этого действительно следует опасаться.

2 этап: Появление идеи. Далее происходит формулирование повода или предпосылки в идею. На данном этапе оформляется способ уберечь себя и своих близких от опасности. Идея как движущая сила для идейной группы – это чётко сформулированные способы для избегания опасений и спасения себя и своих близких от опасности, сформулированной в поводе. Идея группы частично основана на доверии людей друг другу и доверии лидеру. Она содержит в себе также чёткий план или несколько планов по выходу из сложившейся ситуации. Или же это может быть единая цель, достигнув которую группа обретёт желанное спокойствие. Например, У. Миллер предложил людям продать своё имущество, а деньги раздать всем тем, кто не разделяет идею группы. Таким образом, люди полагали обрести прощение и спасение в день Пришествия Христа в строго запланированную дату 1844 года. [1; 6, с. 147 – 159]

3 этап: Формирование ценностей. Идея влияет на появление в группе особых ценностей, того, что будет являться ценным только в рамках данной идейной группы и нигде больше. Это могут быть духовные или материальные ценности. На данном этапе любой факт или вещь в рамках группы производится в ранг ценности в том случае, если она служит или может послужить интересам группы, достижению общих групповых целей или решению общих задач, реализации идеи или идей группы. Миллеритское движение возвело в ценность всё, что может послужить приближению Второго Пришествия Христа. Это в последствии повлияло на формирование религиозной общины Адвентистов Седьмого Дня. Поскольку всё было для людей ценно, они остались верными своим прежним идеалам и сохранили свои прежние ценности практически без существенных изменений.

4 этап: Формирование группы. По мере распространения идеи группы в обществе появляются последователи этой идеи и способы распространения идеи с целью приобретения как можно большего количества последователей. Идейные группы могут быть открытыми, а также могут быть закрытыми для вступления в член-

ство группы. В закрытых группах количество участников ограничено, и набор ведётся строго до определённого числа членов группы. В случае с Миллеритским движением, привлечение в членство велось по типу классического христианского миссионерства. В результате была сформирована идейная группа количеством в десятки тысяч человек. Происходит разграничение обязанностей, выстраивание иерархии, группа обретает структуру. На данном этапе происходит выявление личных возможностей каждого из членов группы и пригодности его способностей для достижения главной цели и реализации основной идеи.

5 этап: Основная деятельность группы. Процессы, происходящие в группе, можно описать как единая активность и любая возможная деятельность, направленная на достижение единой цели или на спасение от опасности. На этом этапе проявляются любые активности и любые формы деятельности человека как индивида. В Миллеритском движении люди построили большой лагерь из временных палаток, в котором и планировалось встретить Христа. Люди занимаются также и своей повседневной деятельностью, поддерживают свою интеллектуальную деятельность, создают условия для комфортной биологической и социальной активности. Вся деятельность протекает в строгом соответствии идеям и ценностям группы. Главным приоритетом пользуются активности и деятельности, связанные с достижением цели или с выполнением задач группы. Этот этап может занимать любое продолжительное время. От нескольких дней или месяцев, как в Миллеритском движении до многих лет или веков, как, например происходит ожидание Второго Пришествия в Православной Церкви.

6 этап: Этап приближения и наступления эсхатологических событий. Все события, которые происходят в окружающей действительности, которые сопровождают приближение основного центрального события и которые подтверждают ожидания идейной группы относятся к эсхатологическим. Это может быть предвестник катастрофы или предзнаменование чего-либо. Также и наступление какой-то знаковой точной даты будет являться таким событием. На этом этапе могут происходить одно или несколько событий, которые неопровержимо будут свидетельствовать о том, что опасность или наступление основного, центрального, финального события близко. Участники Миллеритского движения приняли в качестве эсхатологических событий моральный упадок и начавшуюся нравственную деградацию общества в это время (середина XIX века) на Американском континенте.

7 этап: Финальное событие или финальное разочарование. Центральное, финальное событие – это и есть эсхатологическое завершение. Конец света, катастрофа или опасность, угроза жизни и здоровью людей, а также и их имуществу, собственно, это то, чего ждали и от

чего спасались люди в течение всего времени деятельности идейной группы. На данном этапе предусматривается два варианта развития событий, все происходящие события будут иметь два вектора развития. Либо закономерный финал наступает, все прогнозы и усилия оправдываются, и люди в соответствии со своими идеями группы спасаются от гибели, либо выясняется, что все идеи и ценности, в том числе и основная идея группы ошибочны и от них следует отказаться как от неоправданного опасения. Историки Миллеритского движения так и назовут это время – «время великого разочарования» [1; 6, с. 147 – 159] после того, как все участники идейной группы данного движения ясно поняли, что конец света не состоялся и все их ожидания и чаяния были напрасными. Затем наступило «время скорби» – утрата былых идей и ценностей, и отсутствие новых.

8 этап: Обретение эсхатона либо корректировка главной идеи, либо отказ от всех идей, прекращение деятельности и расформирование группы. Здесь возможны три вектора развития событий. В том случае, если все эсхатологические события свершились и группа спасена, наступает момент обретения того, что ожидалось после центрального события, по ту сторону эсхатологических ожиданий. Люди пребывают в безопасности или в духовном блаженстве, что является главным благом в религиозном понимании эсхатологической проблемы. Либо, если выяснилось, что все идеи группы были ошибочными, наступает период возвращения людей к своей прежней деятельности после разочарования в прежних идеях и ценностях группы. Это депрессивный и тяжёлый период в жизни бывших членов идейной группы – ресоциализация, возвращение в социум на свои прежние социальные роли. Третий вариант – это реструктуризация и реформация идейной группы, обретение или переустройство главной идеи, выработка новых ценностей или пересмотр прежних, а также определение новых целей и задач группы. Эти процессы могут повлечь за собой переустройство иерархии и внутренней структуры группы. А, возможно, и появление новых идейных групп со схожими целями, задачами, ценностями и идеями. В любом случае, вновь образовавшиеся идейные группы будут заимствовать свои центральные идеи и ценности у уже существовавших, прежних идейных групп. Так, например, в Миллеритском движении после разочарования в прогнозах и ожиданиях произошла реструктуризация и в последствии основные идеи и ценности были заимствованы членами Миллеритского движения выходцами из Евангелистских и методистских общин, которые после «времени разочарования» создали новую общину «Адвентистов Седьмого Дня». Эта община открыто заявляет, что берёт своё начало у движения Уильяма Миллера, которое ожидало Второго Пришествия Христа в 1844 году. [1; 6, с. 147 – 159]

Каждый из этапов развития идейной группы требу-

ет своего индивидуального подхода к изучению проходящих процессов и происходящих событий как внутри группы, так и за её пределами, в обществе, в котором содержится та или иная идейная группа. Для каждой ступени развития идейной группы необходимо использовать соответствующую методологию. В каждом отдельном типе идейных групп способы и подходы изучения будут разными.

Следует коснуться и социально-философского аспекта феномена идейной группы. Появление идейных групп в обществе является естественным процессом. Гражданин имеет право объединяться вокруг определенных идей и их реализовывать в рамках закона. В этом смысле идейная группа – это способ реализации идеи. Совместная деятельность участников идейного сообщества направлена на достижение целей, в соответствии с общей идеей. Идейные группы взаимодействуют с обществом, распространяют свои идеи по мере их продуцирования, проводят мероприятия, разрабатывают методику по достижению своих целей. Они являются носителями альтернативных взглядов отличных от традиционных представлений, принятых в обществе и являются средой для рождения, нетрадиционных или неотрадиционных норм социального поведения. Идейные группы возникают в обществе с необходимостью в качестве альтернативного традиции полюса.

Причин для возникновения нерелигиозной эсхатологической идейной группы много – это появление угрозы уничтожения техногенного или природного характера. Поиск и нахождение способов избежать или уменьшить эту проблему становится идеей эсхатологического идейного сообщества. Готовность или подготовка к действию является главным движущим мотивом для объединения людей в идейные группы. Идея является первопричиной для формирования идейной группы как социального феномена.

Идейная группа есть социальный феномен, состоящий из многих элементов. Людей объединяет в эсхатологические идейные группы не только идея спасения, избавления от угрозы уничтожения, общая система верований, духовные, моральные ценности, но также общие страхи, опасения, трудности. Все эти факторы, составляют элементы, влияющие на формирование идеи и ее смысловое содержание.

В то же время, идейные группы в какой-то степени отделяют себя от общества. Если молодёжные субкультуры присутствуют в городах и «вшиты» в общую структуру цивилизованного общества, то отшельнические поселения или экологические сообщества пытаются полностью изолировать себя от общества.

В качестве примеров не религиозных эсхатологиче-

ских идейных групп могут быть названы молодёжные субкультуры, идейные движения, общины экологических поселений, отшельнические группировки. Классическим и самым распространённым примером можно считать неформальное движение «Сюрревалистов» [8], от англ. «survival» – «выживание», их самоназвание «Выживальщики». Данная идейная группа является ярким примером эсхатологической группы, поскольку их главная идея – спасение от эсхатологических событий посредством укрытия или избегания катастроф при помощи заранее подготовленных способов и методик. Выживальщики принадлежат к антиутопической эсхатологической идее и могут быть условно причислены к маргинальному способу жизни и ведению хозяйства. По их мнению, в скором будущем должна произойти либо катастрофа, либо кризис, либо эпидемия неизлечимого вируса планетарного масштаба (зомби-апокалипсис), в результате чего погибнет основное количество людей на планете, а остатки человечества будут влачить жалкое существование в поисках пропитания и укрытия, объединившись в мелкие группы.

При этом не имеет значения причина возникновения упадка в обществе, в любом случае, прежнего порядка уже нигде не будет и прежнее общество прекратит своё существование. Главная идея группы заключается в том, чтобы накопить как можно большее количество ресурсов, припасов разного назначения и аккумулировать как можно больше средств или способов для выживания в практически непригодных для жизни новых условиях. Основой для формирования такой идеи послужила предпосылка из фильмов ужасов типа «Зомби апокалипсис» (2019 года выпуска), «Рассвет мертвецов» (1978 года выпуска) и многих других, похожих по стилистике и жанру кинокартин упаднического направления. Значения не имеет, какой конкретно сценарий развития эсхатологических событий ожидает мир, но выживальщики как идейная группа ведут подготовку к катастрофе или кризису любого вида, который повлечёт за собой последствия глобального масштаба.

Рассматриваемая эсхатологическая идейная группа в качестве основной идеи принимает страх перед концом света или опасностью планетарного масштаба, которая может привести к апокалипсису. Идея страха может продуцировать исключительно такие же ценности – боязнь, отчуждённость, накопительство и постоянное состояние ужаса в ожидании паники и полного разрушения всего окружающего мира. Эти ценности, приведённые в качестве примера лишь предполагаемые, но этого достаточно для того, чтобы понять, что подобные группы могут вызвать эсхатологическую напряжённость, которой хватит для создания паники в обществе при возникновении подобных предпосылок. В качестве результата деятельности данной группы можно наблюдать повышение эсхатологической напряжённости как

в рамках идейной группы, так и в обществе в целом.

Идейная группа находится внутри общества и своим присутствием может оказывать на него влияние, привнося в общество свои идеи и ценности. Это влияние может быть конструктивным или деструктивным, положительным или отрицательным. Данные сообщества проходят сложный путь развития от возникновения предпосылки до прекращения существования или трансформации в иное сообщество с идентичными идеями и ценностями. Эсхатологические идейные группы могут создавать ситуацию эсхатологической напряженности, когда распространяется недостоверная информация о приближении катастрофических событий, призывы к действиям, нарушающим порядок и угрожающие здоровью граждан.

Руководствуясь всем выше сказанным, можно сделать вывод, что эсхатологическая идейная группа – это социальная группа, состоящая из единомышленников, имеющая единую идею как верование или доверие чему-либо или кому-либо, связанная с представлением о неизбежном катастрофическом или любом другом завершении истории человечества. В соответствии с идеями группы формируются ценности или системы ценностей этой группы. Также можно констатировать, что формирование идейной группы происходит по нескольким причинам, таким, как, например, получение каких-то благ, избегание какой-то общей проблемы, достижение единой цели. Обязательным условием для деятельности идейной группы служит, во-первых, наличие одной общей идеи; во-вторых, совершение действий всеми членами группы, приближающих людей к достижению общих целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. David L. Rowe. God's Strange Work: William Miller and the End of the World (Library of Religious Biography) Wm. B. Eerdmans Publishing, 2008. 249 p.
2. Библия. Синодальное издание. Книга пророка Даниила. Глава 8. стих 14.
3. Круг П., Минин С. Независимая газета. Пензенский андеграунд. 07.04.2008. // Электронный ресурс. Режим доступа на 25.02.2020.: [http://www.ng.ru/ng_region/2008-04-07/13_underground.html]
4. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии, Изд. «Мысль», М., 1993. – 962 с.
5. Ортега-и-Гассет Х., Идеи и верования, ОСР: С. Петров, Перевод В.Г. Резник, 1991.
6. Уайт Е.Г. Великая Борьба. Изд. «Источник жизни». М. ISBN: 5-86847-007-9. 1993.
7. Чаусов. А. Lenta.ru. Псевдоправославие. 7 февраля 2015. // Электронный ресурс. Режим доступа на 25.02.2020.: [<https://lenta.ru/articles/2015/02/06/sect/>]
8. Электронный ресурс. Режим доступа на 25.02.2020: [<https://gnezdoparanoika.ru/podgotovka-k-vijivaniu/133-saiti-vijivanie.html>]

© Блохин Дмитрий Германович (yamissioner@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА НЕБЫТИЯ В ФИЛОСОФИИ ПАРМЕНИДА И ГЕРАКЛИТА: МЕЖДУ НЕГАТИВНОЙ ТЕОЛОГИЕЙ И ФИЛОСОФСКОЙ АПОФАТИКОЙ

Богомолов Алексей Владимирович

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»
ensestens@mail.ru

THE PROBLEM OF NON-BEING IN THE PHILOSOPHY OF PARMENIDES AND HERACLITUS: BETWEEN NEGATIVE THEOLOGY AND PHILOSOPHICAL APOPHATICISM

A. Bogomolov

Summary: The article is devoted to the problem of demarcation of philosophical apophaticism and negative theology in the philosophy of Heraclitus and Parmenides. Relativism and the problem of determining the name of the Original allow us to formulate a hypothesis about the presence of both negative theology and philosophical apophaticism in the philosophy of Heraclitus. In the poem of Parmenides, being is endowed with divine attributes. Some characteristics of being are given apophatically. The article substantiates the position that the subject of philosophical apophaticism is non-being, which is also defined apophatically. It is shown that, in contrast to the teachings of Heraclitus, in the philosophy of Parmenides, the difference between negative theology and philosophical apophaticism has a pronounced character. The importance of the antithetical nature of the teachings of the two philosophers for the formation of the problem of negativity in the history of Greek thought is emphasized.

Keywords: Parmenides, Heraclitus, non-being, negative theology, philosophical apophaticism

Аннотация: Статья посвящена проблеме демаркации философской апофатики и негативной теологии в философии Гераклита и Парменида. Релятивизм и проблема определения имени Первоначала позволяют сформулировать гипотезу о наличии и философской апофатики, и негативной теологии в философии Гераклита. В поэме Парменида бытие наделяется божественными атрибутами. Некоторые характеристики бытия даны апофатически. Обосновывается положение о том, что предметом философской апофатики является небытие, также определяемое при помощи отрицательных суждений. Показано, что, в отличие от учения Гераклита, в философии Парменида различие негативной теологии и философской апофатики имеет выраженный характер. Подчеркивается значение антитетического характера учений двух философов для становления проблематики негативности в истории греческой мысли.

Ключевые слова: Парменид, Гераклит, небытие, негативная теология, философская апофатика

Проблема небытия и тематика негативности в целом – одно из актуальных направлений философского поиска. Сложность, многогранность данной проблематики позволяет говорить об интегративном характере вопросов, формирующих исследовательское поле [6; 7]. Вместе с тем традиционно особое значение имеют историко-философские исследования, имеющие целью экспликацию исходных для западноевропейской традиции смыслов актуальных проблем.

Начало вопрошаний о негативности в истории западной мысли – досократическая философия. Конституирующим элементом негативности в западноевропейской онтологии и эпистемологии является категория небытия. Разумеется, когда предполагаемая цель историко-философского исследования – реконструкция представлений ранних греческих философов, то говорить о категориальном аппарате можно лишь условно. Но в

истории досократической мысли небытие, по меньшей мере, формируется как проблема.

Первое аргументированное и последовательное обращение к небытию мы обнаруживаем в философии элеатов. Во всяком случае, эта точка зрения представляется убедительной и распространена в специальной литературе. Однако можно предполагать, что учение элеатов и, в частности, Парменида является своего рода ответом на релятивистские интенции воззрений Гераклита. Основанием для такого предположения служит известный фрагмент поэмы «О природе», где говорится о тех, «кими "быть" и "не быть" одним признаются и тем же // И не тем же» [5; с. 2]. Вне зависимости от того, понимается ли данный фрагмент как критика Гераклита, антитетический характер их воззрений прослеживается с очевидностью [12, р. 27]. И опять-таки в специальной литературе этому аспекту, вне всяких сомнений, также уделено

достаточное внимание. Вместе с тем, менее очевидной для истории философии как науки представляется проблема расширения основания компаративистики учений Гераклита и Парменида. В рамках настоящей статьи мы обратимся к анализу апофатической проблематики в воззрениях двух мыслителей. Впрочем, указанное предметное поле также не являет собою нечто неизведанное – тематика негативности в досократической философии в целом разработана в достаточной степени, в связи с чем надлежит конкретизировать цель настоящего исследования. Для этого обозначим основные предпосылки, формирующие рассматриваемую проблему.

Итак, одним из аспектов негативности в истории мысли является вопрос о соотношении философской апофатики и негативной теологии. В специальной литературе необходимость подобного различения, безусловно, обозначена. На этом, в частности, акцентирует внимание А.В. Ахутин: «мы касаемся темы философского апофатизма, который следует отличать от апофатизма богословского и понимать конкретно, т. е. (1) внутри логического катафасиса мысли и (2) в исторической (культурной) определенности этого логического катафасиса. Плотин, Ник. Кузанский, И. Кант, М. Хайдеггер – вот некоторые философы, в разные эпохи философии...яснее других выявлявшие это апофатическое начало философии» [2, с. 49]. Здесь же отметим известную работу «Aporhatisme et théologie négative», в которой автор, P. Hadot, исходя из семантики слова ἀποφασις, устанавливает возможные различия в трактовках греческой негативности, а кроме того, обращает внимание на противоречия при обращении к понятию «негативная теология» [13].

Дефиниция различий философской апофатики и апофатической теологии, ввиду вполне очевидных причин, предполагает иной формат исследования, чем одна отдельно взятая статья. Поэтому здесь обозначим, одним из возможных смыслов различения названных понятий является указание на то, что философская апофатика имеет своим предметом апофатически определяемое нечто, которое не является трансцендентным первоначалом, абсолютом, но вместе с тем необходимо, чтобы определяемое понятие относилось к предметной области философского знания. И в рамках настоящей статьи мы обращаемся к теме различения философской апофатики и негативной теологии в воззрениях Гераклита и Парменида.

В работах по истории философии наличествует мнение, согласно которому обнаружение четкой линии демаркации между философией и теологией в античной философии едва ли возможно [8, с. 31]. Это положение, конечно, относится и к досократическому этапу. Но отметим, в нашем исследовании, во-первых, речь идет о негативности, представленной в двух ее наиболее очевидных проекциях – негативной теологии и философской

апофатике. Во-вторых, мы не ставим целью проведение четкой «демаркационной линии», мы лишь полагаем, что в воззрениях Гераклита и Парменида наличествует проблематика негативности, которая представлена как раз в двух названных ипостасях – и в качестве философской апофатики, и в качестве негативной теологии.

Обратимся, прежде всего, к воззрениям Гераклита. Определяющим здесь является релятивизм мыслителя из Эфеса. Принцип непрерывного становления, текучести обуславливает наличие переходных состояний. Релятивистская онтология сама по себе предполагает имплицитное наличие негативности как конституирующего элемента. В самом деле, релятивизм обуславливает, в том числе, характеристику любой вещи как того, что она не есть – она не есть то, что тождественно своему предшествующему и последующему состояниям, следовательно, каждый момент времени она есть то, что отлично от самой себя. В контексте сказанного диалектику бытия и небытия, которая присуща релятивистской онтологии, можно представить как диалектику апофатических и катафатических определений. Однако, позволяет ли подобная трактовка предполагать наличие именно философской апофатики в воззрениях мыслителя из Эфеса? Мы полагаем, релятивизм Гераклита обуславливает возможность конструирования негативных суждений, причем, пожалуй, это происходит впервые в истории греческой мысли. Но в явной форме философская апофатика здесь не представлена, да и, вероятно, не могла наличествовать на раннем этапе античной философии. Вместе с тем еще раз подчеркнем, что философия Гераклита, ввиду специфики, во-первых, релятивистской онтологии, во-вторых, учения о противоположностях, допускает апофатическую дефиницию понятий. Но ранее мы указывали, что философская апофатика обращена к понятиям, имеющим философский контекст. Здесь, конечно, встает вопрос о специфике ранней греческой мысли вообще и особенностях дошедших до нас фрагментов сочинений Гераклита, ибо мы говорим о ситуации становления, формирования категориального аппарата философии, а фрагменты, передающие учение мыслителя из Эфеса, изобилуют метафорами, что чрезвычайно осложняет попытку ответить на вопрос о наличии философско-апофатической проблематики. Впрочем, приведем одно свидетельство Аристотеля из «Метафизики» (1005 b): «не может, кто бы то ни было признавать, что одно и то же и существует, и не существует, как это, по мнению некоторых, утверждает Гераклит» [1, с. 124]. Акцентируем внимание на том, что данный фрагмент возможно прочитать и иначе – как указание на то, что, согласно Аристотелю, Гераклит, будто бы утверждал: бытие и небытие суть одно. Иными словами, речь идет не о существовании и несуществовании некоего нечто, а о бытии и небытии как таковых. В этой связи следует предположить, что релятивизм философии Гераклита можно спроецировать на всеобщие категории, т.е. бытие и небытие как таковые. Следовательно, один из

возможных способов осмысления бытия и небытия как таковых – апофатический.

Обратимся теперь к теологии мыслителя из Эфеса. Г.В. Хлебников отмечает: ранние греческие философы стремились не только познать мир и место человека в нем, но и бога, который в нем правит, и что одной из первых таких попыток и была теология Гераклита [11, с. 31]. Кроме того, в специальной литературе распространено мнение, согласно которому Логос, бог, огонь – тождественные понятия [14, р. 76]. Но само постулирование бытия божественного в воззрениях мыслителя из Эфеса для целей настоящей статьи не является определяющим. Здесь важно понять, можем ли мы говорить именно о негативной теологии, и если это возможно, то в каком контексте.

Согласно некоторым свидетельствам доксографии, Гераклит постулировал, что божественное ускользает от познания. Так, в сочинении Плутарха находим: «бог отличен от нас во всем – и в естестве, и в движении, и в искусстве, и в мощи, и потому нет ничего невероятного, если он творит то, чего мы творить не в силах, и питает замыслы, для нас непостижимые. Отличаясь от нас во всем, он более всего несходен с нами и превосходит нас своими деяниями. Однако многое из того, что касается божества, как сказано у Гераклита, ускользает от понимания по причине неверия» [9, с. 242]. Исходя, в частности, из этого фрагмента можно предположить следующее. Во-первых, возможность познаваемости или понимания божественного не исключается. Но, во-вторых, понимание бога возможно при условии веры. В-третьих, разумеется, здесь нет никакого указания на апофатический путь познания бога. Впрочем, нет здесь и положительной его трактовки. Следовательно, бог отличен от имманентно сущего, превосходит его во всем, что, вероятно, осложняет процесс познания, но не делает его невозможным. Невозможность этого обусловлена лишь отсутствием веры.

Далее, вернемся к тому положению, согласно которому в теологии Гераклита есть несколько имен, которыми он обозначает бога. Это и «Огонь», и «Логос», «Зевс» и др. Причины множественного именованья трансцендентного первоначала, как представляется на первый взгляд, очевидны. Прежде всего, это отсутствие сформированного категориального аппарата у досократиков в целом, малое количество аутентичных фрагментов и т.д. Однако наличествуют и иные объяснения. Так, Р.В. Светлов отмечает: «множественность имен, которые дает своему Началу Гераклит (Логос, Огонь, «Одно», Зевс, Борьба и проч.), также подсказывает, что конечная его выразимость последовательным и непротиворечивым образом невозможна, – следовательно, и здесь присутствует нечто от апофатического духа» [10]. Иными словами, данный тезис вносит существенное дополнение

к сказанному выше. А именно, что не только отсутствие сформированного категориального аппарата или почти всегда находящаяся под сомнением доксография обуславливают множественность и, как следствие, неопределенность в именовании божественного первоначала у Гераклита. В качестве причины указывается и невозможность непротиворечивого выражения, а значит, и познания божественного. Однако это дополнение опять-таки не позволяет однозначно утверждать, что в воззрениях Гераклита наличествует апофатическая теология. Пожалуй, мы вправе лишь предположить, что в учении мыслителя из Эфеса присутствует апофатический контекст теологии без использования апофатического метода как такового.

Следующий шаг в развитии проблематики негативности в истории ранней греческой мысли – философия Парменида. Итак, поэма «О природе» начинается с пролога, где действующим лицом является богиня. Дике говорит с юношей и излагает ему некое истинное учение. В свою очередь, пусть и косвенно, это означает, что истина имеет божественное происхождение. В следующей части поэмы мы находим определяющее для всей онтологии Парменида суждение, согласно которому истинным следует признать, что существует только бытие, а небытия не существует [4, с. 295]. Следовательно, тезис о существовании бытия имеет теологическое основание. Далее, бытие у Парменида наделяется рядом важнейших характеристик – оно, к примеру, не рождено, не может погибнуть [3]. Здесь апофатический контекст выражен с очевидностью. Но ключевое значение в этом случае получает другой вопрос: можно ли «бытие» Парменида отнести к божественному, т.е. является бытие богом, подобно тому, как, к примеру, богом является Единое у неоплатоников? В самом деле, бытие надделено божественными атрибутами, при этом божественность бытия превосходит божественность традиционных богов [11, с. 60-61]. Следовательно, можно говорить о том, что в учении Парменида наличествует и негативная теология.

Данный вывод, впрочем, обуславливает наличие следующего затруднения. Если бытие признается богом, то это означает совпадение онтологии и теологии у Парменида, что, как представляется, аннигилирует попытки разделения философской апофатики и негативной теологии. В этой связи особый интерес вызывает обращение элеата к небытию. Богиня отрицает существование небытия как такового. При этом однозначно говорится, что утверждение существования небытия – это ложный путь [4, с. 295]. Соответственно, все те рассуждения о небытии, которые представлены в поэме, выходят за рамки теологии Парменида, исключаются из нее. Безусловно, это наше предположение может вызвать возражения, в той части, что небытие диалектически связано с бытием, а значит, исключать небытие из теологии элеата нельзя. Но, как представляется, контекст обращения к небытию

в поэме именно таков – речь о де-онтологизации небытия. О том, что небытие не существует говорит сама богиня, а значит, оно лишено божественного логоса. Следовательно, проблематику, связанную с пониманием Парменидом небытия в поэме, можно отнести к философской, а не теологической проблематике.

Данный вывод сам по себе не дает нам еще возможности сделать заключение о наличии философской апофатики в поэме. Вместе с тем можно дедуцировать ее основания. Согласно тексту поэмы, небытие не только не существует. Помимо этого, его нельзя и помыслить, поскольку «мыслить – то же, что быть, можно лишь то говорить и мыслить, что есть; бытие ведь есть, а ничто не есть» [4, с. 296]. Следовательно, небытие в «О природе» является тем предметом, в отношении которого применяются апофатические суждения, причем мы обнаруживаем последовательное применение таких суждений при обращении к небытию. Сказанное позволяет нам заключить, что в воззрениях элеата наряду с негативной теологией наличествует и философская апофатика.

Таким образом, в рамках настоящей статьи мы обратились к проблеме различия философской апофатики и негативной теологии в воззрениях Гераклита и Парменида. Историко-философское исследование данного аспекта учений двух греческих мыслителей изначально сопряжено с чередой спорных моментов. Во-первых, исследуемая проблема не была и не могла быть сформирована в философско-теологическом дискурсе досократиков в целом. Во-вторых, очевидно, само различие философии и теологии в воззрениях ранних греческих мыслителей также не предполагает четких границ. В-третьих, это проблема определения самой философской апофатики в рамках греческой философии. Однако эти обстоятельства не могут быть достаточным аргументом для отказа от исследования поставленной проблемы.

Итак, релятивизм позволяет предполагать наличие

философско-апофатического контекста, а проблема именованная трансцендентного первоначала, позволяет сформировать гипотезу о негативном аспекте теологии в воззрениях Гераклита. Здесь еще раз заметим, что различие философской апофатики и негативной теологии в философии мыслителя из Эфеса имеет во многом именно гипотетический характер. Иными словами, здесь мы можем констатировать лишь начало этой проблематики, ее неявное, имплицитное, наличие. В философии Парменида данное различие читается с большей очевидностью. В поэме бытие имеет атрибуты божественного и определяется оно и катафатически, и апофатически, соответственно, можно говорить о наличии негативной теологии. Небытие является противоположностью бытию, оно лишено божественного логоса, ввиду чего проблематику небытия следует отнести к не-теологическому контексту воззрений элеата. При этом небытие также определяется апофатически – оно, в частности, и несуществующее, и непознаваемое. Следовательно, есть основания полагать, что учение Парменида о небытии является предметом философской апофатики. Антагонистический характер воззрений Гераклита и Парменида имеет еще один аспект, к которому не столь часто обращаются в специальных исследованиях. Проблема различия философской апофатики и негативной теологии в философии Гераклита только формируется. Ввиду релятивистских интенций уловить это различие можно, однако оно во многом оно будет иметь гипотетический характер. Философия Парменида противостоит релятивизму Гераклита. Один из способов преодоления релятивизма – разделение бытия и небытия, что, в свою очередь, является основанием для разделения философской апофатики и негативной теологии в воззрениях элеата. Несмотря на имеющиеся различия в воззрениях Гераклита и Парменида, взгляды обоих мыслителей, взятые в их диалектическом единстве, представляют собой чрезвычайно важный этап в формировании проблематики негативности в истории западноевропейской философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1976. – 550 с.
2. Ахутин А.В. Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. – 743 с.
3. Воробьев Д.В., Смирнова Е.В. Учение Ксенофана из Колофона и Парменида Элейского о временной и пространственной бесконечности // Вестник Мининского университета. – 2018. – Т. 6. – №4. – URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/896/698>. (Дата обращения: 20.02.2019)
4. Лебедев А.В. Фрагменты ранних греческих философов Часть I. От элических космогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. – 576 с.
5. Маковельский А.О. Досократики. Часть вторая (элеатовский период). Казань: Издание книжного магазина М.А. Голубева, 1915. – 243 с.
6. Ничто / под ред. Д. Уэбба; пер. с англ. А. Капанадзе. М.: Лаборатория знаний, 2016. – 237 с.
7. Онтология негативности: сборник научных трудов / отв. ред. Е. Г. Драглина-Черная. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2015. – 376 с.
8. Оплетева О.Н. Истоки и смысл апофатической традиции. Философия и теология // Вестник адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 4. С. 30-36.
9. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М.: Наука, 1994. – 702 с.
10. Светлов Р.В. Платонизм и происхождение «интеллектуализма» в понимании первоначала // URL: <http://platoakademeia.ru/index.php/ru/academeia/>

item/4-academeia_1-02 (дата обращения: 09.12.2019)

11. Хлебников Г.В. Античная философская теология. М.: ЛЕНАНД, 2014. – 312 с.
12. Drozdek A. Greek Philosophers as Theologians: the divine arche. Ashgate Publishing Ltd., 2007. – 275 p.
13. Hadot P. Apophasis et théologie négative // Exercices spirituels et philosophie antique. Paris. Études augustinienes, 1987. Pp. 185-193.
14. Naddaf G. Revisiting the Religion of the Early Greek Philosophers, and Socrates' Contribution to the Controversy. *Ápeiron. Estudios de filosofía*. 2019. № 11. Pp. 65–97.

© Богомолов Алексей Владимирович (ensestens@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ И КИТАЯ

Васильченко Александра Владимировна,

Кандидат культурологии, доцент, Комсомольский-на-Амуре государственный университет
avas_27@mail.ru

THE POSITION OF WOMEN IN MODERN CULTURE IN RUSSIA AND CHINA

A. Vasilchenko

Summary: The article examines the position of women in the modern culture of Russia and China from the perspective of dynamics and transformation. It is shown that in both cultures the role of women as the guardian of the family hearth gradually departs from its traditional manifestation and acquires innovative features. The uniqueness and self-sufficiency of women in modern Russian and Chinese cultures is revealed. Based on a comparative analysis, the author came to the conclusion that the current situation of women in Russia and China has more similarities than differences, it indicates the closeness of cultures and mentalities of two nations, as well as the similarity of ongoing social processes in the country.

Keywords: woman, man, family, family relations, children, divorce, society, culture, Russia, China.

Аннотация: Исследовано положение женщины в современной культуре России и Китая в ракурсе динамики и трансформации. Показано, что в обеих культурах роль женщины как хранительницы семейного очага постепенно отходит от традиционного своего проявления и приобретает инновационные черты. Выявлена уникальность и самодостаточность женщины в современной российской и китайской культурах. На основе сравнительного анализа автор пришел к выводу о том, что современное положение женщины в России и Китае имеет больше сходств, чем различий, это указывает на близость культур и менталитетов двух народов, а также на схожесть происходящих социальных процессов в государстве.

Ключевые слова: женщина, мужчина, семья, семейные отношения, дети, развод, общество, культура, Россия, Китай.

В настоящее время в России и Китае особую важность приобретают проблемы, связанные с изучением национальной ментальности и самобытности, актуализируется интерес к отечественной культуре. Важность этих проблем обусловлены межкультурными взаимодействиями и процессами глобализации. Также в настоящее время актуальность получают российско-китайские отношения, которые обуславливают межкультурные связи двух стран. В этом процессе участвуют и женщины, поэтому представляется важным проанализировать положение женщины, ее деятельность и вклад в общественно-производственную жизнь стран с разной историей и культурой.

Анализируя и сравнивая жизнь семьи и быта в российской и китайской культурах, можно отметить, что исторически основное социальное назначение женщины заключалось в ведении домашнего хозяйства и воспитания детей. Однако эта, банальная на первый взгляд, истина представляется нам важной в том плане, что семья, являясь ячейкой государства, не только воспроизводит и формирует будущих граждан, но и готовит их к общественно-производственной деятельности, и женщине здесь отводится немаловажная роль.

Цель работы: сравнить положение женщины в современной культуре России и Китая, выявить сходства и различия.

При проведении исследования использовался *сравнительно-исторический* метод, предоставивший возможность выявить сходства и различия в представлениях о женщине у двух разных культур, а также происходящие изменения в семейных и общественных отношениях России и Китая. Также данный метод позволил сравнить традиционное и современное положение женщины у каждой отдельной культуры. В работе применялся также *психологический* метод, позволивший рассмотреть особенности национальной культуры, национального характера посредством изучения особой роли и статуса женщины в семье и обществе у двух культур.

Новизна работы заключается в исследовании трансформации традиционного образа женщины, ее роли и статуса в семье и обществе в современной культуре России в сравнении с современной культурой Китая. Данное исследование осуществлялось через призму средств массовой информации, которые выступают не только трансляторами культурных норм и ценностей, но и отражают современную жизнь общества. Привлечение научных материалов позволило автору увидеть и оценить положение женщины в статике, как сложившейся многовековой системы воспитания и подготовки будущих граждан к общественной жизни государства, а использование средств массовой информации дало возможность увидеть деятельность женщины в динамике, в

повседневной жизни семьи и общества.

В современном российском государстве изменилось традиционное представление о женщине как хранительнице семейного очага. В дореволюционной России главным ее предназначением было ведение хозяйства, рождение и воспитание детей. Все свое время и свою деятельность она должна была посвящать семье [17, с. 237]. В современной России женщина является самодостаточной личностью, наравне с мужчиной она вовлечена в различные сферы производственной и политической деятельности государства. Женщина осознает свою значимость и востребованность в общественном производстве, что находит широкое отражение в СМИ.

Влияние женщин на современную жизнь увеличивается с каждым днем. В мире уже почти не осталось тех сфер деятельности, в которых женщины не могли бы проявить своего участия. Они словно спешат показать и доказать кому-то, что не хуже мужчин справятся с той или иной общественной задачей и справятся с ней гораздо лучше [14, с. 2].

Несмотря на это, семья и дети все еще являются одними из главных, приоритетных жизненных ценностей большинства современных российских женщин. Счастливая и дружная семья мыслится ими как огромное счастье, как тыл, позволяющий человеку жить полноценной жизнью, расти и развиваться детям, радоваться каждому дню [3, с. 55; 4, с. 109].

В дореволюционной культуре России женщина экономически зависела от мужчины [17, с. 237]. Для большей части современных российских семей характерна экономическая независимость жены от мужа (она также работает, зарабатывает деньги). В связи с этим, осуществляется демократизация супружеских отношений, которая происходит в разных сферах семейной жизни: переосмысливаются и подвергаются изменениям проблемы главенства семьи, ведения хозяйства и семейного бюджета, решения важных семейных вопросов. Приобретают актуальность и проблемы совместного домашнего труда, ухода за детьми и их воспитания, которые транслируются в СМИ.

Так сложилось, что в современном российском обществе работают оба супруга, поэтому домашние дела и воспитание детей приходится делить поровну: вместе делать домашние дела, а потом вместе отдыхать... Если супруги договорятся и будут вместе делать домашнюю работу, не разделяя ее на мужскую и женскую, а дети будут это видеть каждый день, они привыкнут к такому положению вещей. И если отец вместе с сыном будут привычно и беспрекословно мыть посуду после семейного обеда, ребенок никогда не будет воспринимать работу на кухне женским занятием [13, с. 29].

В современной российской культуре приобретает все большую актуальность образ эмансипированных женщин, которые стремятся получить достойное образование, сделать успешную карьеру, приобрести финансовую независимость. При этом они не спешат создавать семью.

Мне 30 лет, я не замужем, и в ближайшее время не собираюсь создавать семью. У меня два высших образования, и сейчас как раз складываются благоприятные условия для успешной карьеры. Моя мама и бабушка вышли замуж довольно рано и к 20 годам были уже мамами. Но сейчас совсем другие времена. Женщины, особенно те, кто любят свою работу, как я, не торопятся создавать семьи и обзаводиться потомством [12, с. 4].

Женская эмансипация также выражается в сознательном отказе женщины от супруга, если он не выполняет своих обязанностей в семье, не работает, не обеспечивает экономически семью, употребляет алкоголь и др.

Поколение, родившееся раньше 90-х, помнит горестное и обидное слово «безотцовщина». Наши бабушки воспитывали наших матерей: «Ребенку нужен отец! Необходимо сохранять семью любой ценой». И они сохраняли семью. Только потом понимали, что цена оказалась очень высокой. То ли дело нынешнее свободолюбивое племя. Многие современные женщины поняли, что самая бессмысленная идея на свете – это жертва во имя кого-то, особенно когда роль жертвы выпадает женщине и ребенку. Столкнувшись с мужским поведением, которое невозможно терпеть, современные женщины делают выбор в свою пользу, они сознательно отказываются от мужа и лишают ребенка отца. Времена сейчас другие, и никто не заклеит ребенка словом «безотцовщина» [7, с. 24].

В настоящее время в российском обществе массовым явлением стали разводы, причины которых заключаются в трансформации патриархального уклада семьи, в стремлении женщин изменить свой традиционный статус домашней хозяйки и переложить свои обязанности по дому на мужа, неподготовленность женщин к семейной жизни. Данная проблема также находит отклик в СМИ.

Подруга хвалила мне своего мужа - он и еду готовит, и полы моет, и рубашки свои сам гладит, и белье стирает. Прошло некоторое время, и подруга начала жаловаться на мужа: он перестал мыть полы, потом стал требовать от жены глаженные рубашки. «Если он еще откажется готовить мне завтраки, обеды и ужины, я с ним разведусь» – жаловалась подруга на мужа, которым она привыкла повелевать, как своим рабом. В дальнейшем они действительно развелись. На развод подал муж, т.к. ему надоело быть прислугой для жены [15, с. 50].

В современной культуре также распространение получили нерегистрируемые сожительства (гражданские браки), сексуальные отношения молодых девушек до брака и др. [1, с. 116]. С этими проблемами связан рост так называемых «осколочных» семей с матерью и детьми, внебрачной рождаемости, происходит увеличение количества матерей-одиночек [6]. К таким явлениям уже нет отрицательного отношения со стороны современного общества, каким оно было в дореволюционной России.

Для большинства российских семей характерна малодетность, возникающая чаще всего в результате экономического кризиса в стране, бедности и нищеты [5]. И в отличие от традиционного уклада, мать и семья уже не являются единственными в воспитании и социализации индивида. В нынешней России в этом процессе активно принимают участие дошкольные учреждения, школы, вузы, неформальные объединения и др.

В связи с вышеотмеченными проблемами, которые сказываются негативно на состоянии семьи, в современной России предпринимаются попытки возродить традиционное осмысление женщины как матери, хранительницы семейного очага, главной задачей которой является рождение и воспитание детей. Происходит популяризация семейных праздников, например, таких как «День семьи, любви и верности», «День Матери», «Новый год» и др. Цель этих праздников – утвердить образ традиционной, крепкой, многодетной семьи. Не работа, а семья и дети должны стать приоритетными в жизни женщины. Данная идея широко транслируется в православных СМИ.

«День семьи, любви и верности» берет свое начало из Православия. В настоящее время этот праздник призван объединить русский народ вокруг самого ценного, что есть у человека – семьи. Жизнь благоверного князя Муромского Петра и его святой супруги Февронии – это пример жертвенной и верной любви. Эта воплощенная история семейного счастья и любви волнует сердце любой женщины [9, с. 14].

Праздник «День семьи, любви и верности» проводится в русле русской православной традиции, он является отечественным историческим наследием. Во многих городах проходят торжественные мероприятия, приуроченные к этому празднику, с целью возрождения национальной культуры, создания позитивного образа семьи, особенно многодетной, закрепления этого образа в сознании российского населения. В рамках этой программы осуществляется помощь семьям в кризисных ситуациях.

Таким образом, в настоящее время относительно роли женщины в современном российском обществе

складывается противоречивая картина. С одной стороны, семья и дети все еще остаются одной из важных обязанностей российских женщин. С другой стороны, роль женщины в семье и обществе, в отличие от традиционной культуры, меняется. В связи со сложившейся кризисной ситуацией в стране, женщина вынуждена участвовать в разных сферах производственной и общественной деятельности страны, экономически обеспечивать семью наравне с мужчиной.

Как и в России, в современном Китае изменилось представление о женщине, которая также мыслилась в традиционном китайском обществе как хранительница семейного очага [8, с. 307]. В середине XX в. в Китае произошли преобразования в государственной власти, повлекшие за собой и изменения в социальной сфере. Произошло установление гендерного равноправия [18]. Женщины в современном Китае обрели равные с мужчинами права и равный с ними социальный статус, получили экономическую независимость, право участия в политической жизни страны. Именно социальный прогресс постепенно разрушил традиционное восприятие женщины в Китае. В новую эпоху женщины пришли на работу и стали костью всех слоев общества. Большое количество выдающихся женщин успешно реализуют себя в областях науки, техники, культуры, искусства и др. Они делают открытия в тех сферах деятельности, в которых доминировали мужчины. С развитием новых технологий, например, таких как Интернет и искусственный интеллект, стали появляться новые профессии, предоставляющие большие возможности для трудоустройства женщин.

Как и в России, в современном Китае все большее развитие приобретает образ эмансипированной женщины, что находит широкую трансляцию в СМИ. В нынешнюю эпоху в сознании женщин пробуждается много новых идей, и в будущем их будет все больше и больше. Они не захотят полагаться на людей, чтобы изменить свою судьбу. Они полагаются только на себя. Они независимы и самостоятельны: это кольцо выглядит хорошо, и я могу купить его себе сама. Я также буду заботиться о себе сама [21].

Женщины хотят стать лучше, красивее, покупая себе модную одежду, высококачественную косметику, изысканные блюда, туристические путевки. Девушки стремятся получить образование, построить успешную карьеру, приобрести финансовую независимость, иметь хорошую работу. В дальнейшем, это даст возможность осуществлять более прочные отношения в семье, развивать собственный семейный бизнес. В современном Китае большое распространение получили общественные взгляды и мнения, свидетельствующие о том, что женщины, родившие детей, не должны бросать свою работу. Они обязаны строить собственную карьеру. С одной сто-

роны, рост числа разводов и высокий уровень семейной неустойчивости заставляет женщину знать, если она не сделает свою карьеру и если вдруг брак прекратит свое существование, то такая женщина потеряет весь капитал, который приносили ей дети и семья. С другой стороны, прогресс мужчин и женщин должен идти в относительно синхронном состоянии. Женщины не должны сильно отставать от мужчин в профессиональной деятельности. Чтобы иметь хороший брак, у женщины должен быть собственный бизнес. Только становясь успешнее в профессиональной сфере, женщина может сохранить свой брак и всегда привлекать вторую половину [21].

Современные молодые люди уже не разделяют традиционных взглядов о том, что женщине, имеющей семью, следует заниматься только домашним хозяйством и детьми. Молодое поколение полагает, что сейчас эти обязанности должны выполнять оба супруга. Мужу и жене необходимо сообща решать важные семейные вопросы, иметь сходные интересы, проводить досуг вдвоем или с детьми и т.д. Таким образом, супружеские отношения в Китае теперь стали равноправными [10].

В традиционном Китае женщина-мать, имеющая много детей, пользовалась большим уважением [8]. Сейчас семьи в Китае в основном малочисленные. С одной стороны, в последние годы государство ограничивало свободу брачных отношений: одна семья – один ребенок. [20]. С другой стороны, женщины, которые потратили много сил, времени и денег на образование и карьеру, не могут уйти в декретный отпуск. Они боятся потерять профессиональную квалификацию, остаться без работы и доходов, что достаточно обосновано с их стороны: несмотря на государственные законы, защищающие интересы молодых матерей, предприятия находят различные причины для их увольнения [18]. Помимо этого, широкое привлечение женщин в сферу общественного производства значительно сокращает время, которое они могли бы уделять семье, рождению и воспитанию детей. Данная позиция находит широкий отклик в СМИ.

Беременность – это слишком тяжело, воспитание детей имеет много проблем. Овдовевшее воспитание очень сложное. Не выгодно откладывать работу из-за воспитания ребенка. Нельзя остаться в жизни без дохода. Каждый должен усердно трудиться, чтобы наслаждаться жизнью, а не быть отцом или матерью. Это своего рода трепет жизни, рациональность выбора, осторожность по отношению к детям и ответственность за себя [23].

Также как и в России, в современном Китае, в отличие от традиционного общества, мать и семья уже не играют основной роли в воспитании и образовании детей. Эту задачу выполняют дошкольные, образовательные учреждения, включая вузы и др. [16].

За последние годы в Китае сформировались также новые принципы выбора будущей супруги. В традиционном Китае в девушках ценились следующие качества: целомудрие, скромность, послушание, уважение к родителям [11, с. 146-147]. В настоящее время считаются более предпочтительными эрудированность, предприимчивость и деловитость, а также уровень образования и доходов, состояние здоровья, возраст, внешние данные, темперамент, характер [18]. Брак для женщины уже не является обязательным, навязываемым родителями и обществом. Сегодня девушки могут создавать семьи по собственному выбору, по любви, поддерживая значимость романтических отношений. В СМИ даются разнообразные советы, касающиеся создания семьи.

Свободный выбор супруга в качестве партнера по браку должен быть вашей верой в него. Будьте сами собой, слушайте свое сердце, которое поможет выбрать того, кто, по вашему мнению, является правильным партнером по браку. Даже если в будущем что-то в вашей семье пойдет не так, вы никого не будете обвинять [24].

В современном Китае увеличивается число разводов, в больших городах до 70 % разводов инициировано женщинами, что было недопустимо в традиционном Китае [19]. Уже не считается предосудительным для современного общества женщине быть разведенной и заключать повторные браки. Это свидетельствует о повышении социально-экономического положения женщин, их равноправия и независимости, о радикальных изменениях общественных взглядов на семью и семейные отношения. Возрастает уровень сексуальной свободы китайских женщин, некоторые из них живут в нерегулируемых сожителствах (гражданских браках).

Однако, несмотря на все вышесказанное, в современном Китае, наблюдаются тенденции несколько изменить современное положение женщины, возродить традиционное представление о ней как хранительнице семейного очага, как матери, одной из главных задач которой является воспитание детей. Не работа, а дети, общение с ним и их воспитание могли бы стать приоритетными в жизни женщины. Эта программа отражена в СМИ, где женщина называется «матерью на полный рабочий день».

В Китае термин «мать на полный рабочий день» не так давно был непопулярным и считался содержащим отрицательные значения, такие как «некомпетентность» и «нет денег». Теперь все больше женщин добровольно выбирают стать «матерями на полный рабочий день» и гордятся ими. Некоторые эксперты прогнозируют, что, поскольку правительство Китая сейчас уже разрешает рожать двух детей, желающих женщин стать матерями полного дня будет еще больше [22].

Однако можно отметить, что современная женщина Китая свободна в своем выборе и может самостоятельно решать, каким видом деятельности будет заниматься.

Проанализировав современное положение женщины в России и Китае, выявляется много сходных черт.

1. Роль и статус женщины в семье и обществе в обеих странах трансформировались, по сравнению с традиционной культурой.
2. Женщины, как и мужчины, трудятся на производстве, участвуют в различных сферах общества, экономически обеспечивают семью.
3. И Россия, и Китай пришли в своей истории к относительному равноправию и демократизации мужчин и женщин в семейных отношениях и общественной жизни страны.
4. И в России, и в Китае популярен образ эмансипированной женщины.
5. В обеих странах большинство женщин уже не имеют много детей, по сравнению с тем, как это было в традиционной культуре.
6. В связи с возникшими социальными проблемами, в обеих странах осуществляются попытки возродить традиционное представление о женщине, прежде всего как матери, супруги, в центре жизни которой должна быть не профессиональная деятельность, а семья, дети, их интересы и воспитание.

С другой стороны, есть и различие: в настоящий момент в Китае действует политика, направленная на сокращение рождаемости, в России же действует противоположная политика, направленная на увеличение рождаемости. Однако, российские женщины сами не желают иметь много детей. Это связано, по нашему мнению, с социальными проблемами современного российского общества, одной из которых является экономическая нестабильность страны.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ

показал, что в современном положении женщины в России и Китае больше сходств, чем различий, что, с одной стороны, указывает на близость менталитетов и характеров этих двух, на первый взгляд непохожих стран. С другой стороны, это указывает на то, что Россия и Китай в настоящее время переживают одинаковые изменения и инновационные процессы, которые связаны с социальными, экономическими проблемами в обществе, а также с процессами глобализации. Участие женщины в современной социальной и производственно-экономической жизни государства в России и Китае все больше увеличивается. С развитием производства женщины осваивают новые профессии, занимаются бизнесом, активно участвуют в политической жизни страны, служат в армии и т.д. Женщины получили равноправие и независимость от мужчины. В политической, экономической и производственной жизни государства они могут заменить мужчину. Хотя деятельность женщины в семье уменьшается, сокращается время, которое женщина могла бы отводить семье и детям, однако ее роль в воспитании детей и хранительницы семейного очага не уменьшается и остается важной и необходимой. В связи с этим, женщина становится личностью двухсторонней, уникальной и самодостаточной, которой в силу сложившихся обстоятельств (развития производства, государственной политики и т.п.) приходится выполнять несколько социальных ролей в обществе: домашней хозяйки, матери, воспитывающей детей, - и роль труженицы, преуспевающей в какой-либо сфере общественного производства.

Результаты данной работы имеют практическую значимость и могут применяться в вузовской практике преподавания курсов по дисциплинам специальности «Культурология», а также в научно-исследовательской работе со студентами. Материалы данного исследования также могут использоваться органами социальной защиты населения при планировании работы со смешанными браками, которые уже возникли в приграничных районах России и Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А. И. Судьба семьи в России XXI в. - М.: «Грааль», 2000. - 416с.
2. Бурмистрова Е. Мамы разные важны // Славянка. - Январь. - 2010. - С. 72-77.
3. Васильченко А. В. Сравнительный анализ представлений о счастье в русской и китайской культурах (статья) / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики / Тамбов: Грамота, 2017. № 8 (82). С. 54-56.
4. Воркачев С. Счастье как лингвокультурный концепт. - М.: Гнозис., 2004. - 237с.
5. В разводах виноваты измены и бедность // Российская газета : Неделя [Офис. сайт]. № 6132 от 18 июля 2013 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/gazeta/subbota/2013/07/18.html>. Дата обращения: 20.03.2020 г.
6. Гаспарян Ю. А. Семья на пороге XXI в. (социологические проблемы). - СПб : Петрополис, 1999. - 320 с.
7. Гребнева, Н. Ребенка без отца оставила! / Н. Гребнева // Будуар. - № 9 (199). - Сентябрь. - 2017. - С. 24-25.
8. Кравцова М. Е. История культуры Китая. - М.: Издательство «Лань», 2003. - 416с.
9. Кравченко И. Семья – это основа жизни // Славянка. - Июль. - 2008. - С. 14-16.

10. Кузьменко Е. Б. Особенности взаимоотношений в китайской семье // Молодой ученый. - 2015. - № 19. - С. 99-102. URL <https://moluch.ru/archive/99/22345/>. Дата обращения: 22.03.2020 г.
11. Малявин В. В. Китайская цивилизация. – М. : ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»: АСТ, 2003. – 627 с.
12. Наедине с психологом // Веста. - № 8 (267). - Август. - 2017. - С. 4-5.
13. Наедине с психологом // Веста. - № 11 (282). - Ноябрь. - 2018. - С. 28-29.
14. Николаев С. Слово пастыря // Славянка. – Июль. - 2006. - С. 2-3.
15. Ошибки, о которых мы будем сожалеть // Веста. - № 7 (266). - Июль. - 2017. - С. 50-51.
16. Пащенко Г. Отношение родителей и детей в Китае / Г. Пащенко, Инь Фен, Оу Сян // Электронный архив Сямского государственного университета. [Электронный ресурс] URL: <http://essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/123456789/18062/1/15.pdf>. Дата обращения: 26.03.2020 г.
17. Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. – М. : Алгоритм, 2010. – 944 с.
18. Почагина О. Семья: новые формы – иные ценности. [Электронный ресурс] <http://www.strana-oz.ru/2008/3/semya-novye-formy-inye-cennosti>.-Загл. с экрана. Дата обращения: 26.03.2020 г.
19. Хайжуй Ли Китай. Знакомство с древней культурой. – М. : Вече, 2004. – 208 с.
20. Юлиан Лин Китайская семья и культура [Электронный ресурс] <http://www.oppi.uef.fi/aducate/projektit/monikko/translations/rus/Kiinalainen-perhe-jatarakulttuuri-rus.pdf>. Дата обращения: 20.03.2020 г.
21. 来源:搜狐 《2019中国职业女性图鉴：职业天花板创业女性与“她经济” 2019-05-13 (Иллюстрация китайских женщин-профессионалов в 2019 году: женщины, достигшие высот в бизнесе).
22. 来源: 新华社 《二孩政策让中国更多职业女性回归家庭》 责任编辑:王萌萌. 2016年02月24 (Политика в отношении двух детей, направленная на возвращение профессиональных женщин в семью в Китае).
23. 来源 知乎 作者 周冲《为什么现在的90后越来越不想生孩子了 2018-08-07. (Почему сейчас, после 90-х годов, все больше и больше не хотят иметь детей?)
24. 来源 百度《自由恋爱的好处 2018-03-01 (Преимущества свободной любви).

© Васильченко Александра Владимировна (avas_27@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Комсомольский-на Амуре государственный университет

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ Й. ТРИРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ ФРЕЙМОВ

Меньщиков Данил Игоревич

Аспирант, Российский университет транспорта (МИИТ)

menshchikov.danil@mail.ru

THE SEMANTIC FIELD OF J. TRIER FROM THE VIEWPOINT OF THE PHILOSOPHICAL THEORY OF FRAMES

D. Menshchikov

Summary: In this paper, a conceptual substantiation of frame problems is given, an attempt is made to identify the translation of the theory of the conceptual field of J. Trier into the philosophical theory of frames. The author considers the terms "frame" and "frame analysis" in the context of cognitive philosophy, compares the points of view on the understanding of these terms between linguistics and philosophy, and tries to combine these two theories into one.

Keywords: frame, frame theory, frame analysis, frame object, frame action, conceptual field, lexical field, semantic field.

Аннотация: В данной работе даётся концептуальное обоснование проблем фреймов, делается попытка выявить перевести теорию понятийного поля Й. Трира в философскую теорию фреймов. Автор рассматривает термины «фрейм» и «фрейм-анализ» в контексте когнитивной философии, сравнивает точки зрения на понимание этих терминов между лингвистикой и философией и пытается объединить две эти теории в одну.

Ключевые слова: фрейм, теория фреймов, фрейм-анализ, фрейм-объект, фрейм-действие, понятийное поле, лексическое поле, семантическое поле.

Начиная со второй половины XX века всё больше дисциплин размывают свои границы. Исходом этого появляются всё больше междисциплинарных связей, следствием чего стало явление перехода специальных методов и терминов из одной дисциплинарной области в другую с приобретением совершенно иного значения. В связи с этим стали появляться термины, не имеющие четкого определения и описывающие различные предметы изучения.

Одним из таких терминов является «фрейм». Сама теория, носящая название «теория фреймов» ведёт своё начало от работ американских учёных Г. Бейтса, И. Гофмана, М. Минского. Это не полноценная теоретическая концепция, а совокупность различных концепций, развивающаяся в рамках социальных, психологических, когнитивных, лингвистических и кибернетических наук. Эти концепции организованы вокруг проблемы контекстуализации события действия. Сам термин «фрейм» является олицетворением контекста.

В данной работе за основу берётся модель представления фреймов, которую разработал Марвин Минский. Отметим, что фрейм состоит из терминала (определённого значения, которое можно записать в этот терминал) и маркера (определяющего, какое значение может быть записано в терминал). Набор маркера и терминала будем называть слотом или ячейкой.

Одним из таких терминов является «фрейм». Сама теория, носящая название «теория фреймов» ведёт своё

начало от работ американских учёных Г. Бейтса, И. Гофмана, М. Минского. Это не полноценная теоретическая концепция, а совокупность различных концепций, развивающаяся в рамках социальных, психологических, когнитивных, лингвистических и кибернетических наук. Эти концепции организованы вокруг проблемы контекстуализации события действия. Сам термин «фрейм» является олицетворением контекста.

Фреймом будем называть единицу знания. Возьмём за основу, что существует два вида фрейма: фрейм-объект и фрейм-действия. Фрейм-объект описывает знание о предмете, например, цвет или птица (иными словами, описывает существительные части речи). Фрейм-действие, аналогично, описывает знание о действии, в том числе и о принадлежности чего-то к чему-то, например, фраза «желтая птица» а теории фреймов будет описана следующим видом: «птица имеет жёлтый цвет».

Фрейм – это комплексный пакет знаний, хранимых на каком-либо носителе (будь то компьютер или мозг человека). Фрейм описывает события и понятия. Каждый фрейм содержит отделения – слоты, в которых собраны атрибуты (характеристики) и соответствующие им значения. Например, фрейм определённого конкретного животного будет иметь слоты, где указаны вид животного, пол, ареал обитания и т. д., а также пустые слоты, которые можно заполнять новыми элементами знаний. Фреймы – это многослойная структура, нужная для отображения картины реальности, будь то чувственная ре-

альность или лингвистическая, или любая другая. Возьмём эти определения за основу и попробуем привести каждую из вышеперечисленных областей знания к этой модели.

С конца 1970-х годов теорию фреймов начали развивать огромное число исследователей из огромного множества специальных научных областей. Предметом исследования при этом становились абсолютно непоставимые явления – взаимоотношения индивидов в обществе, коммуникация в животном мире, психические процессы у человека, языковые явления, научная деятельность и т. д. [1, стр. 14].

Абсолютно каждый исследователь теории фреймов вносил свой вклад в понимание проблемы фреймов исходя из сферы интересов и цели своего исследования. Это привело к различию во взглядах на терминологический аппарат и его смысловое наполнение, что, в свою очередь, привело к появлению разных интерпретаций этого понятия, а в дальнейшем – различных вариантов фрейм-анализа [2, стр. 29]. В настоящее время данная теория также разрабатывается во многих областях науки, будь то лингвистика, социология, психология, педагогика и т. д. Исследователи, представляющие разные научные дисциплины, обогащают понятие фрейма своим содержанием и адаптируют его применительно к своему научному материалу [3, стр. 140].

Историю разработки теории фреймов можно разделить на следующие этапы:

- В работе Марвина Минского была представлена математическая модель описания фреймов и их систем, на основе которых была представлена графическая модель представления как единичного фрейма, так и системы фреймов, описывающих объект.
- В работе Р. Шенка и Р. Абельсона была представлена модель графического представления фрейм-сценариев являющимися представлением действий и явлений (скриптов) в конкретной системе фреймов.
- В работе Йоста Трира и Лео Вайсгербера был введен термин «отношение», являющийся, в конкретном случае, представлением обобщения или сходства для двух понятий, описанными в конкретной системе фреймов.
- В работе Грегори Бейтсона была развита модель Й. Триста и термин «отношение», являющийся в общем случае представлением любого отношения между двумя конкретными объектами, а также был описан механизм коррекции ошибок выбора альтернатив действия и механизм переходов между уровнями обобщения (абстракция) объектов конкретной системы фреймов.
- В работе Ирвинга Гофмана был описан меха-

низм обобщения сценариев конкретной фрейм-системы и механизм построения переходов между уровнями обобщения (абстракция) этих сценариев конкретной системы фреймов.

- В работе Ч. Филлмора была представлена модель фрейма явления, являющимся набором всех фреймов участников конкретного явления, а также всех фрейм-сцен сценариев взаимодействия между участниками этого конкретного явления.

Вообще говоря, попытки вести исследования в направлении понимания фреймов (хоть тогда определения, описывающие такое явление, как фреймовый анализ, звучали по-другому) начались еще в XIX веке при построении теорий поля лингвистами. Автор не считает целесообразным углубляться в историю этого вопроса, для исследования интересна теория семантического поля, разработанная в 30-е годы XX века Й. Триром и Л. Вайсгербером. Суть этой теории в том, что, по мнению исследователей, в первую очередь Й. Трира, слово имеет смысл лишь потому, что слова, смежные с ним, также имеют смысл. По мнению Й. Трира (а после и Л. Вайсгербера, продолжившим развивать это концепцию) «вне поля слово вообще не может иметь значения» [4, стр. 11], [5, стр. 5]. Язык, по мнению Й. Трира, с позиции синхронного анализа – есть стабильная замкнутая система, в которой «все получает смысл только из целого» [6, стр. 106]. Рассмотрим основные положения этой концепции:

1. в основе членения словарного состава лежит «понятийным полям» (логический подход), которому соответствуют «лексические поля», образующее лексические единицы;
2. действительность членится понятийными полями абсолютно и без остатка; как следствие – полный параллелизм, изоморфизм языка и мышления;
3. понятийные поля являются замкнутыми и ограниченными друг от друга;
4. язык и действительность находятся в тесной взаимосвязи, что обуславливает понимание внутренней формы языка как выражения мироощущения его носителей, которое изменяется во времени;
5. слово не существует в языке изолированно от других слов, и ни одно слово не стоит отдельно в сознании говорящего и слушающего.

Проще говоря, адекватное толкование значения термина зависит от лексических единиц, которые входят в одно и то же семантическое поле данного языка, и от его семантических отношений с другими членами этого поля. При исследовании языка выделяются изолированные семантические поля (области) лексики на основе различных отношений входящих в них языковых единиц (родовидные, синонимические, «часть-целое» и так далее). Так, например, в русском и немецком языках, содержание и объем значений слов, входящих в семантическое поле обозначений интервалов в пределах

суток, отличается. То есть, когда носитель немецкого языка употребил бы слово «vormittag» (предполуденное время), входящее в семантическое поле вместе с лексическими единицами «утро», «послеполуденное время», «вечер» и «ночь», носитель русского языка употребит слово «утро». Иными словами, для чёткого определения границ слов «утро» и «вечер», необходимо точно знать существующий как самостоятельные сущности отрезки времени суток в данном конкретном языке, или, другими словами, знать объём и содержание всего семантического поля. Одни семантические поля могут как содержать одинаковые языковые единицы с множеством значений, так и пересекаться, и быть связанными с другими семантическими полями, что, в свою очередь, образует языковую систему. Позже, Л. Вайсгербер дополнил теорию добавив, что концептуальные системы, лежащих в основе конкретных языков - неповторимы. В структурной семантике и связанной с ней теории семантического поля отдельные концепты, а также значения обозначающих их лексических единиц, рассматриваются не как объективно существующие, внеязыковые феномены, а как создаваемые языком «духовные объекты», структурирующие действительность. Слово - это минимальная зависимая единица, которая существует только благодаря целому, т.е. лексическому полю. «Чтобы понять значение отдельного слова, - пишет Л. Вайсгербер, - надо представить все поле и найти в его структуре место этого компонента». Языковое поле образует как бы промежуточный мир между внешним миром и сознанием человека определенной языковой общности.

В своей работе Й. Трир также описал разработанный им экстралингвистический подход исследования семантических полей. По Й. Триру, язык является замкнутой самостоятельной системой, которая определяет сущность в сознании в виде системы понятий, представляющая собой содержательную сторону языка и участвующая в его членении. В 1931 году Й. Трир ввел понятие «понятийное поле», называя его «непосредственным отражением действительности» [7, стр. 176] и содержащем в себе лингвистическое описание. Понятийное поле понимается, в первую очередь, как структура определенной понятийной сферы или круга понятий. В языке аналогом понятийного поля служит словесное (или лексическое) поле, которое самостоятельно или изолированно не существует вне словарного состава, а вычленяется из него лишь будучи соотносённым с каким-либо понятийным полем [8, стр. 2], т. е. каждому полю в понятийной сфере в языке соответствует лексическое поле, которое состоит из совокупности отдельных фраз. Слова, констатирующие такие объединения, связаны или парадигматическими, или синтагматическими (синтаксическими) отношениями» [9, стр. 90]. Эти же слова, существующие в сознании человека по группам, образуют некую смысловую сферу.

Лексические поля очерчивают границы соответствующим пространствам понятийных полей, или, проще говоря, лексические поля покрывают соответствующие пространства понятийных полей. Состав лексического поля (самостоятельной единицы, занимающее промежуточное положение между системой языка в целом и отдельным словом) определяет принадлежность слов к понятийному полю (способность выражать определённый круг понятий). Поле – есть «совокупность слов, находящихся в свободных связях по линии их лексического значения в тот или иной период времени. Понятийное и словесное поля содержат компоненты, причем компоненты словесного поля полностью покрывают компоненты понятийного поля. Как уже было сказано, лексическое поле является самостоятельным потому, что отдельные слова не являются обособленными носителями значений. Поэтому человек в состоянии понимать отдельные слова только тогда, когда в его сознании присутствуют всё поле словесных знаков, иначе говоря, слово имеет значение только внутри целого поля и благодаря этому целому.

Возьмём в качестве атомарной (неделимой) единицей слово. Выше говорилось, что само по себе слово не имеет значение, значение оно приобретает только тогда, когда попадает в семантическое поле и становится лексической единицей. Лексической единицей же называется отношение между понятийным полем и лексическим полем.

Рассмотрим ряд слов: осина, береза, дуб. Гиперонимом (обобщением) этого ряда является слово «дерево», а каждое из слов ряда является гипонимом по отношению к слову «дерево». Данный ряд является множеством пород дерева. Проанализировав его, можно обнаружить в этих значениях общие для всех этих слов смысловые компоненты (семы) и специфические, присущие значению только данного слова. Семой для приведённого ряда является слово «дерево»: толкование каждого из этих слов невозможно без указания на то, что данный природный объект принадлежит к классу деревьев. Таким образом, нетрудно догадаться, что лексическим полем в данном семантическом поле будут являться слова: осина, береза, дуб, - а понятийном поле будет являться только слово «дерево». Соединив компоненты понятийного и лингвистического полей, получим три лексических единицы, являющиеся объектами отношения «принадлежит». В прошлом параграфе было сказано, что такие отношения называются фактами. Таким образом, факты звучат следующим образом: дуб принадлежит дереву, береза принадлежит дереву, осина принадлежит дереву.

Вернёмся к фреймам. Фрейм нашего семантического поля состоит из трёх уровней: на самом нижнем находятся фреймы слова (их 4, для слова «дерево» также не-

обходим фрейм), дальше идут фреймы отношения «принадлежит» и на самом верхнем уровне находится фрейм семантическое поле.

Рассмотрим фразу «цветы растут на опушке». Для понимания этой фразы необходимо построить следующую систему фреймов: цветок является растением, опушка является краем леса, лес является множеством деревьев, деревья являются растениями, рост является существованием.

Таким образом видно, что понятийные поля Й. Трира в лингвистике являются аналогом теории фреймов в философии. Рассмотрим основные понятия теории Й. Трира и переведем их в язык теории фреймов:

1. Слово является атомарным фрейм-объектом;
2. Лексическое поле является набором фреймов «слово», по смыслу являющиеся гипонимом хотя бы одного фрейма слово из понятийного поля;

3. Понятийное поле является набором фреймов «слово», по смыслу являющиеся гиперонимом хотя бы одного фрейма слово из лексического поля;
4. Лексическая единица — это факт, являющийся фреймом отношения, включающий в себя терминал с названием отношения (в данном примере это отношение «принадлежит»), терминал, маркером которого является один из фреймов слово лексического поля и терминал, маркером которого является один из фрейма слово понятийного поля;
5. Семантическое поле является фреймом, включающий в себя динамический набор фреймов отношения (факты).
6. Таким образом, для теории семантического поля теория фреймов является, так сказать, дженериком (Generic), шаблоном, в который эта теория отменно вписывается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасов Сергей Иванович и Молчанова Наталья Сергеевна Значение теории фреймов в современной науке [Статья] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. - Белгород: ФГАОУВО «Белгородский государственный университет», 2009 г. - 10 : Т. 16. - стр. 13-17.
2. Гусельникова Олеся Валентиновна Возможности фреймового анализа [Статья] // Мир науки, культуры, образования. - Горно-Алтайск: Редакция международного научного журнала Мир науки, культуры, образования, 2009 г. - 5. - стр. 29-32.
3. Гусельникова Олеся Валентиновна Терминологический аппарат структуры фрейма [Статья] // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. - Челябинск: [б.н.], 2010 г. - 9. - стр. 137-149.
4. Шафиков Сагит Гайлиевич Теория семантического поля и компонентной семантики его единицы [Книга]. - Уфа: Башкирский университет, 1999.
5. Трир Йост Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines Sprachlichen feldes, [Книга]. - Heidelberg: [б.н.], 1931.
6. Васильев Л.М. Теория семантических полей [Статья] // Вопросы языкознания. - 1971 г. - 3. - стр. 105-113.
7. Караулов Юрий Николаевич Общая и русская идеография [Книга]. - Москва: Наука, 1976.
8. Жоламанова Е.И. Теория семантического поля: традиции и новации. - [б.м.]: Американский университет в Центральной Азии, 2009 г.
9. Щур Георгий Семенович Теория поля в лингвистике. - Москва: Наука, 1974 г.

© Меньшиков Данил Игоревич (menschikov.danil@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЧЕЛОВЕК. ЖИЗНЬ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (ДИАЛОГ Г. ЙОНАСА, Э. МАЙРА И С. ДОННЕЛЛИ)

Пугачева Наталья Петровна

*К.ф.н., доцент, Пензенский государственный аграрный университет
kozlova_natalya@list.ru*

**HUMAN. LIFE. RESPONSIBILITY
(DIALOGUE OF H. JONAS, E. MAYRA AND
S. DONNELLI)**

N. Pugacheva

Summary: The article is devoted to the analysis of the category of life in ontological axiology of the philosopher Hans Jonas in comparison with the evolutionary theory of the biologist Ernst Mayr. The development of organic and moral freedom in the history of life and the organism is shown. The relationship of biology and ethics is analyzed. The concept of H. Jonas is presented as an ontological revolution in philosophy, which led to the establishment of the ethics of life.

Keywords: H. Jonas, E. Mayr, S. Donnelly, life, organism, freedom, responsibility.

Аннотация: Статья посвящена анализу категории жизни в онтологической аксиологии немецко-американского философа Ганса Йонаса в сравнении с эволюционной теорией биолога Эрнста Майра. Показывается развитие органической и моральной свободы в истории жизни и организма. Анализируется связь биологии и этики. Концепция Г. Йонаса представляется как онтологическая революция в философии, приведшая к становлению этики жизни.

Ключевые слова: Г. Йонас, Э. Майр, С. Доннелли, жизнь, организм, свобода, ответственность.

В современной научной картине мира жизнь перестает быть чисто биологической категорией, претендуя стать тем самым «мостом», соединяющим естественнонаучное и социально-гуманитарное знание. В качестве живого примера можно привести творчество философствующего биолога Эрнста Майра (1904-2005) и философа, занимавшегося проблемой жизни и организма, Ганса Йонаса (1903-1993). Оба они стали свидетелями глобальных изменений в социуме и науке, прожившими практически весь «костоломный» XX век. И тот, и другой – выходцы из Германии, по разным причинам покинувшие ее и нашедшие последний приют в США. Майр и Йонас стояли у истоков философии биологии и являются авторами революций: Майр – в эволюционной биологии, Йонас – в философии живого [2].

Майра считают одним из авторов синтетической теории эволюции и новой концепции биологического вида. Он отвергал редуционизм, считая, что эволюция захватывает весь организм, а не отдельные гены; отрицал идею личного Бога, полагая, что нет ничего, поддерживающего его; критиковал поиск внеземного разума и был ярким защитником научного метода; резко выступал против различных евгенических проектов, указывая на сложный характер наследования духовных и этических качеств и генетическую уникальность каждого человека [1].

В обращении главного редактора журнала «Природа» А.К. Скворцова, посвященном столетию ученого, в качестве одной из проблем, поставленных Майром, значится специфичность биологии, ее отличие от наук фи-

зического цикла, поскольку среди живых объектов нет двух идентичных, они все уникальные [3; С. 70]. Поэтому в биологии изначально имеется связь с этикой, в отличие от физики.

Ганс Йонас в своих главных работах «Организм и свобода» (1973) и «Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации» (1979), а также в многочисленных эссе обращает наше внимание на онтологическую уникальность живого организма, необходимость перестройки традиционной этики вокруг принципа ответственности за будущее. Он пытается уйти от редуционизма и дуализма и в своей философии биологии, в отличие от Майра, сосредотачивается не на эволюции (становлении и развитии) жизни, а на бытии организма, содержащего потенцию свободы и моральности.

По сути, философия биология в творчестве Йонаса становится этикой жизни – это одна из основных идей коллективной монографии «Человек. Бог. Мир. Философия жизни, религиозная философия и метафизика в творчестве Ганса Йонаса». Этот сборник стал ярким итогом многолетней работы последователей и верных учеников мыслителя [8]. Одним из наиболее репрезентативных разделов книги является очерк С. Доннелли (Strachan Donnelly) «Ганс Йонас и Эрнст Майр: об органической жизни и человеческой ответственности» [5].

Страхан Доннелли (1942-2008) – доктор философии, основатель (2003) и президент Центра человека и природы (The Center for Humans and Nature, Иллинойс). До

его создания был президентом (1996-1999) Гастингс-центра (Hastings Center), института биоэтики, и директором его программы «Люди и природа», руководил рядом исследовательских проектов в области окружающей среды («Этика опытов над животными», «Биотехнология животных и природа» и др.).

Доннелли редактировал специальное издание Центра (1995) о Гансе Йонасе, подчеркнув значимость его философии организма: «Такая интеллектуальная осмотрительность или скромность дает Йонасу умозрительную философскую возможность вернуться к повседневному опыту, выйти (как Уайтхед) за пределы унаследованных гун материализма и идеализма и систематически исследовать «цель природы», которая проявляется во всей органической, эволюционной жизни, в том числе животных и людей... Все подлинные примеры органической (особенно животной) жизни пользуются той или иной формой самочувствия, самости, «нуждающейся свободой» и активного обмена с миром» [4; P. 28].

Доннелли – автор многочисленных статей по философии, эволюционной биологии и этической ответственности. Его докторская диссертация была посвящена философии Альфреда Норта Уайтхеда «Живое тело: организмы и ценность». С раннего детства страстно влюбленный в реки и земли Иллинойса Доннелли назвал себя самопровозглашенным «философом ловли рыбы нахлыстом», который осознал острую необходимость в создании организации, занимающейся изучением взаимоотношений человека и природы. Убежденный в пагубности редуccionизма он призывал к диалогу биологов, экологов, экономистов, инженеров, поэтов, художников, философов со всего мира, чтобы открыть глаза на долгосрочные последствия жизни людей на этой планете. Доннелли писал живым неповторимым языком: «Даже для того, чтобы начать обсуждение этики экспериментов над животными, мы должны найти свое место в “этическом цирке с тремя кольцами” – дебатах между “людьми-борцами за права человека”, “права животных” и теми, кто находится в “проблемной середине”» [6; P. 16].

Названная нами работа о Гансе Йонасе и Эрнсте Майре вышла в сборнике «Человек. Бог. Мир» как раз в год смерти «философа ловли рыбы нахлыстом». Посмертно была опубликована его книга «Философия пруда-лягушки» (2018), содержащая яркие очерки, основанные на личном опыте и отражающие взгляд на актуальные проблемы современности.

В данной статье представлен краткий обзор очерка С. Доннелли «Ганс Йонас и Эрнст Майр: об органической жизни и человеческой ответственности».

Во время коллоквиума «Возвращаясь к природе: наследие Чарльза Дарвина и Олдо Леопольда» («Revisiting

Nature: the Legacies of Charles Darwin and Aldo Leopold», 1996) в рамках исследовательского проекта «Люди и природа», организуемого Гастингс-центром, Эрнст Майр сказал о Гансе Йонасе: «Он был одним из немногих мыслителей, которые всерьез принимали органическую жизнь и организмы. Он был неправ, но он был философски и морально серьезен» [5; S. 41]. Доннелли обращает внимание на то, что начиная с этого коллоквиума и теперь в «Центре человека и природы» делаются попытки связать в идее долгосрочной и взаимопроникающей ответственности человеческие сообщества, естественные экосистемы и ландшафты. Вызов, давно брошенный Йонасом и Майром, становится явственной моральной и общегражданской проблемой нашего времени. Проблемы, касающиеся системы «человек-природа», навязываются со всех сторон: экологически «непереносимые» города и сельскохозяйственные практики, антибиотики в здоровой системе, глобальное крушение морского рыболовства, другие формы жизни и т.д. – буквально «так называемое событие вымирания человека». И все эти проблемы являются не только практическими, моральными и социальными – они требуют теоретических и концептуальных обоснований. Необходимо исследовать взаимовлияние философии, эволюционной биологии и этики, и в аспекте встречи людей с природой в повседневной жизни. Сравнивая, Эрнста Майра, эволюционного биолога и философа биологии, и Ганса Йонаса, этика и философа органической жизни, можно рассмотреть главную проблему нашей практической ответственности по отношению к человеку и миру природы, справедливо считает Доннелли.

Природа Майра – динамическое гераклитовское царство, содержащее в качестве центрального элемента ДНК, ген и геном – материал, незнакомый ньютоновскому физикализму. Специфические исторические измерения и процессы выходят за рамки физических и химических знаний, то есть биология как наука «трансцендирует» физику и химию. Наличие генетической программы меняет представление о причинности. Индивидуальный организм – «фенотип» – с которым мы встречаемся в нашем повседневном опыте – нечто «возникшее или постоянно возникающее» до тех пор, пока он не умрет. Это взаимоотношение генома, клеточной и соматической телесности и экосистематической «окрестности» тела – индивидуальный «интерактер» в генерации будущего мира. Концепция возникновения поднимает философский вопрос о природе индивидуального организма, включая человеческого индивидуума или самость – это одна из любимых тем Ганса Йонаса.

Если Майр производит революцию в эволюционном учении, то Йонас претендует на революцию в философии. В работе «Организм и свобода», «Философских эссе», «Принципе ответственности» Йонас подвергает критике онтологический дуализм духа и материи, не

оставивший места для адекватной философской интерпретации органической индивидуальности, идентичности и телесной жизненности – человеческой или нечеловеческой [7; S. 32-39].

Йонас возвращается к повседневному человеческому опыту и делает упор на субъективности, индивидуальном действии и целеустремленности. Он принимает дарвиновское учение. Если мы непосредственно или косвенно связаны со всеми формами жизни на земле, то субъективность, индивидуальность и целеустремленность, находимую в нас самих, мы можем находить и в органически-биологическом другом, в других видах и организмах, пусть даже и в рудиментарном виде. В этом смысл метода отката «назад» – от человеческого примера во всю область органического бытия. Таковы философские, феноменологические и спекулятивные интерпретации органического, по Йонасу, считает Доннелли.

Метаболический образ существования организмов говорит о свободе от мира, которая состоит в еще большей зависимости от естественного, материального, мира. «Организмы наслаждаются онтологическим статусом, обозначаемым им как нуждающаяся свобода» [5; S. 54]. Организм, его идентичность определяются через понятие живой формы, которая существует через и над ее прошлыми материальными составными частями. Образ жизни организма требует активного действия – живая форма воплощает активное «нет небытию», безжизненности и бесценности неорганической природы. Йонас считает органическую жизнь онтологической революцией в истории материи, радикальным способом изменения ее бытия. Жизнь привносит в мир ценность в виде целевого существования, в чем состоит онтологическое и космологическое начало «нуждающейся свободы», проявляющейся в метаболическом существовании.

Йонас делает наброски различных измерений нуждающейся свободы от одноклеточного организма через растительное существование к животному бытию и, наконец, человеческой экзистенции во всех ее проявлениях – от экономических и социальных, через политические, научные и технологические, к эстетическим, этическим и духовным. В ходе эволюции возникают новые способности, свидетельствующие о новой ступени свободы, новой форме независимости от мира: движение, ощущение, чувствительность, восприятие смысла, практический и теоретический разум. Жизненная форма всех организмов, телесная самость человека открывают онтологическую, экзистенциальную структуру нуждающейся свободы. Организмы, ценность их жизни – смертной, уязвимой – философски подводят к идее их права. Благодаря ценности, смыслу и значению оживленная природа философски реабилитируется и человек «натурализируется», подвергается переосмыслению.

В отличие от Майра, Йонас относительно мало интересуется конкретной историей природы: эволюционной и экологической. Он больше обращается к экзистенциальной драме, внутренней жизни, мировому приключению, включая моральную ответственность человека. «Нуждающиеся свободы – и нуждающиеся ответственности – доминирующие темы его философских изысканий» [5; S. 56]. В этом и неповторимая сила и слабость философии, или, по меньшей мере, этики Йонаса. Сила ее – в феноменологическом раскрытии органической жизни, включая человеческую: что это значит – быть организмом и чувствовать себя им. С другой стороны, учитывая эволюционную историю, философ не в полной мере использует размах и величие естественно-исторической драмы, когда образы жизни возникают динамично и взаимосвязано (популяционно и экосистематически) на фоне постоянного отбора и биотических вариаций. «Эта абсолютно аморальная история земли попросту очаровывает и восхищает философствующего биолога Майра. Тем не менее, она не возбуждает внимания и воображения философа организма Ганса Йонаса» [5; S. 56]. По мнению Доннелли, Йонас недооценил роль симбиотических и противоречивых аспектов предчеловеческой, человеческой, экосистематической жизни для этики.

Йонас – философ, моральный экзистенциалист, обладающий внимательным этическим и духовным взором, способным увидеть как нравственно предосудительное и отвратительное, так и похвальное и благородное. Этот взор укреплялся до, во время и после гитлеровской оккупации и Второй мировой войны. По натуре христианин отрекался и Майр от своей родины Германии по «причинам совести» (он находился за пределами Европы, занимаясь биологическими полевыми исследованиями), но был не так абсолютен, как Йонас, давший себе клятву не возвращаться в Германию никак иначе, кроме как солдат победоносной армии освобождения. В котлованах Второй мировой Йонас впервые почувствовал интерес к философии жизни и организма – интерес, который с самого начала имел моральный импульс. Это наблюдение Доннелли свидетельствует о глубоком прочувствовании не только творчества Йонаса, но и трагедии его личной судьбы.

Очевиднее всего различия во взглядах Йонаса и Майра прослеживаются в вопросах морали и этической ответственности. В обоих случаях имеется в виду, прежде всего ответственность за человечество, которая подразумевает ответственность за природу. «Однако оба достигают этого морального Рима абсолютно разным этическим путем» [5; S. 58].

Майр находит корни нашей моральной жизни в эволюционных процессах, когда речь идет о социальных группировках животных и больших сообществах, «вза-

имном альтруизме». Люди, благодаря своему, отточенному во времени на опыте, генетическому «оборудованию» могут учиться, принимать участие в человеческой культуре и ее креативно развивать, решать самостоятельно вещи для нас, свободно и ответственно, в пределах ограничений (в том числе, генетических) и возможностей мира. Будущее открыто, неопределенно, принципиально не предсказуемо и мы своими действиями все больше склоняем его к плохому сценарию. Плюрализм человеческих общностей, и моральный, вполне согласуется с популяционным мышлением Майра. Недостаток биологических знаний – вполне серьезный вопрос, если мы хотим и в будущем развиваться именно «человечно». Майр присоединяется к О. Леопольду и другим экозащитникам и натуралистам в требовании ответственности за благополучие природы, за защиту продолжающихся эволюционных, экологических, культурных процессов.

Так же и Йонас требует выполнение долга по отношению к будущему человека и природы. Это «сердце» его книги «Принцип ответственности». Он возводит человеческую моральность и ответственность к естественным, органическим истокам – в частности, к родительскому чувству по отношению к ребенку – естественному чувству и ответственности за в высшей степени уязвимое и нуждающееся существо. Фундаментальная ценность всей жизни и всех органических существ коренится в той самой онтологической революции – способности сказать «нет небытию», активному утверждению самости в мире, опасном смертью, в виде каждого индивида, вида и всей жизни. Если возможность жизни включает возможность моральной ответственности, как это происходит в случае человечества, мы достигаем «абсолютно моральной пограничной области и ультимативного категорического императива, как онтологического, так и морального: человечество и так необходимая для человечества природа, как и морально ответственная жизнь, “должны быть”» [5; S. 59]. В отношении этого категорического императива мы не можем выбрать свободу действовать безответственно. Моральная ответственность, которую люди несут в себе потенциально, как и сам человек – последняя цель, по Йонасу. Безусловно кантианский оттенок в виде трансцендентальной абсолютности сохраняется в моральной аргументации философа.

Новые философские космологии Майра и Йонаса, способствующие пониманию органической жизни, по существу «интеракционистские». У обоих мыслителей налицо взаимодействие (интеракция) индивидуального философского мировоззрения, научных концепций, этических убеждений и личных отношений с человеческим и природным миром.

Наш опыт, включая философское, научное и этическое образование и рефлексию, без сомнения, втекает в наше настоящее Я, из которого вырастает наше персо-

нальное будущее в мире. Это первоначальные встречи и взаимоотношения с миром, в которых мы получаем этические обязательства и отвечаем потом на них в зависимости от того, как мы были «проинформированы» предшествующим интеллектуальным и культурным «приключением». Опыт этического долженствования или обязательства, подготовленной естественной и культурной эволюцией, является жизненно важной «организмической реакцией» на мир, которая характеризуется моральной окраской (чувством долженствования). «Это всемирный горизонт человеческой свободы и ответственности» [5; S. 62].

Неистощимое богатство и сложность мира, которые познаются человеком, не могут быть охвачены философией, наукой и этикой. Майр как философ – скорее борец за естественное и человеческое становление – от природных и культурных процессов, систем и форм во все многообразие мира. И это человеческое и природное «шоу» развивается непрерывно. Йонас как философ – борец за органическое и человеческое бытие. Он меньше обращает внимание на бесчисленные материальные формы и процессы жизни, сосредоточиваясь на факте самой жизни, особенно способности органической жизни к моральной ответственности, развивающейся в человеке. То, что в огромной вселенной, представленной в основном мертвой неорганической материей, возникли живые и моральные существа как «бунт против смерти и бесплезности» [5; S. 64] – удивительный факт, который мы должны сохранить.

В случае Майра и Йонаса разным способом сложились взаимоотношения философии, биологии, этики и личного опыта. В произведении «Принцип ответственности» Йонас, «участник войн XX столетия и свидетель его зверств, смотрит в лицо современной жизни и нашим акселерированным технологиям» [5; S. 64]. В центре этической ответственности должна находиться долгосрочная перспектива будущего человека и природы. И это должно гарантироваться метафизическим и философским обоснованием. В свою философию и этику Йонас берет из эволюционной биологии то, что ему необходимо. А Майр, как натуралист, использует нужные ему философские концепции, соответствующим образом характеризуя моральную жизнь биологически, с точки зрения исторической эволюции природы и человека. Акценты философа организма Йонаса и философствующего биолога Майра, таким образом, различны.

Доннелли снова вспоминает экологические проблемы современности, особенно «монокультуривование» (сокращение генетического разнообразия) живого мира, не говоря о клонировании человека. Эти реалии требуют ответственности, простирающейся на природу, возлагаемой на нас историческим положением дел, не требующей никакой логической дедукции для ее призна-

ния. Хорошо, что есть Йонас и Майр, замечает Доннелли, с их различным видением нашей ответственности. Не можем же мы отдать формы живой жизни, включая нашу собственную, «мраку ничто»... «Чтобы воплотить ответственность, распространяющуюся на природу – нашу ответственность по отношению к природе вещей, данности “человека и природы” в мире – это счастье, что у нас есть Майр и Йонас и другие философы и этики» [5; S. 66].

Йонас понимает органическую жизнь как беспрецедентную онтологическую эволюцию в истории материи. Происхождение жизни лежит по ту сторону нашего философского познания. Но однажды возникнув, жизнь существует в своей радикальной полноте и противопоставлении мертвой неорганической природе. Целесообразность, целенаправленность, дееспособность субъекта, забота о себе и самооценность, а затем моральность и человеческая ответственность – все это создает непроходимую «онтологическую пропасть» с неорганическим миром. Это несколько напоминает картезианский дуализм духа и материи, (с которым сам Йонас пытался бороться – Н.П.). Тем не менее, жизнь в силу необходимости материальна. И как только она выходит на онтоло-

гическую сцену, можно говорить об эволюции, развитии бытия к цели и «нуждающейся свободе» – это имманентно естественный, исторический и в некоторой степени культурный процесс. «На конференции в Иерусалиме в начале 90-х годов, незадолго до его (Йонаса) смерти, я спрашивал его, является ли полная самоотдача Бога миру – еще более радикальный акт, чем пожертвование сына на благо человечества через христианского Бога – божественным самоубийством, т.е. полным уничтожением божественной и сверхъестественной реальности. Он подмигнул и улыбнулся в свойственной ему угрюмой манере: “Я уже говорил тебе, что не продумал до конца эти вещи. Нет, я думаю, кое-что осталось”. Вечное существо или вечная идея добра, которой не касается зло и опустошение исторического становления? Имеем ли мы дело с этим поздним потомком платоновской идеи блага?» [5; S. 70].

Интерес таких выдающихся ученых и общественных деятелей, как Э. Майр и С. Доннелли, к творчеству Ганса Йонаса доказывает актуальность его идей в области философии живого и этики ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колчинский Э.И. Эрнст Майер – архитектор, пропагандист и адвокат синтетической теории эволюции // Создатели современного эволюционного синтеза. – СПб.: Нестор-История, 2012. – С. 440-441.
2. Пугачева Н.П. Человек, жизнь и природа в философии Ганса Йонаса: монография. – Пенза: РИО ПГСХА, 2013. – 184 с.
3. Скворцов А.К. Лидер эволюционной биологии. К 100-летию Эрнста Майра // Природа. – 2004. – № 9. – С. 69-70.
4. Donnelly S. Bioethical Troubles: Animal Individuals and Human Organisms // The Hastings Center report. – 1995. – P. 21-29.
5. Donnelly S. Hans Jonas und Ernst Mayr: Über organisches Leben und menschliche Verantwortung // Mensch. Gott. Welt. Philosophie des Lebens, Religionsphilosophie und Methaphysik im Werk von Hans Jonas. – Freiburg, Berlin, Wien: Rombach, 2008. – S. 41-71.
6. Donnelly S. Speculative Philosophy, the Troubled Middle and Ethics of Animal Experimentation // The Hastings Center report. – 1989. – P. 15-21.
7. Jonas H. Das Prinzip Leben. – Frankfurt a. M.: Insel, 2011. – 408 s.
8. Mensch. Gott. Welt. Philosophie des Lebens, Religionsphilosophie und Methaphysik im Werk von Hans Jonas. – Freiburg, Berlin, Wien: Rombach, 2008. – 476 s.

© Пугачева Наталья Петровна (kozlova_natalya@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Abdullayeva S. – the assistant, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs; teacher of College of innovative technologies and entrepreneurship of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

Alyohin A. – Doctor of Medical Sciences, Professor, FGBU VO « Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen»

Antyushev I. – PhD student, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University

Barinov V. – graduate student, Ryazan State University named after S.A. Yesenin

Blokhin D. – PhD student, Astrakhan State University

Bogomolov A. – Ph.D., Associate Professor, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin

Burykina M. – Doctor of Psychology, Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Chistyakova Yu. – post-graduated student, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Doronin V. – Ph.D., Associate Professor, Tyumen State University

Fedorov A. – candidate of psychological sciences, associate professor, senior researcher, Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow; associate professor, Vladimir state university V.G. and V.G. Stoletov

Our authors

Fidarova F. – Candidate of Cultural, Associate Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Glebova A. – postgraduate student of Saint Petersburg State University

Guo Tingting – Graduate student, State University of Management

Isagulova E. – Applicant, FGBOU VO «Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen»; clinical psychologist

Kharchenko D. – Adjunct, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Khlopnova E. – Postgraduate student, St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I. E. Repin at the Russian Academy of Arts

Latynov V. – PhD in Psychology, senior scientific researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Leshchenko S. – candidate of psychological Sciences, associate Professor, Tula state pedagogical University. L. N. Tolstoy

Lyapkina T. – doctor of cultural studies, Professor, Arctic state Institute of culture and arts, Yakutsk

Menshchikov D. – Graduate student, Russian University of Transport (MIIT)

Mindlin Yu. – PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skrjabin

Muskhanova I. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chechen State Pedagogical University

Nikolaev E. – doctor of medical Sciences, Professor, Ministry of education and science of the Russian Federation Federal state budgetary educational Institution of higher education «Chuvash state University named after I. N. Ulyanov»

Peshkova N. – candidate of psychological Sciences, associate Professor, Tula state pedagogical University. L. N. Tolstoy

Pugacheva N. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Penza State Agrarian University

Rodionova D. – Ph.D. in Culturology, Russian Gnesins Academy of Music

Rybnikova S. – graduate student, Ministry of education and science of the Russian Federation Federal state budgetary educational Institution of higher education «Chuvash state University named after I. N. Ulyanov»

Shemet I. – Doctor of Psychology, Autonomous nonprofit organization of higher education “Catherine the Great National Institute”, Moscow

Shibayeva L. – Surgut State Pedagogical University

Sobakinskikh O. – Surgut State Pedagogical University

Strekalovskaya Z. – associate Professor, Arctic state Institute of culture and arts, Yakutsk

Tolok E. – Assistant, Balakovskiy Institute of engineering and technology-branch of the Federal State Autonomous Educational Institution Of Higher Education «National Research Nuclear University «MEPhI»

Tsapova V. – post-graduated student, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Vasilchenko A. – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Komsomolsk-on-Amur State University

Vlasov D. – post-graduate student, lecturer, Crimean University of culture arts and tourism

Yahyaeva A. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Chechen State Pedagogical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).